

Л-10.
Д-133.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ

17.7

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

ИЗДАНИЕ

И. Песочкаго.

I.

869
7047

САМЫЙ ПЕРВЫЙ ТИПОГРАФЪ.

1842.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНСКАГО
ТЕАТРА ДРАМЫ

Inv. Lith. de C. Pohl.

M. Sepuonov

РЕШЕНИЕ

СТАВНОЕ

II

ПЕЧАТНОЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Января 1 дня 1842 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

382
1842

ИЗДАНИЕ

№ 1

I

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1842

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ПЕРЕДѢЛЕННАЯ СЪ ИТАЛІЯНСКАГО,

Ш. Г. Ободовскимъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сирь Вильямъ Доверстоунъ, «содержащійся въ домѣ умалишенныхъ» Г-нъ Каратыгинъ 1.
Агнеса, дочь его Г-жа Дюръ.
Лордъ Алфредъ Станлей, мужъ ея Г-нъ Слирновъ.
Клара, дочь ихъ, 3 лѣтъ Г-жа Виноградская (восп.).
Сирь Мильвилъ, старый другъ Доверстоуна Г-нъ Каратыгинъ 2.
Мисъ Елизд, дочь его Г-жа Волкова.
Графиня Бриджъ, старая шеголиха Г-жа Телешова.
Главный докторъ въ больницѣ умалишенныхъ Г-нъ Третьяковъ.

Фанни, содержательница моднаго магазина Г-жа Шмаева.
Дѣвушка изъ ея магазина Г-жа Соловьева.
Мистрисъ Виль, сосѣдка Фанни Г-жа Гусева.
Геврихъ, женихъ Фанни Г-нъ Леонидовъ.
Робертъ, слуга Станлея Г-нъ Фальевъ.
Джонъ, смотритель въ больницѣ сумасшедшихъ Г-нъ Сосновскій.
Томасъ, старый слуга Доверстоуна Г-нъ Алексеевъ.
Лакей Г-нъ Фалъ.
Швейцаръ Г-нъ Чайскій.

Члены медицинскаго совѣта, дѣвушки въ магазинѣ Фанни, слуги, сторожа.

Дѣйствіе происходитъ въ Англїи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиница въ Ньюкестлѣ, небольшомъ городѣ близъ Дублина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агнеса и Робертъ.

Агнеса (сидитъ у стола.)

Сюда прїѣдетъ онъ, — ты, Робертъ, говоришь, и съ нами онъ въ Дублинѣ побѣдетъ изъ Ньюкестля

къ родителю, — такъ самъ назначилъ онъ.

РОБЕРТЬ.

Давно бы здѣсь онъ былъ, когда бъ не задержали его дѣла по выборамъ. Милордъ Впередъ меня послалъ, хотѣлъ насъ успокоить: Ужели здѣсь его недѣлю ждете вы?

Агнеса.

И какъ я жду его! Глазъ не спожу съ дороги — Во всѣхъ прозвѣзяхъ вижу я его.

И даже — мнѣ признаться стыдно, Робертъ,

I. Драматическія произведенія.

И къ шагу лошадей прислушиваюсь я —
Ночь цѣлую о немъ лишь я мечтаю,
Ни на минуту не смыкаю глазъ.
Годъ, цѣлый годъ его я не видала, Робертъ.
Скажи мнѣ, успокой меня, мой другъ:
Всегда ли въ Лондонѣ онъ былъ здоровъ и ве-
селъ?

Мой старѣй другъ, скажи, онъ вспомнилъ ли
хоть разъ,

Среди своихъ честолюбивыхъ плановъ,
(*въ сторону.*)

О бѣдной, горестной женѣ своей, къ которой
Онъ такъ пріятно охладѣлъ? —

Робертъ.

Милордъ

Все время посвящала Парламенту и преньямъ,
И не обѣдала дома никогда,
Все посѣщала значительные дома,
И вышела весь запасъ его визитныхъ картъ.

Агнеса.

Но гдѣ же чаще онъ бывалъ, скажи мнѣ, Робертъ.

Робертъ.

Я провожала его всѣхъ чаще къ той Маркизъ,
Сестрѣ Министра, не припомню я
Прозванія — у ней еще есть дочь —
Красавица, какой не видало въ столицѣ.
Фиорентини, такъ зовутъ ея, да, такъ.

Агнеса (*содрогается, и принимаятъ равнодушный видъ.*)

Фиорентини! Я въ Шотландіи слыжала
Объ этомъ чудѣ свѣта! Гдѣ жъ еще
Бывала Милордъ?

Робертъ.

У самого Министра;

Съ нимъ въ карты онъ игралъ, и часто
Проигрывалъ ему, нарочно или нѣтъ —
Не намъ судить; но слуги говорили,
Что баринъ мой разсыяно игралъ,
Особенно когда сидѣла близъ Министра
Шлеминнича его — проговорился я —
Миледи — виновата — добренности вашей.
Вы удостоивать изволили меня,
Какъ стараго слугу, и я, глупецъ, быть можетъ,
Границы перешелъ.

Агнеса (*съ притворною холодностью.*)

Ни чуть; я рада знать

Все, что касается Милорда; мнѣ пріятно,
Что безъ меня супругъ мой не скучалъ.

Робертъ.

Напротивъ, веселъ былъ; одно лишь появленіе
Маркизы Юліи одушевило вдругъ
Милорда; — самъ не свой, глядѣлъ онъ на нее.

И въ свѣтъ толковать злорѣчье начинало,
Что онъ въ нее влюбленъ. —

Агнеса (*быстро встаетъ.*)

Не правда, лгуть! —

Оставь меня, старикъ.

Робертъ.

Что съ вами, Боже мой!

Какъ поблѣдѣли вы!

Агнеса.

Я не спала всю ночь,

И слабость чувствую; лишь ожиданье мужа
Въ меня вдохнуло свыше крѣпость силъ.

Изнемогать я, Робертъ, начинаю: —

Покоя (*садится*) жажду я; оставь меня. —

Когда прійдетъ онъ, меня о томъ увѣдомъ.

(*Преклоняется ни стою въ сильной горести.*)

Робертъ.

Что бъ это значило, какъ измѣнилась вдругъ!

Прогнѣваться ей не за что — кажись бы....

(*Уходитъ, разсуждаетъ про себя, разводитъ руками.*)

—

ЯВЛЕНИЕ II.

Агнеса (*одна.*)

Какъ онъ меня разказами встревожилъ!

Ему не вѣрю я, — онъ не измѣнитъ мнѣ,

И растерзать на части не захочетъ

Онъ сердца бѣднаго, которое ему

Лишь изъ одной любви къ нему неодолимой

На жертву принесло дочерній долгъ и честь!..

Я заглушу въ душѣ пустое подозрѣнье,

Утѣшусь мыслью сладостной, что съ нимъ

Вступлю опять подъ сѣнь родительскаго дома,

И вымолю себя прощеніе отца: —

Шесть лѣтъ раскаянья заглаждать мой просту
покъ.

Дитя мое умилю стивить гибѣвъ,

И, можетъ быть, еще меня въ объятія приметъ

Родитель мой, меня благословитъ

И назоветъ меня опять своей Агнесой!

Алфредъ! О, поспѣши прибытіемъ своимъ,

Мнѣ возврати отцовскія объятія!

Благословеніе отца мнѣ возврати. —

Шумъ слышу я колесъ, о Боже, не Алфредъ ли?

Такъ, это онъ! (*Бѣжитъ къ окну*) Окна не

смыю отворить;

Взглянуть не смѣю я, изъ страха, чтобъ не

встрѣтнть,

Чтобъ не увидѣть чуждое лице.

Ну, не безумна ль я, могу ли я ласкаться

Надеждою, что онъ прійдетъ поспѣшилъ?

Взошли на лѣстницу — его шаги — Алфредъ!

(*Въ это время входитъ Станлей, она бросаетъ
слъ къ нему на шею.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Алфредъ, Агнеса.

Алфредъ.

Что случилось съ тобой?

Агнеса.

Что случилось со мною?

Еще меня ты спрашиваешь? То,
 Что плачу я, что я тебя не ожидала,
 Что я ждала тебя, что целый годъ
 Не видѣла тебя; ты понялъ ли, что значитъ
 Годъ, целый годъ разлуки, и еще
 Желаетъ знать, Алфредъ, что случилось со
 мною!

Алфредъ.

Приди въ себя.

Агнеса.

А я тебя винила,

Я думала, что ты забылъ меня.
 Ахъ, я была къ тебѣ несправедлива;
 Прости же мнѣ; но ты не знаешь: каждый день
 Я плакала, скучала, что не пишешь;
 Въдъ ты три мѣсяца, жестокой, не писалъ!
 Вотъ почему — О чемъ я говорила?
 Я растерялась вся. — О, поцѣлуй меня!

Алфредъ.

Для меня въ столицѣ задержали;
 Я членъ Парламента; теперь передо мной
 Открылось блестящее поле.
 Въ Шотландіи я тусяцдцемъ жилъ
 Шестъ лѣтъ съ тобой; теперь настало время
 И честолюбію данъ сердца принести.
 Но для тебя я ускорилъ приездомъ.

Агнеса.

Ты знаешь, что я томилась ожиданьемъ:
 До завтра отложить приѣзда ты не могъ,
 Ты бѣдную жену хотѣлъ собой утѣшить —
 Все тотъ же ты, Алфредъ, другъ сердца моего.

Алфредъ.

Мнѣ нужно говорить съ тобой наединѣ.

Агнеса.

Наединѣ?

(Алфредъ дѣлаетъ знакъ утвержденія.)

Открыть мнѣ хочешь тайну?

(Она удаляетъ Роберта.)

Алфредъ.

Я жертвы отъ тебя одной хочу просить.

Агнеса.

Какъ, у меня, Алфредъ? О, какъ же я счастлива:
 Я чѣмъ нибудь могу тебѣ служить.

Не хочешь ли продать мои брилліанты —

Быть можетъ, въ деньгахъ ты нуждаешься,
 Алфредъ.

Алфредъ.

Не то.

Агнеса.

Такъ что же? Сядь, Алфредъ.

Алфредъ.

Не стойте.

Агнеса.

Какъ понимать тебя?

Алфредъ.

Я ѣду сей же часъ.

Агнеса.

И безъ меня?

Алфредъ.

Тебя взять не могу.

Агнеса.

Но ты мнѣ слово дажь со мной въ Дублинѣ
 побѣхать,

Назначилъ мнѣ свиданье здѣсь, и я
 Примчалася сюда въ надеждѣ, что съ тобой
 Я вымолю себѣ прощенье отца,
 И совѣсти терзанья успокою,
 Дождусь душевному мученію конца. —
 Когда бы знала я, что ты измѣнишь слову,
 Въ Шотландіи осталась бы одна,
 Съ тоски бы умерла, но безъ тебя бѣ не смѣла
 Явиться на глаза несчастному отцу;
 И за кого бѣ меня тогда одну онъ принялъ —
 О Боже! Нѣтъ, Алфредъ, не оставляй меня,
 Въ Дублинѣ побѣдемъ вмѣстѣ, примирившись
 Съ родителемъ; меня возьми съ собой
 Куда бѣ не вздумалъ ты, хотя на край вселенной.

Алфредъ.

Я ѣхать не могу въ Дублинѣ.

Агнеса.

И я
 Остануся съ тобой, къ отцу я не поѣду;
 Отверженная дочь, съ проклятьемъ на чело,
 Изною съ грусти я, но не разстануся съ му-
 жемъ.

Алфредъ.

Та жертва велика!

Агнеса.

На все, на все рѣшаюсь,
 Для счастья съ тобою жить, Алфредъ.

Алфредъ.

Но въ Лондонѣ съ тобой мы жить не можемъ
 вмѣстѣ.

Все состояніе разстроено мое —
 А жизнь столичная сопряжена съ большими
 Издержками. Я членъ Парламента, и я,
 Какъ семьянинъ, жить долженъ цѣлымъ домою,
 Назначить день визиты принимать.

Агнеса.

Я отрекаюся отъ всехъ забавъ столицы,
 Я отрекаюся отъ суеты мірской;
 Невидимой хочу остаться при Алфредѣ —
 А ты одинъ войди въ придворный свѣтъ.
 Въ уединеніи, я отъ него отвыкла,
 Я съ дочерью моею остануся одна,
 Утѣшуся и тѣмъ, что я тебя увижу

Хотя на мигъ одинъ; я буду знать,
 Что подъ одной съ тобой я кровлей обптаю,
 Что воздухомъ съ тобой однимъ дышу.
 О, согласися взять меня Алфредъ съ собою:
 Я утаю отъ всѣхъ, что я жена твоя.

Алфредъ.

Ты вѣд себя...

Агнеса.

Поговоримъ о дѣлѣ.

Ты жертвы отъ меня имѣть желаешь?

Алфредъ.

Отъ дѣла мы съ тобой не удалились;
 Напротивъ, къ дѣлу я приблизился мой.

Агнеса.

Увидимъ.

Алфредъ.

Важныя дѣла и перемѣны,

Которымъ я на поприщѣ мось,
 Подвергнуться могу, политика моя —
 Все это требуетъ отъ насъ разлуки долгой.

Агнеса.

Годъ цѣлый, цѣлый годъ разлуки развѣ мало,
 Алфредъ: и женскому терпѣнью мѣра есть!

Алфредъ.

Упреки!

Агнеса.

Слезы.

Алфредъ.

Ихъ я не терплю, Агнеса.

Агнеса.

Чего же хочешь ты, скажи во имя Бога;
 Ты неизвѣстностью меня не мучь, Алфредъ.
 Ужъ не должна ли я отечество оставить,
 Страну, гдѣ мать моя спитъ непробуднымъ

сномъ,

Гдѣ мой отецъ о мнѣ тоскуетъ, плачетъ?

Для счастья твоего я и на то рѣшусь.

Лишь срокъ изгнанія опредѣли, Алфредъ,

Я буду жить одной надеждой на свиданье.

Алфредъ.

Напрасный страхъ! Я не хочу, Агнеса,
 Тебя съ отеческой страной разлучать,
 А ссылки требовать я не имѣю права;
 Но согласися сама, Агнеса, что судьба
 Ошиблася, тебя со мной соединя —
 Неравенство характеровъ одно
 Уже достаточно, чтобъ сдѣлать бракъ неспос-

нымъ.

Шесть лѣтъ довольно ты терпѣла отъ меня,
 Отъ пылкости измѣнчиваго права.

Я не хочу, чтобъ ты несчастною была:

Меня судьба ведетъ къ предначертаньямъ дерз-

кимъ,

Ты раздѣлить не можешь ихъ со мной;

Забота обо мнѣ убьетъ тебя, Агнеса;

Я не стерплю того: разстаться мы должны.

Блаженству твоему преградой я не буду,
 Свободу возврати тебѣ, еще могу
 Утѣшиться, что ты счастлива будешь.

Агнеса.

Я слушаю тебя, Алфредъ, не понимая.

Алфредъ.

И впрочемъ то, что я предполагалъ
 Уже давно почти ты испытала
 По бѣдствіямъ, его всѣхъ выгодъ не узнавъ.

Агнеса.

Скажи мнѣ такъ, чтобъ я могла тебя понять.
 Нѣтъ! Лучше замолчи, Алфредъ, я начинаю
 Ихъ понимать — ужасныя слова!

(Горько рыдаетъ.)

Алфредъ.

Межъ тѣмъ какъ средство есть разстаться намъ,
 — то средство...

Агнеса.

Лишь слово ты скажи,

Алфредъ.

Законное. —

Агнеса.

Разводъ!

Алфредъ.

Разводъ.

Агнеса (закрываетъ лице
 руками.)

О Боже!

Алфредъ.

Примириетъ все.

Агнеса (сложивъ руки.)

Умилосердися!

Алфредъ.

Тебя страшитъ то слово

Лишь тѣмъ, что засегда сопряжено бываетъ
 Съ огласкою, съ открытjemъ гнусныхъ тайнъ.

Агнеса (въ дикомъ отчаяньи.)

Я рану чувствую, оружія не видя!

Алфредъ.

Ту рану сердца время исцѣлитъ;
 Ты молода..... въ любви другой....

Агнеса.

Въ другой любви!

Убей меня, лишь не ругайся мною....

Смерть, смерть, но не позоръ!

Алфредъ.

Къ чему

Пустые возгласы! Они не перемѣняютъ
 Намѣреній моихъ.

Агнеса (съ твердостью.)

Онъ тигръ, не человекъ!

Не ты ли самъ искалъ руки моей и сердца?
 Какъ пестрый змій явился ты въ цвѣтахъ,
 И обольстилъ меня волшебнымъ обаяньемъ,
 И въ сердце юное къ себѣ вдолхнулъ любовь?

Не для тебя ли я родителя забыла,
 Не наругалась ли я горестью его;
 Любви къ тебѣ все принесла на жертву,
 Изгнанію себя, пустынь обречла?
 Не я ли мать того невиннаго младенца,
 Котораго своей отрадою ты звалъ,
 Котораго не разъ сжималъ въ своихъ объятыхъ?
 Я знаю, для чего меня ты отвергаешь,
 Лишь замысливъ твоимъ я заграждаю путь.
 Ты женишься на дочери Маркизы,
 Не такъ ли?

Алфредъ.

Да.

Агнеса.

И свой обѣтъ

На вѣрность ты разрушить долженъ тяжбой!

Алфредъ.

Ни мало; здѣсь о тяжбѣ рѣчи нѣтъ.

Агнеса.

Чего же хочешь ты, мнѣ объясни точнѣе:

То непонятенъ ты, то слишкомъ ясенъ мнѣ.

Алфредъ.

Взаимное согласіе лишь нужно.

Агнеса.

Меня ты слишкомъ низко считаешь,
 Когда надѣешься, что добровольно я
 Явлюсь предъ судъ, и тамъ собственноручно
 Я подпишу свой смертный приговоръ;
 Что обреку себя съ малюткой злополучной
 На поселяніе отчизны, на позоръ.
 И объявлю, признавшись добровольно,
 Что недостойна я твоей женою быть, —
 Ты ошибаешься, и я, какъ мнѣ ни больно,
 Кто я, теперь должна тебѣ открытъ.

Ужъ я не то ничтожное созданье,
 Лишь годное въ разлукѣ изнывать,
 Готовое на все, какъ жертва на закланье.

Алфредъ, я не одна жена твоя — я мать.

Въ тѣ ночи долгія, когда я не смыкала
 Ни на минуту глазъ, когда въ слезахъ одѣхъ,
 Въ молитвѣ пламенной орады я искала,
 Загладила я свой тяжелый грѣхъ —

Душа моя въ страданьяхъ закалалась,
 И въ сердцѣ мужество и воля возросла.

Чьязъ стала я теперь, обязана Алфреду.

Увидимъ, кто въ борьбѣ губительной надетъ:
 Сильнѣйшій ты, я слабое творенье.

Оружіе мое святое Провидѣнье;

Щитомъ тебѣ поставлю дочь мою. —

Алфредъ, я на разводъ согласья не даю.

Алфредъ.

Донныи отъ меня ты слышала, Агнеса,
 Лишь кроткія слова.

Агнеса.

Лишь смѣй къ другимъ прибѣгнуть.

Алфредъ (подходя.)

Агнеса!

Агнеса (холодно, но съ величьемъ.)

Лордъ Станлей!

Алфредъ.

Несчастная, не знаешь

Еще на что способенъ въ гнѣвѣ я.

Агнеса.

Догадываюсь я.

Алфредъ.

И не трепещешь!

Агнеса (улыбалась.)

Видишь.

Алфредъ (беретъ ее за руку.)

Агнеса!

Агнеса (упадала на колѣни отъ пожатія его руки.)

Ахъ!

Алфредъ.

Ты предо мной во прахѣ.

Агнеса (поднявъ руки къ небу.)

Умилосердись, Господи, надъ нимъ!

(Она встаетъ.)

Алфредъ.

Молися о себѣ — тебя я оставляю.

Агнеса (бѣжитъ къ нему и обвиваетъ руки около его шеи.)

Ты не уйдешь, Алфредъ.

Алфредъ.

Прочь, прочь!

Агнеса.

Когда бъ ты зналъ, какъ я тебя люблю.

Алфредъ.

Такъ докажи любовь свою.

Агнеса.

О, мой родитель!

Алфредъ.

Готова ли?

Агнеса.

Ты мнѣ предсказывалъ судьбу.

Алфредъ.

Лишь слово отъ меня.

Агнеса (зажимая ему ротъ рукою.)

Его не говори.

Алфредъ.

Согласна ли?

Агнеса.

Лишь выслушай меня.

Алфредъ.

Согласна — конечно, но ни писать мнѣ писемъ,
Ни чѣмъ напоминать мнѣ о себѣ не смѣй.
Прости. —

Агнеса (*удерживая его.*)

Меня не бросишь ты.

Алфредъ.

Проклятыя!

Агнеса.

Скорѣ умертви меня.

Алфредъ.

Прочь, прочь!

Агнеса (*падаетъ.*)

Алфредъ!

(*Она встаетъ, протираетъ руки къ нему, и
слова упадаетъ безъ чувствъ.*)

О какъ же я люблю тебя, неблагодарный!

Алфредъ.

Она безъ чувствъ, воспользуюсь минутой:
Свидѣтели и судьи ждуть меня.
Разводная готова, пусть подпишетъ;
Во Францію ее ушли на корабль,
А золото молчать заставить капитана.
Для увѣщанія тѣхъ пламенныхъ надеждъ,
Которыми меня ласкаетъ Фіорентина, —
Избавиться я долженъ отъ нее. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Агнеса (*одна.*)(*Приходя въ себя.*)

Ужасный сонъ, прочь, прочь! Его не вижу я?

Нѣтъ, то не сонъ! Его я слышала проклятыя,
Не голосъ ли я слышала отца!
Нѣтъ, не отца, то былъ Алфреда голосъ,
Но что онъ говорилъ? Не вспоминаю я;
Онъ упрекалъ меня въ холодности, не такъ ли?
Онъ ревность мнѣ въ упрекахъ выражалъ....
Что было здѣсь со мною, сообразить не въ
силахъ.

Ни въ памяти, ни въ сердцѣ жизни нѣтъ.
Небесный громъ на мнѣ не разражался,
И молнія къ моимъ не падала ногамъ, —
А я мертва, безчувственна, какъ мраморъ,
И лютъ холодный катится съ чела.

(*плачетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Агнеса и Робертъ.

Робертъ.

Спасайтесь, Миледи, горе, горе!

Агнеса.

Что сдѣлалось, гдѣ дочь моя?

Робертъ.

Останьтесь.
Узнайте все, что вамъ готовитъ вашъ злодѣй.

Агнеса.

О комъ ты говоришь, тебя не понимаю. —
Затмился разумъ мой; кто тотъ злодѣй?

Робертъ.

Алфредъ.

Агнеса.

Что, что готовитъ онъ, скажи мнѣ, — ну, скорѣе,
Не мучь меня, — не лей по каплѣ ядъ,
Дай выжить мнѣ заразъ отравы чашу!

Робертъ.

Сейчасъ подслушалъ я у двери кабинета;
Онъ, капитана корабля призвавъ,
Съ нимъ толковалъ о томъ, какъ бы отправить
Во Францію одну красавицу свою,
Которой ласками прискущилъ онъ. Я слышалъ,
Что въ монастырь ее онъ хочетъ заключить.

Агнеса.

И кто же та несчастная?

Робертъ.

Миледи,

Никто какъ вы; скорѣе спасайтесь бѣгствомъ;
Наутро васъ отправятъ на корабль;
Я васъ спасу. Въ Дублинъ теперь спѣшите
Къ родителю.

Агнеса.

Я остаюсь.

Робертъ.

Миледи,

Онъ хочетъ вашу дочь отдать въ Сиротскій
Домъ,

А васъ однихъ —

Агнеса.

Не смѣть, онъ не можетъ — я мать!
Я скрою на груди ее своей — я мать!
Я дочери губителю не выдамъ!
Я брошусь къ ногамъ служителей монаховъ,
Они защита мнѣ!

Робертъ.

Но онъ имъ объявилъ
Что вы не госпожа, а..

Агнеса.

Правосудный Боже!

И ты громовъ своихъ не метешь на злодѣя?
Теперь, преступница, твой гнѣвъ постигла я—
Иду на смерть, на гибель, не робѣя.
Лишь спасена бѣ была малютка, дочь моя!

(Бѣжитъ въ комнату и выноситъ сонное дитя.)

Младенецъ спитъ — невинное созданье!

Какъ улыбается еще оно во снѣ!

(Падаетъ на колѣна и молится)

Отецъ отвергъ тебя *(твердо)*, но Божій миръ
обширенъ: —

Въ немъ благородныя не вывелись сердца;
Пойдемъ... Себя, старикъ, тебѣ я поручаю
И благодати небеснаго Отца.

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ. Задняя декорация представляетъ холмистую страну.

Агнеса *(бѣжитъ съ холмовъ, неся на рукахъ дочь)*

Мы спасены! Благодаренье Богу!
Здѣсь отъ гонителей мы скроемся въ лѣсу;
Ихъ голосовъ не слышно въ отдаленьи,
И факеловъ не видѣть яркій свѣтъ.
Дублинъ не вдалекѣ; съ того пригорка,
При блескѣ молніи, мелькнулъ передо мной
Высокій шпиль соборной колокольни.
И въ этомъ паркѣ хаживала я
Съ отцемъ моимъ, — и это мѣсто помню —
Умалшенныхъ домъ вблизи — пойдемъ туда.

(Хочетъ идти.)

Я выбилась изъ силъ; иди сама, малютка,
Нести тебя я боль не могу.
Ну, встань на ножки, встань, дитя мое. О Боже!
Стоять не можешь ты; какъ ослабла ты,
Что сдѣлалось съ тобой, твои колѣни гнуты?
Ужъ не больна ли ты? Ахъ, чѣмъ тебѣ помочь
Не знаю я! Я, какъ Агарь, въ пустынь.

(лаская дочь)

Тебѣ спать хочется, дитя мое.

Клара.

Устала;

И ноги у меня болятъ вотъ здѣсь, и здѣсь.
Спать уложи меня

Агнеса.

О Боже, что мнѣ дѣлать,

Гдѣ уложить ее? Нести ее не въ силахъ.
(ищетъ въ кустахъ мѣстечка.)

Вотъ здѣсь усни, не дуетъ здѣсь, прилягъ.

Клара *(ложится спать.)*

А ты не спишь?

Агнеса.

Я посижу съ тобою;

Не бойся ничего, и спи спокойно.

(Садится на пенъ.)

Клара.

Мама,

Здѣсь жестоко.

Агнеса.

Потерни, дитя мое.

(Клара уснула.)

Уснула... Нѣкогда и я, такъ засыпала
И убаюкивалъ меня игривый сонъ;
А нынѣ грозныя видѣнья не отходятъ
Отъ ложа моего. Проклятіе отца
И въ грѣсахъ слышу я, и трепещу отъ страха.
Алфредъ! Алфредъ, какъ дорого плачу
За нарушение священнѣйшаго долга
Дочерняго! Какъ нищая, безъ помощи, одна,
Я подаю имъ питаюсъ проходящихъ.
Съ позоромъ на чѣлѣ стыжусь поднять глаза,
Страшусь, чтобъ моего въ нихъ срама не чтили.

Родитель мой! къ тебѣ, въ твои объятья
Я возвращаюсь; меня ты не отринь!
Повѣрь, раскаянье мое чистосердечно,
Прости! Нѣтъ, на глаза къ нему я не явлюсь:
Мнѣ не снести его пронзительнаго взора.
Но будетъ ли еще корить меня отецъ?
Создатель чадъ своихъ заблудшихъ принимаетъ
На лоно тишины, уже ль родитель мой
Отвергнетъ дочь свою?—Я слышу въ отдаленьи
Стенанья, крикъ; тамъ дѣвъ влачится по землѣ:
О Боже! ужъ не звѣрь ли кровожадный
Сорвался. Нашъ послѣдній часъ
Насталъ. Прими мое раскаянье, — Боже!
Лишь дочь мою отъ гибели спаси!

(Гроза, молнія иногда сверкаетъ)

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Доверсто онъ выходитъ съ лѣвой стороны, влача на ногахъ кусокъ вѣрны; онъ показывается во всемъ безпорядкѣ человѣка, лишеннаго ума:

медленно приближается, въ смрастѣи, останавливается, пробирается на лѣвую сторону, видитъ Агнесу, и въ страхѣ бѣжитъ въ глубину сцены. Агнеса въ это время недвижна, вперя взоры, въ ужасъ. *Краткое молчаніе.*)

Агнеса.

Не призракъ ли? Нѣтъ, нѣтъ! не призракъ. Убийца, можетъ быть?—Дочь!—если крикъ ея Убьжище откроетъ... Нѣтъ, убійца Для матери младенца пощадить. —

(Постепенно шумъ приближается)

Вотъ приближается, его шаги я слышу. О Господи! Продли ея невинный сонъ. Отъ ужаса умереть она по пробужденіи!

Доверстонъ.

(Выходитъ тихо, и чего-то ищетъ руками на земль.)

Я вырвался изъ ихъ желѣзныхъ рукъ; Я убѣжалъ, и здѣсь отъ нихъ укроюсь

Агнеса.

Онъ не съ дурнымъ намѣреньемъ пришелъ: Изъ голоса его, изъ всехъ движеній вижу; Быть можетъ, онъ преступникъ, изъ тюрьмы Онъ убѣжалъ, себя спасенья ищетъ. Мнѣ нечего бояться.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, Доверстонъ слышитъ и останавливается.)

Доверстонъ *(судорожно озирается)*

Это кто?

Ты не видала ли гонителей моихъ?

Агнеса.

Нѣтъ, никого; мы здѣсь одни.

Доверстонъ.

Одни,

А чей же слышишь ты громовый голосъ?

Они зовутъ меня, и вотъ дыханье ихъ!

Какъ разлилось оно по всемъ усталымъ членамъ.

Нѣтъ силъ бѣжать, я весь оцѣнѣлъ.

Тѣ духи адскіе уже висятъ надъ нами,

И веютъ на меня широкими крилами.

О, гдѣ укроюсь я отъ ихъ каленыхъ стрѣлъ!

Агнеса.

Несчастный! Онъ безуменъ, изъ больницы

Онъ убѣжалъ, отъ сторожей своихъ.

Чего вы ищете?

Доверстонъ *(до сего времени искавшій чего-то межъ кустами.)*

И какъ давно ищю

И спрашиваю всехъ о томъ; но все скрываютъ,

Никто не хочетъ мнѣ могилы показать.

Я никому не дѣлалъ зла, за что же

Такъ неизвѣстностью терзать, томить меня?

Могилы я ищю возлюбленной, безвѣстной.

Предмета милого горячихъ слезъ моихъ;

Ты помоги мнѣ отыскать могилу.

(Озирается въ страхъ.)

Не видишь ли кого?

Агнеса.

Я никого не вижу.

Доверстонъ.

Они за мной гнались, я скрылся здѣсь въ лѣсу,

А мнѣ во слѣдъ они свои послали громы;

Но я и громы ихъ въ побѣгъ перегналъ.

(Отступая.)

Что мнѣ до нихъ; теперь я на свободѣ,

Могилу самъ найду, безъ помощи чужой.

(Ходитъ по сценѣ, ища чего-то.)

Агнеса.

Какъ жалокъ онъ; его я въ темнотѣ не вижу;

Онъ, кажется, старикъ—вотъ онъ идетъ сюда.

Доверстонъ.

Тѣ духи адскіе меня въ когтяхъ сдавили,

Чтобъ я отъ нихъ куда не убѣжалъ;

И бурями они сырую землю взрыли,

Чтобы могилы я нигдѣ не отыскалъ.

Но я найду ее и въ день послѣдній міра,

Когда трубы ударитъ грозный гласъ,

И жизнь, какъ ураганъ, промчится по могиламъ,

И, взрытыя ея дыханіемъ, онъ

Поднимутся горой къ небесной вышинѣ.

И съ рубищемъ въ пыли смѣшается порфира!

Превыше тѣхъ духовъ я въ небеса взойду,

И въ хаосъ разрушеннаго міра

Могилу дочери возлюбленной найду!

Агнеса.

О дочери тоскуетъ онъ, о горѣ!

Доверстонъ.

Мнѣ говорятъ, что дочь моя бѣжала

Съ любовникомъ.

Агнеса.

Бѣжала?

Доверстонъ.

Нѣтъ, неправда!

Могла ль она меня на старости оставить —

Отца, который обожалъ ее.

Агнеса.

О Боже, если онъ? Не можетъ быть.

Доверстонъ.

Неправда!

Дочь умерла мол, и въ томъ увѣренъ я;

Самъ видѣлъ, какъ ее зарыли въ землю,

Самъ бросилъ горсть земли на милый прахъ ея,

Самъ я поздвигъ ей памятникъ надгробный

Изъ мрамора, въ одеждѣ гробовой,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она склоняется надъ урной;
Но гдѣ тотъ памятникъ? Не помню, — гдѣ? —
(*Опять ищетъ по сценѣ.*)

АГНЕСА. (*недвижная въ ужасѣ.*)

Что, что со мной? Вся кровь во мнѣ оледѣнѣла!
Не я ли та несчастная? А онъ?... —
Прочь горестная мысль! Одинъ и тотъ же слу-
чай,

Всѣ обстоятельства лишь сходствуютъ у насъ.
О, кто разсѣетъ страшное сомнѣнье?
(*Подходитъ къ Доверстону.*)

ДОВЕРСТОНЪ.

О, если бѣ знала ты, какъ я любилъ ее!
Въ ней полагалъ я все земное счастье, —
Какъ въжила она, покоила меня!
И дней моихъ зима казалась мнѣ весною;
Безъ радостей у насъ не проходило дня;
Какъ вдругъ, не помню я, — могила — да, могила
Раскрылася и приняла ее.
Я увѣнчалъ ее душистыми цвѣтами;
На память удержалъ вотъ эту цѣпь
Изъ бывшихъ розъ — она съ могилы тихой,
Гдѣ прахъ Агнесы непробудно спитъ. (*Цѣлуетъ цѣпь.*)

Смотри, еще какъ свѣжи эти розы:
Онѣ отцовскими слезами впоены,
И грѣль ихъ не зефиръ, отцовскія стѣнамя!
Я этихъ розъ до гроба не сниму...

АГНЕСА.

Дай мнѣ взглянуть въ лице тебѣ..... о Боже!
Отецъ! несчастный мой отецъ!

ДОВЕРСТОНЪ (*въ бѣшенствѣ.*)

Не я — я не отецъ — я,
Я умерщвлю тебя.

АГНЕСА.

Я дочь твою, Агнеса!

ДОВЕРСТОНЪ.

Я былъ отцемъ и не отецъ я болѣ...

АГНЕСА (*на колыблѣхъ.*)

Родитель!

ДОВЕРСТОНЪ.

Гнусное, презрительное имя!

(*Отталкиваетъ Агнесу, которая обнимаетъ его.*)
Прочь съ глазъ моихъ: тебя я видѣть не могу.
Не тронь меня, руками не касайся,
Всѣ зданіе разрушится мое.
Я Прометей, прикованъ былъ къ Кавказу, —
И черный коршунъ растерзалъ меня;
Но коршунъ я разорвалъ руками,
Забросилъ трупъ его я въ бездну водъ, —

И сердца моего клеветать не будетъ коршунъ.
Ахъ, нечего клеветать ему теперь!
Безъ сердца я; дай руку — ты не слышишь
Біенія въ груди — въ ней боль сердца нѣтъ:
Вѣдь растерзалъ его на части черный коршунъ.

АГНЕСА.

Сей горькій видъ страданій не снесу.
О, Господи! Разрушь меня огнемъ небеснымъ,
Мой гнусный прахъ вели ты бурямъ разме-
татъ;

Я довела его до страшнаго безумья,
Дни въжанаго отца я отравила, я!...

(*Плачетъ у ногъ его.*)

ДОВЕРСТОНЪ (*встаетъ, остав-
ся нѣсколько времени въ изум-
ленъ, потомъ обращается къ
Агнесѣ, которая встаетъ на
колыблѣ, и смотритъ на нее
съ безуміемъ. Она глядитъ на
него въ страхъ и горести;
онъ подходитъ къ ней, потомъ
ударяетъ себя рукою по че-
лу, вздыхаетъ и нѣжно гово-
ритъ.*)

Ты здѣсь зачѣмъ, бѣдняжка?

АГНЕСА (*въ восторгѣ бе-
ретъ его за руку и
цѣлуетъ, рыдая.*)

Боже! Боже!

ДОВЕРСТОНЪ.

Встань, идилая; ты плачешь, какъ бы я
Желалъ съ тобой поплакать; — не умю —
Всѣ слезы высохли въ глазахъ моихъ, гляди;
Въ нихъ нѣтъ слезы ни капли, всѣ въ печали
Я выплакалъ по дочери своей.
И сколько лѣтъ, какъ по щекамъ увядшимъ
Я слезъ не чувствовалъ отрадной теплоты;
Могила отыщу, и снова буду плакать.
Вѣдь умерла она, хоть ты повѣрь,
Агнеса умерла моя.

АГНЕСА.

О если-бъ смерть

Меня постигла въ самомъ нежномъ дѣтствѣ,
Онъ этихъ горестей тогда-бъ не испыталъ.

ДОВЕРСТОНЪ.

Пойдемъ, меня ты не оставишь.

АГНЕСА.

Могу ль когда тебя оставить я?

КЛАРА (*сидитъ изъ-за
куста.*)

Ахъ, маменька, какъ холодно!

Доверстонъ.

Что это?

Агнеса.

Малютка, дочь моя.

Доверстонъ.

Какъ, дочь? Убей ее:

Она не дочь, змѣя — она отравя жизни.

(Бьются и отламываетъ сукъ дерева.)

Агнеса.

О, правосудный Богъ!

Клара.

Ахъ, маменька, спаси!

(Прлечется за нее.)

Доверстонъ.

Ты мнѣ ее отдай, какъ вырастетъ она,

Тебя она погубитъ, обезславитъ;

Не лучше ли теперь ей умереть?

Агнеса.

О Боже, Боже! помогите, Боже!

Клара.

Меня убьетъ старикъ; ахъ, мама, онъ убьетъ!

(Доверстонъ прогналъ Агнесу и схватываетъ

Клару.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Джонъ и стража.

Джонъ, стража.

Онъ здѣсь, ему свяжите руки.

(Слуги связываютъ Доверстона, который дѣ-

лаетъ тщетныя усилія вырваться. Джонъ вырываетъ у него сукъ дерева.)

Доверстонъ.

Злодѣи, варвары!

Джонъ.

Связать его покрѣче,

А поупрямится — и палкой.

Агнеса.

Боже, Боже!

Не бейте старика, онъ мой отецъ.

Джонъ.

Отецъ!

Не кстатн вздумала ты за него вступаться:

Но милости твоей вѣдь онъ сошелъ съ ума.

Доверстонъ.

Я убѣгу отъ васъ опять.

(Хочетъ вырваться.)

Джонъ.

Ну, попытайся!

Отъ нашихъ палокъ не спасешься тебѣ.

Доверстонъ.

Хоть ты мнѣ помоги.

Агнеса.

Молю васъ, пощадите!

Доверстонъ.

Спаси меня отъ ихъ желѣзныхъ рукъ.

Агнеса

(на колыняхъ, держа въ объятіяхъ

Клару.)

Умилосердися надъ нимъ, великій Боже!

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Модный магазинъ; среди комнаты большой столъ, два столика по сторонамъ, на которыхъ лежатъ разные платья и уборы; стулья около столовъ и кресла для гостей.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Дѣвушка мететъ комнату, кто-то стучитъ въ наружную дверь; она идетъ отворить ее, и аскоръ входитъ съ Агнесою, у которой на рукахъ Клара.)

Дѣвушка.

Войди, голубушка. Ту женщину, въ мантильѣ, Которая шла позади тебя,

Не нужно ли впустить сюда съ тобою?

Агнеса.

Чужая; — не со мной она сюда пришла, Случайно съ ней мы встрѣтились у двери.

Дѣвушка.

Да, это Мистрисъ Виль.

Агнеса.

Она меня узнала,

И обо мнѣ теперь узнаетъ весь Дублинъ; Погибла я.... Но гдѣ хозяйка ваша?

Скажите ей, что женщина съ ребенкомъ съ ней безъ свидѣтелей желаетъ говорить.
(Она сажаетъ Клару въ кресла; опираетъ лице платкомъ).

Дѣвушка (входитъ въ комнату Фанни.)

Сейчасъ иду!

КЛАРА.

Мы дома ли теперь?

АГНЕСА.

Надѣюсь.

КЛАРА.

Гдѣ жъ моя постелька, мама?
Я голодна, устала; спать хочу

АГНЕСА.

Дитя мое, ты потерялъ немного.

(Подходитъ къ окну.)

Та Мистрисъ Виль отъ дому не отходитъ;
Сюда въ окно глядитъ, смѣется мнѣ въ глаза;
Нѣтъ снисхожденія здѣсь, и часто строгость правды

Злорѣчю покровомъ служить здѣсь.
Но здѣсь найду себѣ пріютъ я безопасный,
И дочь кормилицы въ немъ не откажетъ мнѣ —
Она призритъ виновницу безумья
Отца. О, эта мысль кинжаломъ раскаленнымъ
Вонзается въ мою растерзанную грудь.

ЯВЛЕНИЕ II.

Фанни, Агнеса, Клара.

Фанни.

Кто хочетъ говорить со мною?

Агнеса.

Я,

Я, Фанни.

Фанни.

Но чего хотите вы?

Агнеса.

Пріюта

И милостины.

Фанни.

Вамъ помощь готова я;

Но, кто же вы?

Агнеса.

Какъ? Ты меня не узнаешь!

Фанни.

Вы, госпожа моя, Агнеса! Боже!

(Въ изумленьѣ.)

Агнеса.

Ты отъ меня бѣжишь, того я стою Фанни....

Фанни.

Мнѣ? мнѣ бѣжать отъ васъ, отъ госпожи моей,

Забуть все милости, благодаренія ваши?

Я этого отъ васъ упрека не ждала!

Но изумленье, ужасъ, состраданье

Смутили такъ, что я не вѣрю и глазамъ —

Въ какомъ же видѣ вы! О, Боже правосудный!

(Бросается цѣловать у нея руки.)

Агнеса (отнимается у нея).

Что дѣлаешь? Не мнѣ твоя покорность,

Не мнѣ, не мнѣ почтительность твоя,

И эта бѣдная крестьянская одежда

Лишь состраданья просить одного.

Фанни.

Несчастная! Страдали вы не мало;

Какъ счастлива старушка мать моя,

Что Богъ ее отъ горести избавилъ

Увидѣть васъ въ несчастьѣ.

Агнеса.

Нѣтъ ея,

Кормилицы моей? Я на нее одну

Въ страданіяхъ надежду полагала!

Фанни.

А я на что? Во мнѣ не каменное сердце;

Неблагодарной къ вамъ быть не могу.

Плоды трудовъ моихъ отнынѣ я готова

Съ моею бѣдной госпожей дѣлить.

Ахъ, къ этой мысли я привыкнуть не умю!

А это чья малютка?

Агнеса.

Дочь моя.

Фанни.

Какъ, ваша дочь, невинное созданье!

(Цѣлуетъ ее).

Агнеса.

Всю ночь она бѣдняжка не спала.

Фанни.

Я уложу ее сейчасъ же. — Леонора!

Агнеса.

Тебя уложить спать.

Клара.

Ты спать не ляжешь, мама?

ЯВЛЕНИЕ III.

Дѣвушка, Фанни, Клара и Агнеса.

Фанни.

Ты уложи ее въ постель мою.

Клара.

А маму?

Агнеса.

Сейчасъ къ тебѣ прійду. (Дѣвушка уводитъ Клару.)

Еще одинъ вопросъ.

Фанни.

Сударыня, меня не спрашивайте боль:
Я не могу, не въ силахъ отвѣчать.

Агнеса.

Не объ отцѣ тебя я спрашивать хочу —
Мнѣ жребій горестный родителя пзвѣстенъ.

Фанни.

Какъ, вамъ пзвѣстно все?

Агнеса.

Я видѣла его,

О немъ тебя я спрашивать не буду;
Я повесть горестей въ глазахъ его прочла,
Безумье и любовь родительскую, Боже! —
(Она въ отчаяньи, потомъ вздыхаетъ и усно-
ковивается.)

Поговоримъ о матери твоей:
Ее сразилъ поступокъ мой, я знаю,
Она меня предъ смертью проклела.

Фанни.

Она считала васъ обманутой, ласкалась
Надеждою, что возвратитесь вы
Въ отцовскій домъ, и съ той надеждою скон-
чалась
Въ объятіяхъ моихъ, благословляя васъ.

Агнеса.

Но я раскаивемъ проступокъ мой заглажу
У ногъ отца, къ нему должна идти.
О, Фанни, какъ могу я доступъ получить
Къ несчастному?

Фанни.

Стараться я готова;

Но чрезъ кого? Ахъ, Боже, Сиръ Мельвилъ —
Другъ батюшки....

Агнеса.

Опъ живъ? А дочь его, Элиза?
Ахъ, не чрезъ нихъ! О мнѣ не говори:
Они гнушаются преступницей Агнесой.

Фанни.

Напротивъ, всякій разъ, какъ повстрѣчаюсь я
Съ Элизой, рѣчь о васъ всегда она заводитъ;
Жалветъ васъ. Она теперь выходитъ замужъ.

Агнеса.

Желаю счастья ей — она его достойна;
Но кто идетъ сюда?

Фанни.

Не бойтесь, ученицы.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Дѣвушка
(входитъ изъ боковыхъ дверей.)

Дѣвушка.

Малютка ваша тотчасъ же заснула.
Что за дитя прелестное!

(Слышеть стукъ).

Кто тамъ?

(Уходитъ).

Фанни.

Сударыня, теперь покой вамъ нуженъ.
Войдите въ комнату мою, и тамъ
Поговоримъ о нашемъ положеньи,
А я межъ тѣмъ схожу къ Мельвилю; — да,
Весь домъ и я сама къ услугамъ вашимъ:
Вы здѣсь хозяйка.

Агнеса.

Фанни, я не въ силахъ
Благодарить. Богъ наградитъ тебя!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

(Нѣсколько дѣвушекъ входятъ, кланяются Фан-
ни и садятся за работу; Фанни садится на
свое мѣсто. Вскорѣ входитъ Леокара съ Гра-
финей Бриджъ, сопровождаемой двумя ла-
кеями. У обоихъ въ рукахъ по подушкѣ, которыя
они кладутъ на кресла, гдѣ сидятъ Леди
Бриджъ).

Дѣвушка (лакеямъ, кото-
рые кладутъ по-
душки).

Вотъ здѣсь, на этотъ стулъ.

Гр. Бриджъ.

Нѣтъ сѣлъ, я задыхаюсь:

На этихъ лѣстницахъ придется умереть.

Фанни.

Зачѣмъ тудились вы всходить сюда, Графиня,
(Указывая на дѣвушку).

Въ каретѣ ей могли бы все наказать,
Что нужно вамъ.

Гр. Бриджъ.

Ахъ, дайте духъ перевести.

Фанни (садится).

Визита этого я не ждала сегодня.

Гр. Бриджъ.

Я въ первый разъ забхала сюда,
И тотъ осель меня увѣрилъ, что ступенекъ
Немного къ вамъ на лѣстницѣ, и что жъ?

Фанни.

Но ихъ не болѣе пятнадцати.... —

Гр. Бриджъ.

Пятнадцать

Ступеней? Мать моя и я съ моими

Ногами такъ могла взобраться высоко?
Ну, чудо, что со мной не случилось удара;
Одышкой стражду я.

Фанни (въ сторону).
Мудреणाго тутъ нѣтъ.
(Громко.)

Мнѣ жаль, что вы изъ-за меня....

Гр. Бриджъ.

Ни мало;

Тотъ негодяй всему вина.

Фанни.

Для васъ

Полезенъ моціонъ.

Гр. Бриджъ.

Я развѣ мало

Хожу съ утра, изъ спальни въ кабинетъ,
Въ гостиную иду изъ кабинета,
Потомъ пройти должна покоя три
До залы, все пѣшкомъ, да, милая, пѣшкомъ.
Потомъ сажусь въ карету, развѣзжаю,
То въ лавки загляну, то въ модный магазинъ;
Усталая къ обѣду возвращаюсь.
Послѣ стола, по комнатамъ хожу;
Двѣ моськи у меня живутъ на пенсіонѣ,
Къ нимъ захожу, сама лелю ихъ, кормлю;
Имъ нуженъ моціонъ: гуляю съ ними въ залъ,
И съ моськами сама, признаюсь, устаю.
Потомъ въ театръ; оттуда ъду въ гости,
Сажусь за вѣсть, мѣста мѣнюю я.
Мнѣ въ вечеръ двадцать разъ прійдется встать
за вѣстомъ
И обойти пѣшкомъ вкругъ карточныхъ столовъ;
Все, милая, пѣшкомъ, и потому заорова,
Что дѣлаю такой прекрасной моціонъ.

Фанни.

Какъ можете еще сносить его, Графиня?

Гр. Бриджъ.

Пока мы молоды, все можемъ перенести;
Но я притомъ свѣжа, крѣпка; ты видишь,
Я въ цвѣтѣ лѣтъ, себя умью сохранять.
Нагрѣнешь старость намъ, тогда все отзовется,
Чѣмъ въ молодости мы себя не берегли.
Едва племяницу свою я выдамъ замужъ,
Я отдохну: тогда съ подушекъ не сойду.

Фанни.

Что дѣлаетъ Графиня, Миссъ Элиза?

Гр. Бриджъ.

Что дѣлаетъ невеста? Презабавно!
Съ часу на часъ для свадьбы ждетъ она;
Но полно толковать, поговоримъ о дѣлѣ.
Готовъ ли мой уборъ? Примѣрнѣть дай.

Фанни (подастъ токъ съ
розами.)

Готовъ давно.

Гр. Бриджъ (примѣриваетъ
челсецъ).

Къ лицу мнѣ эти розы.

Прошу васъ не жалѣть Французскихъ блондъ
А платье? Какова накладка, не бѣдна ли?
(Ей показываютъ платье, она разсматриваетъ.)
На балъ я всѣхъ нашихъ дамъ убью;
Графиню Польскую зарѣжу, доканаю,
А Генеральша Вильдъ съ ума сойдетъ.
Бѣднѣжка, жаль ее, какъ слышно, промоталась
Ей стоитъ дорого послѣдній фаворитъ!
Вы знаете, домашній, черномазый.
Что въ немъ она нашла! А Баронесса Смитъ
Съ своею дочерью, съ той мраморной невестой,
Которая какъ мраморъ холодна.
Онъ, поверьте мнѣ, теперь не въ состояннѣ
Со мной тягаться въ модахъ щегольскихъ:
Я первая теперь.

Фанни.

Но, говорятъ, что Миссъ

Помолвлена за богача.

Гр. Бриджъ.

Не правда,

Та свадьба разошлась, и Миссъ едва
Не осрамилась такимъ же поведеніемъ,
Какъ знаменитая Агнеса Доверстонъ.
А гдѣ теперь она? Не знаете ль?

Фанни.

Не знаю.

Гр. Бриджъ.

У насъ о ней не спрашиваютъ въ свѣтъ;
Тамъ имени ея произнести нельзя.

Фанни.

Прошу о ней со мной не говорить.

Гр. Бриджъ.

Помилуй, мать моя, что за бѣда —
Дочь недостойную, позоръ всего семейства,
Намъ нечего щадить, и обществу она
Стыдъ нанесла....

Фанни.

Молю, не говорите громко.

Гр. Бриджъ.

Забавно! Не отъ нихъ ли хочешь ты скрывать
Романъ ея и всѣ ея проказы?
Пусть эти дѣвушки узнаютъ, кто она.
(Разсказываетъ дѣвушкамъ, разводитъ руками,
кому говоритъ на ухо.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Мистрисъ Виль.

Мис. Виль (въ блѣзненствѣ).

Гдѣ дочь моя, Бригита, гдѣ?

Брось все, и вы, Гортезія, Розальба,
Работу на поля, вонь скорбе, вонь отсюда,
Родители мнѣ васъ велѣли взять.

Фанни.

Что значить, Мистрисъ Виль?

Мис. Виль.

Что значить?

Ты смѣешь спрашивать! Не думаешь ли ты,
Что не узнали мы? О томъ весь городъ знаетъ,
И все гнушаются тобой, бранятъ тебя,
И женщины такой, какъ ты, не можемъ
Повѣрять дочерей.

Гр. Бриджъ.

Скажи мнѣ, что такое,

Голубушка.

Мис. Виль.

- И вы не знаете еще,

Что бѣглая Агнеса возвратилась?

Гр. Бриджъ.

Агнеса?

Мис. Виль.

Да, и эта госпожа

Изволила ее принять въ свой домъ!

Гр. Бриджъ.

Агнеса,

Со мною подь одною кровлей? — Прочь!
Отсюда прочь! Ахъ, бѣдный мой уборъ,
И бальный мой нарядъ, онъ обезславленъ ею!..

Фанни.

Послушайте, Графиня, разувѣрьтесь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ДВА ЛАКЕЯ ВХОДЯТЪ.

1-й Лакей.

Княгиня Русская, которая въ соседствѣ
Живетъ отъ васъ, все отъменить велѣла,
Что заказала вамъ.

Фанни.

О, правосудный Богъ!

Швейцарь.

Хозяйка дома вамъ убраться приказала
Отсюда; на нее вамъ запретила шить.

Фанни.

Кто можетъ быть меня несчастнѣе, о Боже!

Мис. Виль.

Вонъ, вонъ отсюда все, здѣсь моровая язва.

Гр. Бриджъ.

Что до меня — и я въ васъ болѣе не нуждаюсь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И АГНЕСА.

Агнеса (выходитъ).

Агнеса Доверстоиъ презрѣнія достойна!
Преступница, для всѣхъ позоръ и срамъ,
Но бѣдная Агнеса не допуститъ
Изь-за нея ту разорить въ конецъ,
Которая ее согрѣла, приютила.

Гр. Бриджъ.

Она! Ее узнала тотчасъ я.

Мис. Виль.

Еще на улицѣ, какъ пла она сюда,
Ее узнала я, въ кварталѣ расказала,
Какъ вы, сударыня, у насъ не терпятъ здѣсь;
Изь-за тебя почтенный твой родитель
Съ ума сошелъ. Отнеубійца ты,
И дочерямъ въ примѣръ тебя мы презираемъ!

Агнеса.

Я именемъ Всевышняго молю,
Останьтесь (обращается къ Графинѣ)
И выслушайте.

Гр. Бриджъ.

Прочь!

Не смѣй ко мнѣ и подойти.

Фанни.

Графиня!

Лишь дайте вымолвить.

Гр. Бриджъ.

И слушать не хочу.

Мнѣ съ нею говорить! Что послѣ скажутъ въ
свѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ГЕНРИХЪ.

Генрихъ.

Что здѣсь за шумъ, что случилось, скажите.

Мис. Виль.

Вы кстати къ намъ пришли, теперь узнайте вы,
На комъ намътрены жениться!

Гр. Бриджъ.

Какъ? На Фанни,

Онъ думаетъ жениться?

М. Виль.

Точно такъ.

Гр. Бриджъ.

Fi donc! Стыдитесь!

Генрихъ.

Чего?

М. Виль.

Она срамить
Себя и васъ; смотрите, съ кѣмъ сдружилась,
Кого въ свой домъ она сегодня приняла.

Генрихъ.

Кто эта женщина?

Гр. Бриджъ.

Извѣстная Агнеса.

М. Виль.

Всѣхъ добродѣтелей достойный образецъ —
Агнеса Доверстоунъ!

Генрихъ.

Агнеса Доверстоунъ?

Агнеса.

Я та несчастная, отверженная свѣтомъ,
Я недостойная участія слезы,
Раскаляемъ сердечнымъ увлекаясь,
Осмѣлилась пріюта я искать
У добродѣтельной, моей невинной Фанни.
Теперь она изъ-за меня одной
Подверглася злословью, поношенью,
Какъ отъ чумы бѣгутъ все отъ нее;
Я въ домъ ея внесла позоръ и разоренье!
Но нестерпимо того, пусть жизнь ея течетъ
По прежнему въ трудахъ, въ довольствѣ тихомъ;
Я предаюсь опять моей судьбѣ — иду,
Съ терпѣніемъ неся тяжелый крестъ несчастья!

Фанни.

Нѣтъ, васъ я не пушу, останьтесь со мною;
Для васъ я все снесу — злорѣчье, нищету....

М. Виль.

Она стоитъ горою за Агнесу!
Свой своему вѣдь по неволѣ другъ.

Гр. Бриджъ.

Не знала я, что такъ злонаравна Фанни!

М. Виль.

Останется безъ ученицъ она!

Гр. Бриджъ.

Никто изъ знатныхъ дамъ работъ ей не зака-
жетъ.

М. Виль.

И вы на ней не женитесь теперь?

Генрихъ.

Не торопись, пускай модистка Фанни
Останется на вѣкъ безъ ученицъ;
Пускай весь знатный свѣтъ лишитъ ее работъ,
Приказывать ему не властенъ я того;
Но что теперь женой моей не будетъ Фанни,
Зависитъ отъ меня — и свѣтъ мнѣ не законъ.

Гр. Бриджъ.

Какъ можешь ты, мой милый, уважать,
Когда она связалась съ развращенной!

Генрихъ.

Прошу не досказатъ, Графиня, и отъ васъ
Такихъ похвалъ я не намбрень слушать
Агнесъ Доверстоунъ; ужели долженъ я
Невѣсту презирать за то лишь, что рѣшилась
Принять ее? И васъ прошу о нашей братъ,
Мыщанахъ, лучшее понятіе имѣть.
Еще мы до того душой не очерствѣли,
Чтобъ состраданье заглуша въ груди,
Захлопнуть дверь могли предъ сирымъ, не-
имущимъ!

Я осуждалъ Агнесу за вину --
Раскаанье насъ примиряетъ съ нею:
Я руку помощи охотно ей подамъ.

(Стаивотелса между Агнесою и Фанни.)

Останьтесь у насъ Агнеса — презирайте
Злорѣчье толпы; а ты, мой милый другъ,
Ты возвеличилась въ глазахъ моихъ поступ-
комъ:

Сегодня же моей женою будешь ты.

Гр. Бриджъ.

Я слушать не хочу; онъ грубиянъ, негодный!
(Уходитъ, за нею лапсу.)

М. Виль.

А мнѣ что здѣсь стоять: пойду, всѣмъ раскажу
На перекресткахъ, всѣмъ разблаговѣщу. Дети!
За мной, за мной!

Фанни (Генриху).

Ты слышишь ихъ угрозы?

Генрихъ.

Ихъ презираю я; не все жестокосерды!
И можно ли жестокосердымъ быть
При видѣ горестной страданницы? Нѣтъ, Фанни,
Чего бъ ни стоило, ее не выдамъ я:
Я не богатъ; но съ ней готовъ дѣлиться
Последней коркою.

Фанни.

Камень съ сердца спалъ!

Ты не гнушаешься своєю Фанни!...

Агнеса.

Генрихъ!

Достойный другъ, я словъ не нахожу
Для выраженья чувствъ признательности; ви-
дѣшь

Лишь эти слезы — дань моей души.
О Господи! Стези твои непостижимы!
Пути горести ты велъ меня сюда —
И здѣсь надѣюсь я желаніе исполнить,
Которое давно въ груди моей ношу;
Ту мысль ты самъ вдохнулъ въ меня, Все-
вышній,
И къ совершенію ея напутствуй ты!

Фанни.

Куда идете вы?

Агнеса.

Къ Мельвилю.

Фанни.

е ходите,
Тамъ оскорбленія вы встретите однѣ.

Агнеса.

На все готова я!

Генрихъ.

Вы городомъ пойдете,
Средь бѣда-дня, — что, если чернѣ
Обидитъ васъ?

Агнеса.

Обиды, поношенье,
Безъ ропота снесу, какъ терпите мой отецъ.
Или время дорого.

Генрихъ.

Васъ провожу къ Мельвилю.

Фанни.

И я.

Агнеса (*Генриху и Фанни,
которые удержи-
ваютъ ее*).

Не допущу васъ до того, друзья!
Я не хочу, чтобъ вы подверглись порицанью,
Я не хочу на васъ позоръ навлечь;
О не держите такъ меня, не убеждайте,
Не поколеблете вы твердости моей.
Храните дочь мою, въ ней вѣру поселяйте,
О бѣдной матери твердите чаще ей,
Пусть въ памяти хранить меня малютка Клара:
Она одна отрада дней моихъ.
Простите! Обо мнѣ въ молитвахъ помяните —
Онъ отъ чистыхъ душъ, и Богъ услышитъ ихъ!
(*Убѣгаетъ, Фанни и Генрихъ, отирая слезы, гля-
дятъ ей вслѣдъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ больницѣ; большой столъ съ книгами, колокольчикъ; чернильница, стулья для трехъ чиновъ больницы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ, Сиръ Мельвиль, Членъ общества и Швейцаръ.

Сиръ Мельвиль.

Такъ, господа, она достойна состраданья,
Ея раскаянье чистосердечно.

Докторъ.

Къ вамъ

Пришла она въ увѣренности твердой,
Что не огринете ее — вамъ честь, Мельвиль;
Вы призрѣли ее на перекоръ злословью;
Но чѣмъ же мы полезны можемъ быть?

Мельвиль.

Доставить ей съ отцомъ свиданье.

Докторъ.

Легко сказать. Отецъ ея взбѣшенъ
Неблагодарностью ея, побѣгомъ, срамомъ;
Онъ въ смутныхъ грезахъ видитъ лишь ее,
И ны ее безумному представимъ!..
Нѣтъ, нѣтъ, Мельвиль! за то я не берусь.

Мельвиль.

Позвольте лишь явиться ей предъ вами,
И, я увѣренъ, васъ растрогаетъ она.

Докторъ.

Занятя насъ довольно очерствили.
Мягкосердечіе — не слабость наша. (*Звонитъ и
зоветъ швейцара*). Эй!
(*Швейцаръ входитъ*).

Введите госпожу, которая въ прихожей.

Мельвиль.

Нашъ докторъ храбрѣе извоить представлять.
Увидимъ, устоитъ ли онъ отъ слезъ Агнесы.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Агнеса. (*Швейцаръ
вводитъ ее и уходитъ*.)

Докторъ.

Мельвиль — она въ прежалкомъ состояннѣ.

Мельвиль.

Послушайте ее, что скажете тогда.

Докторъ.

Чего угодно вамъ?

Агнеса.

Молю о снисхожденъѣ.

Докторъ.

Мы чувствовать его не можемъ къ вамъ —
Поступокъ вашъ ужасенъ!

Агнеса.

Осудите

Со всею строгостью законовъ; не могу
Ни чѣмъ вамъ возражать, однимъ стыдомъ, мол-
чаньемъ

И этии слезами.

Мельвиль.

Ну, теперь

Отриньте бѣдную.

Докторъ

То было бы жестоко.

Скажите, какъ дошли вы до того,
Что безъ пристанища блуждаете по свѣту?

Злорѣцію здѣсь пищей стали вы,
И всѣ о васъ рассказы такъ различны;
Хотѣлось бы узнать отъ васъ самихъ
Цѣнь горестей, которыми вы подверглись.

Агнеса.

Счастливыхъ дней описывать не стану,
Которые въ дому отцовскомъ провела.
Невинная, свое блаженство полагала
Въ любви отца, въ заботахъ объ отцѣ.
Увидѣла его — и сладкій мѣръ на вѣки
Изъ сердца улетѣлъ. Какъ былъ прекрасенъ онъ,
Какъ обольстителенъ; воображеніемъ юнымъ
Онъ овладѣлъ моимъ, а вскорѣ и душой!
И я повѣрила наружности Алфреда.
Напрасно батюшка старался разорвать
Связь адекую, куда увлекъ меня коварный:
Его совѣты отвергала я,
Смѣялась я его строжайшимъ приказаньямъ,
И въ сердце вѣжливый гласъ природы заглуша,
Увлечшись страстью пламенной, рѣшилась
Оставить все, отца и родину! — Зачѣмъ
Тогда порогъ родительскаго дома
Не встала грозящая громадой предо мной?
И море, унося корабль нашъ окриленный,
Не выступило все изъ мрачныхъ безднъ своихъ,
И хищника не залило потономъ? *(Остается отъ сильного душевнаго волненія).*

Мельвиль.

Но онъ вину свою загладилъ, сочетавшись
Съ тобою узамъ брака?

Агнеса.

Въ Голгедѣ

Мы прибыли, и тамъ, въ смиренномъ храмѣ,
Мнѣ поклялся супругомъ быть Алфредъ.
Ночь мрачная была, и море клочкотало
У нашихъ древнихъ стѣнъ, а я безъ чувствъ,
одна,

Я полуертвая у алтаря стояла,
И клятву страшную тогда я изрекла;
И мнѣ казалось, что съ клятвой той упало
Все небо съ трескомъ на главу мою, и стоишь
Родителя смился съ улымымъ восторгъ бури.

Докторъ.

Несчастливая!

Агнеса.

Въ Шотландію увезъ
Меня Алфредъ, и тамъ въ уединеніи
Я стала матерью. Малютка, дочь моя,
Росла на радость мнѣ, и вотъ въ старинномъ
замкѣ

Мы прожили пять лѣтъ безъ общества, один.
Изъ замка мой Алфредъ нерѣдко отлучался,
Съ друзьями буйными носился по лѣсамъ:
Охота для него въ привычку обратилась;
Какъ вдругъ уѣхалъ въ Лондонъ, цѣлый годъ
Я съ нимъ жила въ разлукѣ; слухъ носился,
Что членомъ сталъ тогда Парламента Алфредъ,
Что честолюбіе въ груди его проснулось.
На письма мнѣ онъ рѣдко отвѣчалъ;
Въ нихъ умолила я къ родителю явиться
И вымолить прощеніе себя.
И наконецъ Алфредъ мою исполнилъ просьбу:
Отправиться сюда одной мнѣ приказалъ,
И ждать его прибытія въ Ньюкестль,
И тамъ.... *(Остается и закрываетъ лице платкомъ).*

Докторъ.

Что сдѣлалъ онъ?

Агнеса.

Личину снялъ съ себя;

Онъ объявилъ, что женится изъ видовъ
Политики, и принуждалъ меня....

Мельвиль.

Возможно ль?

Такъ стало быть разводъ освободилъ его
Отъ данныхъ клятвъ?

Агнеса.

Разводъ отвергла я.

Избавиться меня насильственно желая,
Корабль онъ снарядилъ, хотѣлъ послать меня
Во Францію, къ своей суровой теткѣ,
Въ монастырь меня на вѣки заключить,
А дочь мою, согравъ ей пропущеніе,
Хотѣлъ отдать въ спротекій домъ;
Но я нарушила всѣ замыслы злодѣя:
Въ Дублинѣ бѣжала я, гонитель мой за мной,
И здѣсь, въ мѣстѣ, въ моей увѣрился онъ смерти,
А остальное вамъ известно. Безъ защиты,
Съ младенцемъ-дочерью одна сюда пришла,
Слезами я съ себя омыла срамъ,
Раскаяньемъ я съ небомъ примирилась,
И вотъ теперь судьбу свою вручаю вамъ.

Мельвиль.

Что скажете, любезный докторъ?

Докторъ *(сквозь зубы)*.

Что?

Ну, ничего, да, ничего и только.

Мельвиль.

Какими рѣзкими чертами, посмотрите,
Страданья отлились на мертвенномъ челѣ!

Докторъ.

Чего же вамъ, сударыня, угодно
Отъ насъ?

Агнеса.

Я испросить пришла себя
Лишь позволенія принять служанки должность
Въ Больницѣ, гдѣ страдает мой отецъ.
Первыишимъ благомъ я считаю быть при немъ,
Ходить за нимъ и близъ одра болѣзни
Проспѣивать надъ нимъ, и день и ночь;
Любовью дѣтскою и нежною заботой,
Быть можетъ, я еще могу успѣть
Въ немъ оживить изнеможенный разумъ;
И если же напрасенъ будетъ трудъ,
Я мыслью той утѣшуся отрадой,
Что я раскаянемъ загладила вину.
Вотъ милости, какой прошу у васъ.

Мѣльвилъ.

Тронитесь

Судьбой ея. *(Переговоръ между членами мѣдицинскаго совѣта и главнымъ Докторомъ.)*

Докторъ.

Согласны вы?

Члены Совѣта.

Согласны.

Докторъ.

Агнеса Доверстонъ, приблизьтесь. Въ уваженіе

Страданій вашихъ, дозволяемъ вамъ
Служить отцу въ больницѣ. Приготовьтесь
Ити къ нему. Прислужницы нарядъ
Готовъ для васъ; вы соберитесь съ силой
Увидѣться съ несчастнымъ. *(Звонъ)*

Госпожу

Ведите въ камеру подъ номеромъ двадцатымъ.

Агнеса.

О благодѣтель мой!

Докторъ.

Умѣрьте вашъ восторгъ,
Еще не знаете, какъ приметъ васъ родитель.
(Уходятъ.)

Агнеса *(одна)*.

Готова все снести! Умиру отъ рукъ его!
Одушеви меня, дай силы, Вседержатель,
Загладить стыдъ поступка моего!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комната съ большими стѣнами, съ котораго виситъ желѣзные кольца и цѣпи; съ лѣвой стороны небольшая постель. Окно и дверь съ желѣзною рѣшеткою. Простой столъ, двѣ скамьи, кружка съ водою. Въ стѣнѣ изчерчены угли; видны изображенія могилъ, урнъ и все съ именемъ Агнесы.)

Доверстонъ *(одинъ)*.

(Сидитъ на постели, рисуетъ на стѣнѣ угли.)
Агнеса, дочь моя, ты не отвѣтишь мнѣ
На голосъ мой! Напрасно я взываю!
Къ тебѣ въ могилу плачь не долетитъ.
Такъ, умерла она, безъ чувствъ, оледѣвѣла,
Не слышитъ ничего, не видитъ слезъ моихъ;
Несчастная! *(вставая)*. Скажите же, гдѣ гробъ?
Такъ, это онъ! Снимите крышку съ гроба, —
И саванъ съ блѣднаго отдерните лица:
Мнѣ дайте поглядѣть. Она! Погасли очи,
Уста сомкнулися и блѣдность на щекахъ.
Агнеса, встань, открой свои объятія,
Прими къ себѣ на грудь несчастнаго отца.
Агнеса, дочь моя! Исчезла, нѣтъ могилы.
Гдѣ гробъ ея — не вижу. Дочь моя!
*(Въ безуміи ходитъ по комнатѣ, вдругъ остана-
оливается.)*

Но я найду ее, гдѣ бы ни была Агнеса.
(Подходитъ къ стѣнѣ и рисуетъ гробъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Агнеса, Джонъ и Доверстонъ.

Агнеса *(въ плачѣ прислужницы госпиталю)*.

Меня по имени онъ называлъ.

Джонъ.

Да,

Онъ только и твердитъ что это ямя. —

Агнеса.

Что?

Что дѣлаетъ теперь?

Джонъ.

Рисуетъ.

Агнеса.

Что?

Джонъ.

Могилу.

Вы видите могилы на стѣнахъ:
На каждой онъ Агнесы имя пишетъ,
Я доставляю уголья ему.
Отъ скуки онъ бесѣдуетъ съ могилкой,
Съ той мертвой головой хохочетъ часто онъ,
То плачетъ, то приходитъ въ ярость.
Послушайте.

Доверстонъ *(обратясь къ голубу)*.

Но гдѣ же черепъ милый?

Онъ улыбается коварно на стѣнѣ,
Въ пустыхъ глазахъ признательность читаю,
Нѣтъ, не признательность, коварство... Черепъ, прочь.
(Хохочетъ.)

Какъ испугался онъ, какъ по гробамъ запрѣгалъ!

Но чей же черепь тотъ? Какъ пзмьнился онъ
(плачетъ);

Онъ не ея! Гдѣ алыя ланиты?

Гдѣ очн ясныя, улыбка гдѣ ея?

Ахъ, очн ясныя теперь на вѣкъ закрыты:

Подъ камнемъ гробовымъ почить дочь моя!

(Плачетъ горько.)

Агнеса (разматриваетъ его
и потомъ тихо
вздыхаетъ).

Доверстонъ (увидѣвъ ее, вскри-
киваетъ отъ радости и бѣжитъ къ ней
въ радости, потомъ вдругъ останавли-
вается, безумно смотритъ на нее, кла-
детъ руку на чело, и вздыхаетъ глубоко.)

Нѣтъ, не она, та умерла.

Агнеса.

Жива!

И горести твои она искупила жизнью.

Родитель мой! взгляни, здѣсь дочь твоя:

Узнай меня, по голосу, стѣнанию...

О, Боже, онъ меня не слышитъ, горе мнѣ!

Надежды нѣтъ, его не воззову я къ жизни!

(Упадаетъ на скамью и плачетъ.)

Доверстонъ (подходитъ къ
ней и беретъ ее
за руку).

О чемъ, бѣдняжка, плачешь?

ЯВЛЕНИЕ V.

Докторъ, Мельвиль и прочіе, въ дверяхъ
за рѣшеткой.

Мельвиль.

Посмотрите,

Онъ приласкалъ ее, ее погладилъ.

Докторъ.

Браво!

Доверстонъ.

Я не хочу, чтобъ тосковала ты,

Не знаю почему, мнѣ жаль, когда ты плачешь.

Агнеса (вставал.)

Я весела опять, ты видишь, я не плачу.

(Дѣлаетъ усиліе быть веселой.)

Доверстонъ (весело).

Развеселился же и посятемся оба.

(Перелънясь.)

Нѣтъ, я смѣяться болѣ не могу.

Агнеса.

И даже въ обществѣ моемъ?

Доверстонъ.

Съ тобой мнѣ веселѣе,

И я давно такъ веселъ не бывалъ.

Мельвиль.

И впрямь, ее узнать онъ.

Докторъ.

Не скоро.

Доверстонъ.

Мнѣ весело, тебя отрадно слушать;

Какъ пѣженъ голосъ твой; онъ арфа для души;

Мнѣ помнится, его я гдѣ-то слышалъ,

Нѣтъ, нѣтъ — не здѣсь, здѣсь мертвые одни...

Тебѣ въ глаза гляжу я, какъ небо

Въ весенній день, бывало, я глядѣлъ....

Я сходство нахожу. Ахъ, нѣтъ, моя Агнеса

Свои глаза сомкнула вѣчнымъ сномъ,

Какъ ты на грудь мою не склонится, не скажетъ

Съ улыбкой мнѣ привѣтныхъ словъ любви,

Не пропоетъ мнѣ сладкозвучной пѣсни.

Безчувственна!.... И плотоядный змѣй

Впился въ нее, ей онъ сердце точить.

О, если бъ змѣя могъ отбросить я!

Я взялъ бы дочь въ горячія объятія,

У сердца своего я бъ отогрѣлъ ее, —

Ее молилъ бы я: дитя мое, проснись,

Взгляни хоть разъ на бѣднаго отца!

Я здѣсь одинъ, забыть, оставленъ всѣми.

Взгляни, какъ страшенъ я, какъ бородой об-
росъ...

И дочь бы сбросила съ себя оковы смерти —

Но я не знаю гдѣ сокрытъ дочерній прахъ.

Мнѣ говорить: она жива — не правда,

Когда бъ жива была, я не страдалъ бы такъ,

До горести меня не довела бъ Агнеса!

Агнеса (удерживая слезы и
стенанья).

Я здѣсь приставлена лѣгать, нѣжить васъ.

(Бѣжитъ исправлять его кровать.)

Доверстонъ.

Что дѣлаешь?

Агнеса.

Постель вамъ поправляю.

Доверстонъ (бѣжитъ къ ней,
хватаетъ ее за
руку и остано-
вливается).

Мельвиль.

О, Боже! онъ убьетъ ее, смотрите.

Агнеса (въ страхъ)

Вамъ не угодно, чтобъ служила я?

(Доверстонъ оставляетъ ее, вздыхаетъ, медленно
садится на постель, вперя взоръ въ Агнесу.)

Агнеса (тихо).

Онъ взоръ въ меня вперилъ, и смутныя понятя,

Родятся въ головѣ. О, Боже! освѣти

Лучемъ своимъ его разсудокъ помраченный!

Доверстонъ *(говоритъ про себя
слѣдующіе стихи,
припоминая).*

Ахъ, мой померкли очі!
Скоро весь угасну я,
И во яракъ могильной ночи
Жизнь закатится моя!

*(Агнеса удивляется, услышавъ стихи, слушаетъ
внимательно, и замѣтл, что онъ не можетъ
приполнить продолженія, читаетъ стихи сна-
чала и продолжаетъ, поправляя постель).*

Ахъ, мой померкли очі!
Скоро весь угасну я,
И во мгу могильной ночи
Жизнь закатится моя!

Не оплаканъ я не буду,
Гробъ травой не зарастетъ,
И печальныхъ камней груду
Бурный вихрь не размететъ.

Дочь заботливой рукою,
Сохранить отца приютъ;
И по смерти, надо мною
Розы жизни расцветутъ!

Доверстонъ *(при послѣднихъ
стихахъ пока-
зываетъ знакъ не-
удовольствія, и
встаетъ безпо-
койно).*

Да, да, Агнеса, прахъ мой сберегла бы,
Оплакала бъ его — бѣднѣйка, нѣтъ ее!
Похищена неумолимой смертью!

(Въ безуміи ходитъ по сценѣ безъ цѣли.)

Агнеса.

Я не стерплю жестокаго томленія.

(Упадаетъ на ложе.)

Колѣни гнутся подо мной, нѣтъ силъ!

Мельвиль.

Она безъ чувствъ утала у постели!

Докторъ.

Поможетъ ей *(оба отходятъ отъ рѣшетки).*

Доверстонъ *(пристально гля-
дя на нее).*

О, какъ она блѣдна,

Обезображена...

Агнеса *(приходитъ въ себя).*

Неслыханнымъ злодѣйствомъ.

Доверстонъ.

Чей голосъ слышу я?

Агнеса.

Агнесы!

Доверстонъ.

Дочь, Агнеса!

*(Восклицаетъ, хочетъ обнять ее, падаетъ на
ложе.)*

ЯВЛЕНІЕ VI

Тѣ же, Докторъ, Мельвиль.

Агнеса *(бѣжитъ къ нимъ на
встрѣчу).*

Меня узналъ, меня по имени онъ назвалъ;
Я пѣсенку его любимую прочла;
Припомнилъ и черты мои, и голосъ!
Благодарю тебя, о милосердый Боже!

Мельвиль.

Когда онъ насъ узналъ, быть можетъ, онъ
узнаетъ

И друга своего. Здорово, Доверстонъ,
Ты вспомнишь ли Мельвила?

Доверстонъ *(хватаетъ его за
руку въ намѣре-
ніи задушить).*

Кто ты?

Кто ты, злодѣй!

Мельвиль.

Умилосердись!

Доверстонъ.

Гдѣ?

Гдѣ ты зарылъ Агнесу, дочь мою?

Мельвиль.

Что сказать мнѣ?

Докторъ.

Любезный Доверстонъ!

Агнеса.

Отецъ мой!

Доверстонъ *(услышавъ слово
отца, трепе-
щетъ и выпу-
скаетъ изъ рукъ
Мельвила).*

Я отецъ!

Отецъ я дочери неблагодарной!

Я задушу тебя въ объятіяхъ моихъ.

Я дочери отецъ! *(Хочетъ.)* Змѣй коварный,
Проклятье на тебѣ и на сынахъ твоихъ.
*(Падаетъ безъ чувствъ на руки Доктору и Мель-
вилу; Агнеса у ногъ его въ отчаяніи.)*

Докторъ.

Къ спасенію еще осталось средство,
И завтра же его мы испытать должны.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Садъ, въ глубинѣ котораго прекрасный домъ съ стеклянною дверью.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ, Мельвиль и Агнеса.

Докторъ.

Здѣсь все ли такъ, какъ прежде?

Агнеса.

Все.

Лишь съ небольшою переменой.

Докторъ.

Браво!

На этомъ я весь планъ леченья основалъ.
Свободно ли можемъ мы распорядиться въ домѣ?

Мельвиль.

Жилецъ его намъ уступилъ, узнавъ
съ какою цѣлью мы его занять пришли.

Агнеса.

Такъ вы надеетесь?

Докторъ.

Надѣюсь, но не смѣю

Васъ увѣрять; — теперь одни вы врачъ его.

Агнеса.

Вы поскрещаете мени, и я готова
орудьемъ вашимъ быть.

Докторъ.

Послушайте меня:

Отецъ нашъ одержимъ душевною болѣзнию.
Поступокъ вашъ его глубоко поразилъ.
Мысль о безчестіи въ его запала душу,
но онъ себя старался утѣшать
надеждою, что вы безвременно скончались;
Вотъ отчего онъ ираченъ, молчаливъ,
Вотъ отчего приходитъ въ изступленье.
Я это наблюдалъ въ свиданьяхъ нашихъ съ нимъ;
въ душѣ своей еще онъ васъ припоминаетъ.
Введемъ его въ домашній прежній бытъ:
Отецъ и дочь пусть поселятся оба
подъ кровомъ тишины и счастья прежнихъ
лѣтъ.

Вы соблюдайте всѣ родителя привычки,
старайтесь окружить его людьми
знакомыми и старыми слугами.
Вашъ Томаса теперь я уступлю;
онъ вѣкогда у васъ былъ въ услуженьи:
Пусть ходитъ за больнымъ, а Фанни пусть
хозяйствомъ

завѣдуетъ; она служима у него

При матери своей. Все, кажется, удачно.
Я не могу еще успѣха обѣщать,
Содѣйствовать могу къ его лишь облегченью.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Томасъ.

Агнеса.

Ну, первый Томасъ мой, удался ли опытъ нашъ?

Томасъ.

Едва лишь выпилъ онъ снотворное вино,
Какъ тотчасъ и заснулъ, а мы его не медля
сюда перенесли, въ его покои, — вонъ тамъ.
Спокойно спитъ въ своихъ широкихъ кре-
слахъ,

по старому одѣтій...

Докторъ.

Вы теперь

одѣвайтесь такъ, какъ хаживали дома.

Агнеса.

О благодѣтели! Да наградитъ васъ Богъ!
При вашей помощи, быть можетъ, мы
спасемъ его отъ страшнаго недуга,
и вечеръ дней страдальца усладимъ.

(Уходитъ.)

Докторъ.

А вы, Мельвиль, на знакъ условленный войдите.
Не бойтесь ничего, я не оставлю васъ.

(Уходитъ.)

Мельвиль.

Игру опасную затѣялъ докторъ нашъ:
Безумцу волю далъ; что, если въ изступленъи
меня опять сожметъ въ объятіяхъ своихъ,
Оборони насъ Богъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Мисъ Элиза (бѣжитъ къ нему
съ левой стороны.)

Наслу васъшла.

Мельвиль.

Что надобно, Элиза?

Элиза.

Я новость вамъ несу — пріятнѣйшую новость.

Мельвиль.

Какую?

Элиза.

О восторгъ, счастливая Агнеса!

Мельвиль.

Но что такое?

Элиза.

Вотъ онъ самъ идетъ сюда.

(Смотритъ въ ту сторону, откуда вышла.)

Мельвиль.

Но кто?

Элиза.

Узнаете отъ самого его,

А я бегу обрадовать Агнесу *(убываетъ)*.

Мельвиль.

Элиза! Господи, въ умъ ль она, прекрасно?
Вотъ утѣшительно: сказала новость мнѣ!
Безумье здѣсь приличиво, какъ видно.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Мельвиль и Станлей.

Станлей.

Гдѣ, гдѣ она, молю васъ, нескрывайте
Отъ недостойнаго; готовъ загладить все.

Мельвиль.

Ну, вотъ еще одинъ изъ дома сумасшедшихъ;
Прошу покорно, что угодно вамъ?

Станлей.

Здѣсь нѣтъ ея, когда меня не хочетъ видѣть,
Когда лишь не простить, умру у ногъ ея.

Мельвиль.

Чась отъ часу нелегче; но кого же
Вы ищете, сударь?

Станлей.

Агнесу Доверстонъ.

Мельвиль.

Но кто вы таковы?

Станлей.

Безчестный, недостойный!

Мельвиль.

Хорошій же себѣ вы дали аттестатъ.
По немъ узналъ кто вы, любезный Лордъ,
поздненько;
Пришелъ загладить вы поступокъ гнусный свой,
Которымъ вы сгубили Доверстона.

Станлей.

Раскаянье не поздно никогда.
Я все узналъ, постигъ мое злодѣйство,
И кающийся здѣсь, у ногъ ея
Заглажу всю вину. — Надеждою ласкаюсь,
Которую въ меня внушила ваша дочь,
Что мнѣ простить вину мою Агнеса.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, Элиза.

Элиза.

Я рассказала ей о васъ, Милордъ; сначала
Съ негодованіемъ она отозвалась о васъ;
Я убѣдительно ее просила, и надѣюсь,
Что милая Агнеса вамъ проститъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Докторъ *(въ страхѣ
выбѣгаетъ
изъ дома.)*

Докторъ.

Сокроемся, друзья, за деревомъ; проснулся, —
Проснулся Доверстонъ.

Мельвиль.

Ну, каково идсть?

Докторъ.

Еще онъ ничего сообразить не можетъ:
Смущенъ, растерянъ весь; но есть еще надежда.

Элиза *(Станлею)*.

О счастье!

Мельвиль *(Станлею)*.

Извольте-ка, Милордъ,

Полюбоваться вашимъ славнымъ дѣломъ:

Вотъ до чего вы старца довели!

(Всѣ скрываются за деревьями.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же и Доверстонъ *одѣтый благопристойно
въ платье темнаго цвѣта, въ кругломъ парикѣ,
выходитъ изъ дома, Фанни слѣдуетъ за нимъ въ
его нюрнбургскомъ разстолннѣ.)*

Доверстонъ.

Какъ мнѣ легко дышать, не чувствую стѣсненья
Въ груди моей. Чья нѣжная рука

Уврачевать могла растерзанное сердце?

Мнѣ помнится — она была при мнѣ. —

Въ сіяніи таинственномъ, я помню,

Ея слѣтѣла тѣнь эфирная ко мнѣ,

И съ ней носились мы въ лазури поднебесной;

Превыше тучъ земныхъ парилъ мы,

И мѣсяцъ золотой катился по лазури,

И звѣзды вѣчныя... Я видѣлъ сладкій сонъ;

Мнѣ помнится, мы съ ней могли отыскать

И образъ мраморный Агнесы. Какъ теперь

Я вижу дочь, въ вѣнкѣ и въ бѣломъ покрывалѣ;

Надъ урною она склонилась головой,

И какъ же плакалъ я надъ прахомъ! Мнѣ ка-

залось,

Что самый мраморъ плачь услышалъ мой:

Въ немъ состраданіе нѣжное просіяло,

Какъ бы отъ легкаго дыханья вѣтерка

Откинулось отъ лица покрывало;

Вотъ отдѣлилась бѣлая рука,
Въ моей рукѣ я грѣлъ ее, я помню,
Я чувствовалъ пожатія теплоту.
Я къ ней простеръ отцовскія объятія,
И обнялъ въ ней видѣнне — мечту!
И отъ мечты душѣ отраднѣе стало.

Докторъ (тихо).

Вотъ этикъ сномъ воспользуемся мы.

Доверстонъ (дико озиралъ).

Но гдѣ же я?

Фанни.

Вы дома у себя (удерживал Довер-
стона).

Останьтесь; вечеръ тихъ и ясенъ. Сиръ Ви-
льямъ,

Взгляните: небеса высокія надъ нами,
И мѣсяцъ плаваетъ по тверди голубой.

Доверстонъ.

Лазурь небесная! Ее во снѣ я видѣлъ,
Надъ нами плавалъ мѣсяцъ золотой.
Но гдѣ же я?

Фанни.

Въ саду.

Доверстонъ (радостно).

Нѣтъ, на кладбищѣ;

Могилы, камни здѣсь, такъ здѣсь я отыщу
И памятникъ ея.

Фанни.

Съ чего жъ вы взяли это?

Доверстонъ (разматриваетъ
статую, что-то
шепчетъ и раз-
суждаетъ).

Фанни (Доктору).

Пока, все удалось; онъ кротокъ и послушенъ.

Докторъ (погружается въ
ушии; садится
на скамью).

Его здѣсь нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Томасъ (съ трубкою).

Томасъ.

Вотъ ваша трубка, баринъ.

(Подаетъ.)

Доверстонъ.

(Изумленный глядитъ на Томаса, всматривает-
ся въ него, беретъ трубку, не знаетъ что съ ней
дѣлать, наконецъ прикладываетъ ко рту, начи-
наетъ курить и дико смѣется.)

Фанни.

Зачѣмъ не слѣдете, сударь, на ту скамью,
Гдѣ любите сидѣть?

Доверстонъ.

Гдѣ, гдѣ?

Фанни.

Вонъ тамъ, подъ липой.

Доверстонъ (улыбался).

Подъ липой?

Фанни.

Отдохнуть пріятно тамъ.

Томасъ

Пожалуйте,

(Оба они ведутъ его и сажаютъ на зеленую ска-
мью подъ деревомъ.)

Мельвиль.

Онъ какъ дитя послушенъ.

Докторъ.

Еще въ смятеніи, безъ памяти.

Элиза.

Ну, точно

Лунатикъ.

Доверстонъ (бросаетъ труб-
ку, встаетъ и на-
чинаетъ ходить.)

Фанни.

Сиръ, чего угодно вамъ?

Доверстонъ.

(Закрывъ лице руками, останавливается.)

Докторъ.

Онъ грустенъ, теперь его разсѣять должно.

Мельвиль, явитесь вы.

Мельвиль.

Ну, если онъ?...

Докторъ.

Не бойтесь.

(Дѣлаетъ знакъ Томасу, тотъ уходитъ.)

Фанни.

Что вы задумались?

Доверстонъ.

Уйдемъ отсюда.

Фанни.

Какъ вамъ угодно, Сиръ; но вотъ идетъ вашъ
Томасъ.

Томасъ (возвращается).

Прикажете ли, Сиръ, принять гостей,
(Доверстонъ не разумѣетъ его, пристально смо-
тритъ на него.)

Мельвила съ дочерью и Доктора?

Доверстонъ.

Дочь, дочь!

(Трепещетъ при этомъ словѣ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Мельвиль, Элиза, Докторъ.

Мельвиль.

Здорово, Сиръ Вильямъ; мы пробѣжали мимо,
И завернули посѣтить тебя.

(Элиза цѣлуетъ Доверстона; Доверстонъ, при-
видъ ея, улыбается отъ удовольствія, прижи-
маетъ ее къ груди, смотритъ на нее нѣжно,
вздыхаетъ и отталкиваетъ отъ себя.)

Докторъ (поздоровавшись съ
Доверстономъ).

У васъ прекрасный садъ, Сирь Доверстонъ;
Прохладно здѣсь; у васъ довольно тѣни.

Мельвилъ.

Здѣсь и въ тѣни меня бросаетъ въ жаръ.
Вынимаетъ табакерку, и со страхомъ подучуетъ
Доверстона.)

Вамъ не угодно ли? (Слытсѣя) Добрый знакъ!
(Доверстонъ улыбается, беретъ; вдругъ измѣ-
няется и принимаетъ серьезный видъ.)

Мельвилъ.

Онъ гнивень.

Докторъ.

Да, у васъ самихъ табакъ отмытый,
Поподучите своимъ насъ табакомъ.

Доверстонъ ищетъ въ карманъ, находитъ таба-
керку, открываетъ, удивляется тому, смѣется
и предлагаетъ Доктору.)

Докторъ (въ сторону).

Прекрасно!

Мельвилъ.

Слышалъ ли, мой другъ,
Въ Парламентъ не принять билль, который
Съ тобой вчера читали мы.

Доверстонъ (глядя на Элизу).

Похожа,

Но не она.

Мельвилъ.

Что скажете на то?

Порадуйтесь.

Доверстонъ.

Посмотрите,

Такъ взоръ ея горькъ, такая же улыбка
Играла на устахъ ея, и гдѣ жъ она?

(Элизъ.)

Въ могилѣ! Ты не вѣрь, когда злодѣи скажутъ,
Что дочь моя жива—нѣтъ, нѣтъ се въ живыхъ!
Она въ могилѣ спитъ, подъ мраморомъ тяже-
лымъ;

Сама она, блистая близкой,
Въ вѣнкъ изъ розъ и длинномъ покрывалѣ
Надъ урною склоняется glavой;

Но гдѣ тотъ памятникъ, не помню! О, когда бы
Нашелъ его, какъ былъ бы счастливъ я!

(Онъ погружается въ уныне.)

(Въ эту минуту раздается за сценою трогательная музыка; тихо переливаются звуки арфы. Доверстонъ внимательно слушаетъ; наконецъ раздается пѣніе любовной его ариі. Довер-

стонъ содрогается, въ оцѣпеннны устремляетъ
взоры въ ту сторону, откуда раздаются звуки.
Онъ сильно потрясенъ, трепещетъ, повторляетъ
несвязно болѣе замѣчательное мѣсто пѣсни,
смѣется, блѣднѣетъ, то вдругъ растрогается,
то весь вдругъ оцѣпенѣетъ, и переходитъ посте-
пенно отъ одной страсти къ другой; пѣніе за-
мираетъ.)

Доверстонъ.

(Онъ озирается, занеясъ въ навиліонъ отдер-
нутъ; видны памятникъ Агнесы. Она сама
стоитъ въ блѣлой платьѣ, въ покрывалѣ и въ
вѣнкъ изъ бѣлыхъ розъ, преклонившись на урну.)
Что вижу я! Вотъ памятникъ Агнесы!

Она сама изъ мрамора! Дочь, дочь!
(Бросается къ памятнику и опирается на урну.)
Восторгъ не изъяснимъ! О, что со мной: я плачу!
Впервые слезы брызнули изъ глазъ.

И камень спалъ съ излученнаго сердца!
О, какъ же долго я искалъ твой милый прахъ!
И вотъ нашелъ тебя, дитя мое, проснися,
Взгляни хоть разъ на бѣднаго отца!

Я одинокъ, забытъ, оставленъ всѣми;
Я безъ тебя на вѣкъ осиротѣлъ;
Клонюся къ смерти я, мои слабѣютъ силы;
Кто безъ тебя закроетъ мнѣ глаза?

Мнѣ стоить послышался, ужели изъ" могилы?
(Удаляется на нѣсколько шаговъ отъ памятника.)
Поколебался мраморъ: то не сонъ!
Въ немъ состраданіе пѣное просіяло;
Какъ бы отъ легкаго дыханья вѣтерка
Откинулось отъ лика покрывало;
Вотъ отдѣлилась бѣлая рука!...

(Приближается и беретъ руку дочери.)

Она въ моей рукѣ, она тепла, трепещетъ,
О, Боже праведный! ужели это сонъ!
Я оживаю пѣсь отъ вѣжнаго пожатія,
Я простираю къ ней отцовскія объятія,
Я обнимаю.... (бросается въ объятія.)

Дочь!

Агнеса.

Родитель!

Докторъ.

Онъ спасенъ!

(Доверстонъ падаетъ безъ чувствъ въ объятія до-
чери. Стайлей, Клара и есъ окружаютъ его и
составляютъ картину.)

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТИ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Статья Кнзя А. А. Шаховскаго.)

ВСТУПЛЕНІЕ.

Предки наши, Славяне, занимавшіе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго Морей, и въ соединеніи съ Нормандскими воинами составившіе одно обширное Государство (*), пріобрѣли, при помощи оружія, отъ сопредѣльныхъ съ ними Грековъ, вмѣстѣ съ Христіанскою Вѣрою, первыя начала народнаго образованія. Торжество Православной Церкви, родственныя связи Русскихъ Князей съ Ви-

зантійскими Императорами и взаимныя выгоды торговли, сблизили, еще въ то время, Святую Русь съ источникомъ древняго и новаго Европейскаго просвѣщенія, и наши любознательные предки, утоляя въ немъ жажду вѣдѣнія всего нужнаго, полезнаго и изящнаго, гораздо прежде причастны были просвѣщенію, нежели западные Христіане (а). Но бѣдственная система удѣловъ, заимствованная не отъ Востока, разслабила Русское Государство. Раздробленіе Россіи на удѣлы допустило вторженіе Татаръ, и продолжило ихъ владычество, уничтожавшее въ раздѣленной и поработченной Россіи благодѣянія Византійскаго ученія, оставленнаго въ небреженіи нашими Князьями, несчастными данниками, и даже царедворцами Могольскихъ Царей. Русская земля потемнѣла, но Русская Церковь, какъ лампада, засвѣченная Богомъ и Богу, не преставала и въ земномъ мракѣ теплиться небеснымъ огнемъ. Просвѣщеніе, изгнанное Турками изъ павшей Греціи въ Латинскую Европу, хотя и миновало отатаренную Русь, но преж-

(*). При В. К. Святославѣ, племена, обитающія въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ, племя Чудское и жители Финскаго поморья, Тмутаракань, и берега Азовскаго моря, были въ подданствѣ Руси, и Святославъ говорилъ, въ построенномъ имъ на Дунаѣ Перелаславѣ: «*Ту среда земли моея,*» подразумевая Булгарію, а можетъ быть и самый Царьградъ, какъ бы уже покоренными его оружіемъ, и эта самоудѣльность завоевателя повторилась въ наше время. Наполеонъ, громя Нѣмецкую землю, называлъ Россію сопредѣлницею его Имперіи. Но надъ нами ознаменовалась истина святаго изреченія: гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ. Владиміръ Великій и Александръ I оставили наслѣдіе свое въ Европѣ почти въ одинаковой обширности, если сравнить древнюю Русь отъ Русскаго Галича и Черной Россіи, съ нынѣшнюю Россію, съ Крымомъ и Финляндіей.

ніе дары Греціи, скрывались подъ спудомъ въ книгохранилищахъ нашихъ первосвятителей и въ тишинѣ монастырскихъ келій (*).

Въ самое темное время нашего отечества, когда, подъ гнетомъ Татарской дикости, досужіе умы нашихъ предковъ были единственно озабочены сверженіемъ чужеземнаго ига, наши Архипастыри навѣщали еще Христіанскій Константинополь, чтобъ благословляться на Русскую Митрополию, и сношеніе ихъ съ просвѣщеннымъ Греческимъ Духовенствомъ не прерывалось Татарскою властью. Святители наши, особенно Св. Алексій, убѣжденіемъ высокаго краснорѣчія и силою Боговдохновеннаго слова (**), умягчали буйство и алчность Ордынскихъ самовластителей. Наша Православная Церковь, Святая проповѣдница міра, терпѣнія и любви, не громила проклятіемъ мірскія знанія и наслажденія искусствами, дарованными Всесоздателемъ челоѣку. Наши Богомудрые Святители, съ отцовскимъ радушіемъ, снисходили къ изящнымъ отрадамъ общественной жизни ихъ духовныхъ дѣтей, и, по примѣру великихъ учителей Восточной Церкви (***), любили древнюю поэзію и умѣли отличать суемудріе софистовъ отъ любомудрія язычника Платона, такъ же, какъ и мракъ

(*) Доказательствомъ тому служитъ бібліотека Митрополита Алексія (изъ рода бояръ Плещеевыхъ). Въ ней хранится богатѣйшее собраніе рукописей Омировыхъ и другихъ Эллинскихъ твореній, и безпрестанно открываемыя въ нашихъ монастыряхъ сокровища давняго просвѣщенія.

(**) Татарскіе цари и ханы, убѣжденные мудростію и добродѣтелями нашего высшаго духовенства, освободили отъ податей и жалоговъ монастырскія и церковныя имущества, и строго повелѣвали своимъ баскакамъ оказывать уваженіе къ священнослужителямъ нашей всегдашней благотворительницы, Православной Церкви. Она не шалапа сохранныхъ ею имущества и крови своихъ священнослужителей на спасеніе Русскаго Христіанства и на восстановление его силы, величія и просвѣщенія.

(***) Василій Великій и Григорій Богословъ оба были риторамъ Аѳонской Школы, еще наполненной язычниками, а послѣдній знаменитымъ поэтомъ своего времени.

многобожія отъ свѣтлаго творчества Омпра, Эсхила и Софокла; а потому первые опыты благообразныхъ драматическихъ зрѣлищъ проявились у насъ въ духовныхъ училищахъ. Въ нихъ, попочетельные наставники хотѣли замѣнить чувственные потѣхи пылкаго юношества сердечными и умственными наслажденіями, и можно смѣло сказать, что въ самое то время, когда Галликанская Церковь тщетно проклинала сдѣлавшійся народною необходимостью театръ и всѣхъ его соучастниковъ (б), напротивъ того, на Святой Руси, Аѳонская сцена, очищенная уссопомъ благочестія, сдѣлалась первымъ поприщемъ драматической поэзіи. Митрополитъ Ростовскій Димитрій, равный просвѣщеніемъ и любомудріемъ Св. Алексію, Первосвятителю всей Россіи, сочинилъ нѣсколько трагедій, коихъ содержаніе извлечено изъ священныхъ книгъ, и одну совершенно пѣтическую: *Кающійся Грѣшникъ*. Она, по волѣ Императрицы Елисаветы, была представлена на Придворномъ Театрѣ со всѣмъ сценическимъ великолѣпіемъ, и потому уже можно назвать эту драматическую аллегорію, сообразную съ Эсхиловыми твореніями, нашею первою трагедіею.

Самое названіе: *Кающійся Грѣшникъ* уже показываетъ содержаніе и цѣль сей нравственной драмы, а дѣйствіе и сценическое устройство убѣждаютъ въ томъ, что творецъ ея зналъ и совершенно постигъ первѣйшаго изъ Греческихъ трагиковъ (*). Три дѣйствующія лица, съ

(*) Эсхила, отца древняго Аѳонскаго Театра, первого сочинителя трилогій или трагедій, раздѣленной на три части, изъ которыхъ каждая представляла особое дѣйствіе или содержаніе, и всѣ три части вмѣстѣ составляли полную трагедію, объемлющую большое пространство времени и мѣста. *Кающійся Грѣшникъ*, сообразный формою и дѣйствіемъ съ Эсхиловымъ творчествомъ, кажется подражаніемъ не полной трилогіи, а одной ея частію, изъ которыхъ каждая, въ печатныхъ изданіяхъ Эсхиловыхъ твореній, называется особою трагедіею, хотя, соединенно съ другими двумя, составляла въ древности полное зрѣлище.

хорами, раздѣленными, какъ у древнихъ, на строфы и антистрофы, занимають сцену, представляющую пустынный видъ. Грѣшникъ, въ одеждѣ, завѣшенной черными нашивками съ надписями его грѣховъ, представляется, во все время дѣйствія, между Ангеломъ-Хранителемъ и врагомъ рода человѣческаго. Имъ содѣйствуютъ хоры небесныхъ силъ и демоновъ; съ одной стороны земнородство грѣшника, поджигаемое гнѣскимъ огнемъ, восплаляется до неистовой ярости; съ другой — богодохновение, умиляемое воплощеннымъ словомъ, предается упованію на всеотче милосердіе. Но одежда, обличающая дѣла грѣшника, поражаетъ его ужасомъ, ввергаетъ въ смертное отчаяніе, и богохульный ропотъ уже на устахъ его. Ахъ, радуясь своей добычѣ, готовъ увлечь его въ мрачную бездну, какъ вдругъ сладкозвучное пѣніе Ангельскаго лика, напоминающее прощеніе разбойника, укрощаетъ обуреванія плоти. Страдалецъ, повергаясь на землю, возноситъ, молитвой покаянія, безсмертный духъ къ источнику благодати. По мѣрѣ раскаянія и молитвы, надписи грѣховъ спадаютъ, и наконецъ бѣлая одежда вполне проясняется. Ангелы оглашаютъ небеса побѣдною пѣснію. Грѣшникъ изнемогаетъ тѣломъ, и предаетъ Господу очищенную покаяніемъ душу. Свѣтлыя облака опускаются на умирающаго, и возносятся отъ бездыханнаго тѣла, при торжественномъ пѣніи небесныхъ силъ и отчаянномъ завываніи подземныхъ духовъ.

Вотъ изложеніе *Кающагося Грѣшника*, писанное съ словъ П. Аѳ. Дмитревскаго, участвовавшаго въ его представленіи на Придворномъ Театрѣ. Я, согласно съ его же мнѣніемъ, нахожу, что сія первая наша драматическая поэма, не взятая изъ священныхъ книгъ, а сотворенная вдохновеннымъ даромъ поэта, предобразовала Русскую трагедію, и что она гораздо ближе къ нашему народному духу, нежели та, которая цѣлкомъ перенес-

лась къ намъ съ Парижской сцены, и уже послѣ вѣка Лудовика XIV.

Устройство и великолѣпіе зрѣлища, раздѣленіе и содѣйствіе хоровъ, соучастіе музыки и механики, а еще болѣе пѣтическое изобрѣтеніе и нравственное содержаніе *Кающагося Грѣшника* ясно доказываютъ, что благочестивый творецъ этой піесы не только хорошо зналъ Греческихъ классиковъ, но глубоко проникъ въ сущность дѣйствія и цѣль древней трагедіи, и заставляють думать, что онъ желалъ превратить ее, духомъ Христіанства, въ наше народное зрѣлище, или хотя назидательное занятіе празднаго времени семинарскихъ питомцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ свойствомъ и дѣйствіемъ древней трагедіи признается священный ужасъ и умиленіе, а грѣшникъ, обуреваемый адомъ и охраняемый небесною благодатью, не долженъ ли производить въ душахъ зрителей-христіанъ такого же умиленія и ужаса, какіе возбуждались въ сердцахъ язычниковъ, при видѣ Ореста, помѣщеннаго въ Эсхиловыхъ Эвменидахъ, между вѣчною гибелью и спасеніемъ! Оба первые Аѳинскіе трагикки стремились возвысить душу зрителей явнымъ сближеніемъ неба и земли, составляющимъ нравственную цѣль древней трагедіи, особливо Софокловой. Сей истинно вдохновенный поэтъ представилъ смерть страдальца Эдипа, не конечною гибелью чловѣка, не предметомъ страха и муки, но небесною наградою за жизненные страданія, и переселеніемъ изъ юдоли горестей въ безпечальный міръ. Но западные драматурги и, къ несчастію, увлеченный ими нашъ знаменитѣйшій трагикъ, отчуждились отъ сей божественной мысли, и *Кающагося Грѣшника*, кажется мнѣ, гораздо ближе къ древнимъ зрѣлищамъ, нежели всѣ любовныя приключенія новыхъ классиковъ, хотя всѣ они, перефранцузивая древній проишествія, нравы, лица, и уничтожая величїе древней сцены, считали себя возродителями Греческаго Театра. Чрез-

вычайный успѣхъ *Эдипа въ Авинахъ*, произведенный именно тѣмъ, что нашъ (по сіе время лучшій) трагикъ заимствовалъ у Софокла, доказываетъ сочувствіе наше съ зрителями Греческаго Театра. Озеровъ, воспитанный (какъ всѣ его ровесники) въ благоговѣніи предъ Французской Драматургіей, запуганный, съ ребячества, правилами, всклепанными на Аристотеля, разжалобленный любовными нѣжностями театральныхъ принцессъ, и приученный къ пухлой высокопарности находульныхъ героевъ, но возбужденный силою вдохновеннаго дара и Русскаго духа, страхнулъ съ себя привычное нашимъ трагикамъ раболѣпіе къ Парижской сценѣ, и показалъ близкій образецъ тому, тѣмъ бы могла быть наша трагедія, тотчасъ послѣ *Кающагося Грпшика*, если бъ въ слѣдъ за симъ духовнымъ творцемъ явился даровитый мірянинъ, исполненный піитическимъ духомъ Древнихъ Грековъ, напитанный божественнымъ ученіемъ нашей церкви и пламенно влюбленный въ свое отечество, въ свой языкъ и въ животворное искусство, обладающее народнымъ взоромъ, слухомъ, умомъ и сердцемъ. Такой внезапный поэтъ, еще за долго до Ломоносова, могъ бы угадать и образовать Русское стихотворство и Русскую рѣчь, и, какъ Эхилъ, прямо создать, по духу и толку Русскому, народный театръ, который, не смотря на дарованія нѣсколькихъ нашихъ сочинителей и красоты ихъ сочиненій, еще младенчеству, и едва ли еще можно сказать о немъ, что Шлегель сказалъ о Нѣмецкомъ Театрѣ: *«будетъ завтра»*. Нѣмцы, образуясь отъ Французскаго умонастія, углубились въ Германскую старину, принялись трудолюбиво за свое дѣло, а мы все еще бросаемся отъ одного чужаго къ другому чужому же, и оттого у насъ Русская Драматургія идетъ сбивчиво и не скоро, въ чемъ насъ справедливо могутъ упрекнуть иностранцы, ужасающіеся безмѣрными успѣхами Россіи въ разнородныхъ искусствахъ и

знаніяхъ, составляющихъ общность просвѣщенныхъ государствъ. Но давно уже извѣстно, что гораздо легче создать совершенно *новое*, чѣмъ передѣлать *старое*, взгроможденное кое-какъ, на основѣ, не углубленной до самаго материка. Вотъ отчего, многіе и довольно дѣльные труды наши и стремленія къ прочному созданію собственно Русскаго Театра, не были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ! Чтобъ объяснить причины замедленія и показать способъ къ достиженію вожделѣннаго своетворчества нашихъ драматическихъ зрѣлищъ, мнѣ кажется не безполезнымъ, прежде повременнаго обзора ихъ, взглянуть на общій ходъ нашего просвѣщенія.

Россія, какъ я уже сказалъ, родилась, окрестилась, возмужала, образовалась и просвѣтилась подъ вліяніемъ Восточной Имперіи. Она, существуя отдѣльно отъ Западной Европы, до низверженія Татарскаго ига, и понынѣ еще въ народномъ быту и свойствахъ характера сохранила сіе отличіе, которое никакъ не поддается противнымъ ей нововведеніямъ, безъ искуснаго принороченія ихъ пользы къ Русскому быту (*). Это постигъ совершенно безсмертный Преобразователь нашего отечества, которое, уже оживотво-

(*) Это давнишее и неистребимое *свое*, болѣе или менѣе сохраняемое въ каждомъ Русскомъ, и едва замѣтное въ высшемъ обществѣ, причиною ложныхъ толковъ и превратныхъ понятій о Россіи западныхъ Европейцевъ, которые судятъ ее, по общимъ вѣсьмъ имъ, и совершенно чуждымъ для насъ понятіямъ. Образованіе Латинской Европы, составившейся изъ смѣси Римскихъ учрежденій и вторгшихся со всѣхъ сторонъ варварскихъ обычаевъ, заставляетъ ихъ искать того же въ Россіи и перетолковывать собственное *наше*, по своему. Они видятъ въ нашихъ княжескихъ удѣлахъ свое феодалство, въ нашемъ вышшнемъ дворянствѣ, крестовое рыцарство, въ нашемъ народѣ, Татарское отродье, а вообще въ нашемъ государствѣ, не Восточную Имперію, а Восточное Азіатство, и во всемъ этомъ обманываются! Даже нѣкоторые изъ ихъ Русскихъ воспитанниковъ, глядя на свое отечество въ очки иностранныхъ учителей, а на чужія земли глазами, привыкшими къ Русскому быту, не понимаютъ ни того, ни другаго, и часто кажутся Русскими, внѣ Россіи, и иностранцами въ Россіи!

реведены учебныя книги. По кончинѣ сего мудраго Самодержца, достойный его наслѣдникъ Θεодоръ Алексѣевичъ, усердствуя народному благу, продолжалъ съ успѣхомъ начатое отцемъ его; но внезапная кончина просвѣщенѣйшаго изъ Царей нашихъ, едва не уничтожила всѣхъ благія начала. Царскій скипетръ, падшій между двухъ братьевъ его, слабого здоровьемъ и способностями Юанна и еще отрока Петра, былъ схваченъ ихъ сестрою, готовою превратить его въ орудіе истребленія тѣхъ самыхъ знаній, которыми образовался высокій умъ ея. Царевна Софія Алексѣевна, щедро одаренная всею быстротою понятія, всею живостію дѣятельности, всѣми прелестями, но также безпредѣльнымъ властолюбіемъ, всею хитростію своего пола, и пользуясь расколомъ, возбужденнымъ печтаніемъ новыхъ церковныхъ книгъ, завистію Стрѣльцовъ къ линѣйнымъ полкамъ, ненавистію закоренѣлаго невѣжества къ мудрымъ нововведеніямъ, возбуждала мятежи, чтобъ на развалинахъ благаго сотворенія ея воцареннаго рода, воздвигнуть свое самовластіе. Наше отечество, не успѣвшее еще свободно отдохнуть отъ вражескихъ стѣсненій и внутреннихъ крамоль, не оглядѣвшееся еще совершенно подъ свѣтлымъ небомъ, только очищеннымъ отъ черныхъ тучъ, едва не впадо снова въ пути властолюбцевъ, и не покрылось прежнимъ мракомъ. Но Богъ, милосердый къ Россіи, воздвигъ, на спасеніе ея порфиророднаго юношу; Петръ Великій, умомъ, духомъ, характеромъ и свѣтлою любовью къ своему народу, при первомъ шагѣ своемъ къ наслѣдственному Престолу, облитому слезами гонимой Царицы, Ея Матери, былъ встрѣченъ ревомъ изувѣрства, ножами крамолы и обрызганъ кровью своихъ родственниковъ и мудрыхъ сподвижниковъ его отца и брата. Но и крамольная Софія, и мятежи, и расколы и самое упорное невѣжество пали предъ силой Ея просвѣщенной воли. Онъ рѣшился

возсоздать разрушенное, совершить начатое, пересотворить свое, отдѣльное отъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ Царство въ великую Европейскую Имперію, и Онъ сдѣлалъ по своему, что могъ, и чего не могъ сдѣлать никто, кромѣ Его. Несчастный опытъ удобоистребленія, медленнаго переобразования и, какъ говорить нынѣ, естественнаго хода просвѣщенія, заставилъ нашего Преобразователя дорожить больше всего временемъ, дабы совершить при себѣ начатое. Ему недосужно было прочищать сѣмяна всѣхъ благотворныхъ растений, бросаемыхъ могучею рукою въ Русскую землю. Онъ предоставлялъ, какъ господинъ нивы (въ Евангельской притчѣ) изплѣвить ее прижатвѣ; но преждевременная кончина первѣйшаго въ мѣрѣ государственнаго хозяина воспрепятствовала исправити порчу вынужденной торопливости. Съ переносимыми къ намъ, на скоро, изъ Западной Европы полезными знаніями, учрежденіями, гражданскимъ и воинскимъ благоустройствомъ, не могли не захватиться вовсе безсмысленныя причуды общественаго быта, которыя, будучи пустоцвѣтомъ просвѣщенія, долго мѣшали его плодотворному окорененію. Но и въ этомъ, кажется мнѣ, не должно обвинять Петра Великаго, знавшаго, не хуже Фенелона (сочинителя Телемака), что внутреннее или умственное образование переходитъ отъ народа къ народу, вмѣстѣ съ наружными формами или общезнательностью. Потому-то Петръ пріучалъ народъ свой къ Европейской одеждѣ и Европейскому общезнанию; но, къ несчастію, не достало Ея, по краткости жизни, къ ограниченію того, что вышло изъ умѣренности и превратилось, уже не при немъ, почти въ рабственное подобострастіе къ иноземству!

Россія, съ изумившимъ ее воцареніемъ Екатерины Первой и властвованіемъ знаменитаго умомъ, военными доблестями, государственными способностями, Князя Меншикова, слишкомъ отдалилась отъ

своего кореннаго быта. Новый Князь, не терпѣвшій стариннаго боярства, и не терпимый имъ, какъ счастливый временщикъ, видимо желалъ преобразовать наше высшее общество водвореніемъ въ немъ всѣхъ иностранныхъ обычаевъ. Но Долгорукіе, низвергшіе его при молодомъ Императорѣ Петрѣ II, по противоположнымъ причинамъ, возбуждали пристрастіе къ старинѣ, перетворенной въ лучшее устройство Петромъ Великимъ, и наконецъ, лишенные власти, смертью обрученнаго съ невѣстой, изъ ихъ дома, Государя, они ухитрились, озаконить свое самоуправство неслыханнымъ и невозможнымъ въ Россіи нововведеніемъ, перенятымъ у нашихъ сосѣдей. Они избрали на Россійскій Престоль меньшую дочь Царя Іоанна Алексѣевича, Анну Іоанновну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, мимо ея старшей сестры и наследниковъ перваго Императора, для удобнѣйшаго ослабленія, въ свою пользу, Самодержавнаго единовластія, извлекаго Россію изъ бездны народныхъ золъ, и сотворившаго ее сильной и славной Европейской Монархіей; но это умысленіе обратилось имъ въ гибель, ужаснувшую даже ихъ недоброжелателей, и было виною временнаго оскорбленія нашей народности. Недовѣрчивость, возбужденная въ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ своекорыстіемъ избирателей, къ своимъ Русскимъ подданнымъ, должна была усилить довѣрчивость къ отверженнымъ ей иноземцамъ, и Биронъ, которому временное Правительство Долгоруковыхъ и ихъ друзей воспретило въѣздъ въ Россію, налегъ свинцовою Нѣмчиной на Русскій духъ, придавилъ въ немъ возбужденное Петромъ Великимъ Европейское досужество, и врожденное въ народъ наше любознаніе оледенѣло отъ холодности Германскихъ педантовъ. Нѣмцы, занявшіе важнѣйшія мѣста въ гражданскомъ и военномъ дѣлѣ, не только не хотѣли приноровить къ питавшей ихъ землѣ свои иностранные обычаи, но

спилились оцѣмѣчить всю Россію. И такъ, не удивительно, что въ то время Европейское образованіе, къ которому приохотилъ уже Петръ Великій своихъ подданныхъ, сдѣлалось для нихъ отвратительнымъ, а Нѣмецкій языкъ и обычай, насильственно овладѣли нашимъ высшимъ обществомъ и ввели въ моду пренебреженіе къ своему, Русскому. На устроенномъ уже при Дворѣ театрѣ, не слышно было Русскаго слова, на немъ давались Нѣмецкія піесы, Италіянскія Оперы и нѣмцы балеты. Только на Святкахъ Императрица, для воспоминанія своего Русскаго дѣтства, приказывала представлять старинныя игрища или сказки въ лицахъ: *Фениксъ, золотое перышко*, и проч. Но въ самое это невгодье нашей народности, дѣльное просвѣщеніе, пущенное въ ходъ сильной и вѣрной рукой величайшаго изъ Государей, облагодворяло созданную имъ Имперію. Устроенныя имъ войска даровали ей побѣды; Кадетскій Корпусъ приготавливалъ знаменитыхъ военачальниковъ, государственныхъ людей и словесниковъ; воуженное имъ и достигшее еще при немъ любознаніе до береговъ Бѣлаго Моря, воспламенило вдохновенный даръ рыбацкаго сына, и въ то самое время, когда Нѣмецкій языкъ безобразилъ Русскую рѣчь своими исковерканными выраженіями, Русское слово, во всей силѣ и всемъ благозвучіи, загремѣло изъ Нѣмецкаго Университета! тамъ Ломоносовъ воспѣлъ взятіе Хотина, и по всей Россіи раздались пророческіе стихи его:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть

Преступятъ тамъ полки Францы.

Но это первая пѣсня нашего заграничнаго соловья не скоро облагодзвучила Русское слово: Биронова гроза привела его въ оцѣмѣніе!

Наконецъ, послѣ быстрыхъ переворотовъ чуждѣльныхъ Правительствъ, (*)

(*) Сперва Принцессы Анны Леопольдовны и Бирона, потомъ ея одной, и генералиссимуса, су-

Святая Русь, какъ говорилось въ народѣ: «возсіяла восходомъ на Престолъ нашего краснаго солнышка, дочери перваго Императора, матушки Государыни Елисаветы Петровны!» Съ этимъ разсвѣтомъ, спалъ свинцовый гнетъ съ Русскихъ умовъ, наше врожденное досужество закипѣло, языкъ заговорилъ по-своему, Русскія имена загремѣли на полѣ брани и слышались при Иностранныхъ Дворахъ; стихотворство зацвѣло, и театр-самодѣлъ, въ кожевенномъ сараѣ, на берегу свѣтлой Волги, перенесся въ Царскій Дворецъ. Но, увы, хотя онъ уже не былъ ни Нѣмецкимъ, ни Итальянскимъ, и Русскіе говорили на сценѣ своимъ языкомъ, они, все таки, говорили чужимъ смысломъ: этого должно было ожидать! Торопливость нововоспитанія нашего высшаго общества, сближая его съ чужеземщиной, слишкомъ отдѣлила высшее дворянство отъ отечественнаго быта прочихъ сословій. Наши столицы свѣтились чужимъ лакомъ, красовались роскошью просвѣщенія, и поверхность уже признанной всею Европою Имперіи нашей проясняла внутреннюю силу ея. Хотя эта внутренняя сила, въ народной образованности, въ земскомъ дѣлѣ, въ ремеслахъ, въ промыслахъ и художествахъ почти не прибавилась послѣ ея мудраго возродителя, но, слава Богу, умственные способности и досужество нашего народа не сблизь съ Русскаго толка властолюбивыми замыслами временщиковъ, и наша святая родина встрепенулась радостнымъ воцареніемъ дочери Петра Великаго, сказавшей: «Хочу, чтобъ при Миѣ все было, какъ при Отцѣ Моемъ!» — Это царское слово, взнесенное къ Небу мольбами Православной Церкви и Русскаго народа, низвело духъ Петра Великаго на его прямое потомство и сотворенную имъ Имперію, которая съ той поры

возрастаетъ препятствіями и усиливается сопротивностями, внушаемыми завистью, враждою и страхомъ чужеземниковъ! —

Царское радушіе Императрицы Елисаветы Петровны не оградило однако жъ ея отъ разливагося по всей Европѣ пристрастія ко всему Французскому. Маркизь де ла Шетарди, ловкій Посланникъ Лудовика XV при Русскомъ Дворѣ, умѣлъ замѣнить Нѣмецкую тяжесть Французскою легкостью. Парижская вѣтренница, мода, вскружила головы нашего высшаго общества, взманила въ подражаніе ему второстепенныя общества, овладѣла, при самомъ началѣ, нашею мірскою словесностью и новорожденнымъ театромъ.

Непостижимая всѣмъ народамъ и самимъ намъ — судьба нашего отечества, творящая, въ Россіи и изъ Россіи, нигдѣ и никогда небывалое, обнаруживается въ безответномъ вопросѣ, какъ, въ царствованіе двухъ природныхъ Русскихъ Государынь, мы, отвлекаясь отъ чужестранства къ чужестранству, могли хвалиться только нашею досужею переимчивостью, и какъ вдругъ Германская уроженка возбудила въ насъ народную гордость, и превратила самыя пріобрѣтенія наши въ Русское самородство? Это кажется невѣроятнымъ, однако же такъ было! Екатерина II постигла вполнѣ Петра Великаго, и напиталась Его творческимъ духомъ! Она глубоко вникла въ родовое семейство и силу своего новаго отечества, слилась съ нимъ душою, полюбила его величіе, и въ началѣ царствованія своего, радѣя о нашей народности, старалась, примѣромъ своимъ, обрусить наше очужестраненное общеніе и слово, уничтожить подобострастіе къ иноземному, возбудить соревнованіе ко всему изящному и вдвинувъ свою Имперію въ общій составъ просвѣщенной Европы, сдѣлать ее совершенно Русскою (*). Про-

пруга ея, Принца Брауншвейгскаго, Антона Ульриха.

(*) Я слыхалъ въ дѣтствѣ моемъ, что Импе-

нищательный взгляд, быстрое соображение, живость ума и пылкая воля славолюбивой жены, облеченной самодержавною властью, очаровали и свой народ, и чужеплеменников и, современников, и потомство! Пополняя законы законами, поправляя обычаи обычаями, и умъя заставлять своихъ подданныхъ хотѣть того, что ей желалось, Она не пренебрегала ни журналистикой, ни театромъ, пользовалась охотою къ новостямъ и зрѣлищамъ, проявлявшеюся только въ высшемъ и среднемъ сословіи Русскаго народа. Посылая въ *Собесѣдникъ*, ежемѣсячно издаваемый по Ея волѣ, записки о Русской Исторіи, могущія возбудить народную гордость, Государыня удосуживалась на драматическія сочиненія, и приспособляла Русскую сцену къ государственному дѣлу. Она не хотѣла даромъ терять способа, предающаго въ волю театральнаго писателя зрѣніе, слухъ, сердечныя чувства и душу нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, собранныхъ для умственного наслажденія, и готовыхъ ко всѣмъ душевнымъ впечатлѣніямъ. Цѣль Ея авторства открывается въ театральныхъ сочиненіяхъ. *Олеги* появился на сценѣ во всемъ блескѣ великолѣпнаго зрѣлища, чтобъ указать Русскимъ древній ихъ путь къ Царюграду, къ которому стремились желанія уже побѣдоносной Императрицы! И даже *Федуль съ дѣтьми* не просто выходилъ на театр, и напѣвалъ крестьянскіе намеки, присказки и поговорки! Они показывали простолюдинамъ, что хотя не названный, но всѣмъ извѣстный сочинитель этой на-

родной потѣхи не Русскимъ родился, да со Святой Русью породился и зналъ ее деревенскій бытъ — не хуже всякаго Русскаго (*). Примѣръ Императрицы скоро нашелъ подражателей и исполнителей воли. Но высокія дарованія творятся вдохновеніемъ, а сильное направленіе умовъ перемѣняется временемъ, и мы должны отъ нихъ надѣяться прочнаго совершенія, начатаго Царскимъ разумомъ Екатерины, и постепеннаго достиженія вождельной цѣли, Ею указанной.... Русскій Театръ начался въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, при Дворѣ, гдѣ новый тогда у насъ Французскій языкъ и его литература самовластно не позволяли намъ находить что нибудь хорошимъ, сочиненное или представленное вѣ Парижа, и запрещалъ думать по-своему. Такъ первый нашъ драматическій писатель, если бѣ хотѣлъ и умѣлъ проникнуть въ сущность древней трагедіи, въ свойства и духъ своего отечества, и вознамѣрился сотворить свое, народное зрѣлище, то бы онъ не смѣлъ и не могъ усипѣть въ то время, когда мѣриломъ ума, вкуса, дарованія и искусства было все Французское. И чѣмъ ближе наши произведенія напоминали Французское рабственныя подражаніемъ или даже просто переводомъ, тѣмъ больше удостоивались похвалъ и одобреній, а потому наша, едва открытая сцена, должна была покорствовать Парижской, до медленнаго освобожденія ее отъ сего чужевластія и быстрога подпаденія подъ другое, едва ли не пагубнѣйшее для нашей теа-

патрица угодно было, чтобы ввести въ праздничный нарядъ Двора своего не только женское, но и мужское Русское платье. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ Ея одѣлся великолѣпно Русскимъ бояриномъ, но никакъ не могъ представиться къ Государыни съ неубранною и не нацудренною головою, и это неодолимое затрудненіе принудило Императрицу, не могущую безъ смѣха видѣть Французскую голову на Русскомъ тѣлѣ, оставить по прежнему при Дворѣ Французскіе кафтаны, булки и кошелекъ при косяхъ.

.....

(*) Эти слова Русскаго купца, мнѣ пересказывалъ Иванъ Михайловичъ Тюльпинъ, Эрмитажскій Камердинеръ Императрицы Екатерины II. Онъ ихъ слышалъ при представленіи *Федула*, въ театрѣ, куда онъ хаживалъ по приказанію Государыни, когда представляли Ея пьесы, и возвращаясь долженъ былъ немедленно доносить о всѣхъ подробностяхъ представленія. Высокая Сочинительница съ нетерпѣніемъ ожидала домашняго своего зрителя, а иногда по нѣскольку разъ спрашивала, не возвратился ли онъ,

тральной поэзии и искусства. Это постараюсь я представить, сколько могу вѣрнѣе, въ обзорѣ нашей драматической словесности, который, по старшинству сценическихъ зрѣлищъ, начинаю съ трагедій.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЗНАМЕНИТАГО ВЪ СВОЕ ВРЕМЯ МУЗЫКАНТА,

ФЕРДИНАНДА ДИЦА.

Вѣкъ Екатерины II, славный великими мужами по всѣмъ отраслямъ государственнаго управления, славный побѣдами, возвысившими имя Русское, былъ также замѣчательнѣе для насъ и многими артистами, заслужившими Европейскую извѣстность. Великая Монархиня, любя науку и искусство, ревностно имъ покровительствовала. Въ ея время было у насъ много самобытныхъ, первоклассныхъ талантовъ. Музыка и сценическое искусство, еще юныя въ нашемъ отечествѣ, имѣли также замѣчательныхъ представителей; имена: *Дмитревскаго, Воробьева, Шушерина, Плавильщикова, Сандунова, Сандуновой, Валберха, Гандошкина, Дица, Мартини, Давидова* и другихъ были дороги современникамъ. Мы, дѣти новаго поколѣнія, и теперь еще часто слышимъ отъ стариковъ восторженные похвалы этимъ артистамъ, но современные журналы, гдѣ бы могли мы искать матеріаловъ для біографій этихъ людей, къ сожалѣнію, ничего намъ не представляютъ. На записки, или мемуары, предки наши также были скупы, а потому всякій любитель искусствъ и родной славы долженъ, помѣрѣ силъ своихъ, пока еще есть время, пещись о томъ, чтобы собрать,

гдѣ только можно и какъ только можно, свѣдѣнія о жизни артистовъ, которые дѣйствовали на развитіе и успѣхи искусствъ въ Россіи. Тѣмъ болѣе мы должны заботиться о такихъ артистахъ, которые, кромѣ славы, послѣ себя не оставляютъ ничего, ни какихъ созданій, ни какихъ памятниковъ своего таланта. таковы именно музыканты-исполнители и актеры: могильный заступъ, зарывая тѣло, зарываетъ въ землю все бытіе ихъ, всѣ ихъ мгновенныя, хотя и высокія произведенія. И вотъ отчего такъ затруднительны положительныя и вѣрныя свѣдѣнія объ актерахъ и музыкантахъ, жившихъ не болѣе какъ лѣтъ за сорокъ до насъ. Теперь, когда еще живы многіе изъ ихъ современниковъ, трудно составить изъ нерѣдко противорѣчащихъ фактовъ и мнѣній вѣрный и отчетливый рассказъ о ихъ жизни. Впередъ съ каждымъ годомъ это будетъ труднѣе и труднѣе; потому. То считаемъ обязанностію подѣлаться съ читателями нашими тѣми свѣдѣніями, которыя удалось намъ собрать, и почтемъ себя счастливыми, если наши первые опыты вызовутъ на подобный трудъ другихъ, болѣе насъ свѣдущихъ людей. На этотъ разъ избираемъ

биографію Фердинанда Дица, одного изъ замѣчательнѣйшихъ музыкальныхъ талантовъ минувшаго вѣка, имя котораго прославлено въ поэтическихъ воспоминаніяхъ Дмитріева (*).

Фердинандъ Дицъ родился въ Нюренбергѣ, около 1742 года, и еще въ младенчествѣ лишился своихъ родителей. Дядя его, извѣстный ландшафтный живописецъ *Іоанъ Христовъ Дицъ*, взялъ его къ себѣ и сталъ учить рисованью; но мальчикъ не имѣлъ рѣшительно ни какой охоты и склонности къ этому искусству, и не смотря на всѣ попеченія и труды дяди, не дѣлалъ ни какихъ успѣховъ. Это приводило въ отчаяніе живописца, и бѣдный Фердинандъ часто подвергался строгимъ наказаніямъ. Въ такія минуты единственнымъ его утѣшеніемъ была скрипка, на которой онъ игралъ самоучкой; но и къ этой отрадѣ могъ онъ прибѣгать только въ отсутствіи строгаго дяди, который не любилъ музыки. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Видя наконецъ, что всѣ усилія сдѣлать изъ Фердинанда живописца были напрасны, дядя отказался отъ него, и объявилъ, что онъ можетъ идти куда хочетъ.

Тетка бѣднаго сироты *Барбара Регина* (**), извѣстная также своимъ талантомъ въ живописи, сожалѣлась надъ нимъ, взяла его къ себѣ, и зная страсть его къ музыкѣ, доставила ему средства учиться. Успѣхи, оказанные имъ, были удивительны, такъ, что скоро онъ превзошелъ своего учителя. Семнадцати лѣтъ былъ онъ принятъ въ капеллу при Соборной Церкви Св. Себастьяна, и отличался уже чрезвычайно нѣжною игрою и вѣрностью

такта; это послѣднее достоинство принесло ему мѣсто первой скрипки и жалованье, обезпечившее его содержаніе. Добрая Барбара радовалась успѣхамъ своего племянника, тѣмъ болѣе, что успѣхи эти были плодомъ ея заботъ и попеченій. Часто по нѣскольку часовъ сряду, положивъ свои кисти, слушала она игру Фердинанда, который только при ней одной смѣло предавался порывамъ своей фантазіи. Будучи чрезвычайно застѣнчивъ, онъ не могъ ни при комъ играть одинъ: руки его дрожали, смычекъ не повиновался, и онъ, съ краскою на лицѣ, съ волненіемъ въ сердцѣ, задыхаясь, бросалъ скрипку и убѣгалъ прочь. Въ оркестрѣ, въ квартетахъ Дицъ былъ тоже совершенно другой человекъ; здѣсь, не будучи исключительнымъ предметомъ вниманія, онъ отличался смѣлостью, энергіею, и переселяясь совершенно въ міръ звуковъ, забывалъ все.

Три года былъ уже Дицъ при Себастьяновской Капеллѣ; ему исполнилось 20 лѣтъ; для него настала эпоха страстей. Въ одинъ вечеръ, проходя по Максовой Площади, былъ онъ пораженъ сладостными звуками, вылетающими изъ отвореннаго окна одного дома. Дицъ остановился и сталъ прислушиваться. Прекрасный, полный свѣжести и чувства голосъ, пѣлъ какую-то священную пѣснь, прерываемую по временамъ тихими аккордами форте-пиано. Дицъ, прижавшись къ стѣнѣ, онемѣлъ отъ восторга: никогда еще не пыталъ онъ такого наслажденія! Ему казалось, будто предъ нимъ отверзлись небеса, и пѣсни херувимовъ слетали оттуда на землю; долго стоялъ онъ неподвижно, боясь проронить малѣйшій звукъ; наконецъ голосъ замолкъ, раздались нѣсколько аккордовъ и все утихло. Дицъ отошелъ и взглянулъ на окно: его закрывали бѣлыя кисейныя занавѣски, за которыми свѣтился огонь. Вдругъ легкая тѣнь мелькнула въ комнатѣ; занавѣска заколебалась, и прекрасная бѣлокурая головка молодой дѣвушки выглянула изъ

(*) Свѣдѣніями о молодости Ф. Дица, обязаны мы почтенному Г. Горну, бывшему Камеръ-Музыканту, и знавшему Дица еще въ Германіи. Князь А. А. Шаховской и нѣкоторые другія лица также сообщили намъ нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ скрипачѣ.

(**) Барбара Регина Дицъ (*Dietsch*), превосходно рисовала птицъ, пчѣлы и насѣкомыхъ. Она родилась 1716 г., ум. 1783 г.

онна. Онъ впился въ нее своими взорами; но она скоро исчезла, занавѣски задернулись, окно затворилось, огонь потухъ. Нѣсколько минутъ стоялъ Дицъ, не зная, что съ нимъ сдѣлалось; сердце злило билось въ груди его, и милое видѣніе, мелькнувшее предъ нимъ, все еще носилось предъ его глазами. Наконецъ онъ какъ будто пробудился, и оглядываясь безпрестанно на завѣтное окно, побрелъ домой. Цѣлую ночь не могъ онъ заснуть; бѣлокурая головка была безпрестанно предъ нимъ, и когда настало утро, онъ опромѣтью побѣжалъ на Максому Площадь. Нѣсколько разъ проходилъ онъ мимо дому, но напрасно: очаровательница не показывалась, и роковыя занавѣски оставались задернутыми. Дицъ не хотѣлъ однако жъ уйти, не развѣдавъ по крайней мѣрѣ, кто жилъ въ этомъ домѣ. Это не стоило ему большого труда, и онъ скоро узналъ, что домъ этотъ принадлежалъ богатому серебрянику Югану Фюрету, у котораго была только одна дочь, Текла. Съ этой минуты Дицъ каждый вечеръ дежурилъ на площади; но ожиданія его не исполнялись, и онъ ни разу не видалъ Теклы. Такая неудача сдѣлала его мрачнымъ, задумчивымъ, унылымъ, и эта задумчивость, это уныніе выливались у него въ дивныхъ звукахъ, которые онъ извлекалъ изъ скрипки. Добрая Барбара замѣтивъ грусть племянника, стала добиваться о причинѣ его задумчивости; но Фердинандъ молчалъ. Наконецъ участіе тетки побѣдило его упорство, и онъ признался ей во всемъ, что таилось у него въ сердцѣ. Барбара старалась утѣшить его, а между тѣмъ въ тайнѣ обдумывала средства, какъ пособить горю племянника. Не знаю, какимъ образомъ удалось ей это; но чрезъ нѣсколько времени Дицъ былъ уже знакомъ въ домъ Фюрети, и могъ безпрятственно видѣть Теклу. Присутствіе его, казалось, было приятно молодой дѣвушкѣ; она находила удовольствіе въ его бесѣдѣ, была съ нимъ ласкова, привѣтлива, и, любя

музыку, восхищалась талантомъ Фердинанда; а онъ — онъ былъ счастливъ какъ никогда. Текла сдѣлалась предметомъ всѣхъ его думъ, всѣхъ мечтаній; видѣть, любить ее, было для него блаженствомъ неизъяснимымъ. Пылкая душа его предавалась совершенно страсти, имъ овладѣвшей. Наслаждаясь настоящимъ, онъ слѣпо вѣрилъ въ будущее, и это будущее представилось ему въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ; въ немъ видѣлъ онъ Теклу, какъ подругу своей жизни; для нея желалъ онъ прославиться; ей хотѣлъ посвятить все бытіе свое. И что же? Всѣ эти мечтанія, всѣ надежды разлетѣлись какъ дымъ!—Въ одно утро, пришедши въ домъ Фюрети, узнаетъ онъ, что Текла невѣста, что она любитъ жениха своего, что они давно уже узнали другъ друга, и что послѣ сватъбы, назначенной чрезъ нѣсколько дней, она должна уѣхать вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ Аугсбургъ, гдѣ тотъ велъ значительную торговлю. Вѣсть эта сразила бѣднаго музыканта; какъ безумный прибѣжалъ онъ домой, заперся въ свою комнату и не выходилъ цѣлые сутки. На слѣдующій день объявилъ онъ Теклѣ, что оставляетъ на всегда Нюренбергъ, и идетъ записаться въ военную службу. Семилѣтняя Вайона была тогда въ сильномъ разгарѣ, и бѣдный юноша надѣялся найти въ ней конецъ своимъ несчастіямъ. Барбара испугалась; не испытавъ никогда любви, она всѣми силами души привязалась къ племяннику, и мысль, что онъ можетъ погибнуть, приводила ее въ отчаяніе. Просьбы, моленія, слезы, все было употреблено ею, чтобъ отклонить Фердинанда отъ принятаго имъ намѣренія; онъ долго противился, но отчаяніе Теклы наконецъ поколебало его: онъ далъ ей слово не записываться въ солдаты, но объявилъ рѣшительно, что не хочетъ оставаться въ Нюренбергъ, гдѣ все напоминало ему Теклу. Чрезъ нѣсколько дней разстался онъ съ роднымъ городомъ, и былъ уже на дорогѣ въ Вѣну, давъ клятву никогда не

влюбляться и посвятить жизнь свою другою вѣрной, неизмѣнной любовницею — музыкѣ.

Въ Вѣнѣ познакомился онъ съ Глюкомъ, трудившимся тогда надъ своимъ *Орфеемъ*, оперой, которой было назначено сдѣлать переворотъ въ музыкальномъ мѣрѣ. Глюкъ полюбилъ Дица и, будучи самъ отличнымъ виолончелистомъ, часто игралъ съ нимъ дуэты. Онъ же доставилъ ему мѣсто при Вѣнской Оперѣ, и вообще всегда ревностно шокровительствовалъ ему. Жизнь Дица текла мирно и тихо въ занятяхъ музыкою, а между тѣмъ время, этотъ чудесный врачъ, залечивающій всѣ раны, возвратилъ ему спокойствіе; но душа его, и безъ того расположенная къ задумчивости, была сильно потрясена неудачною любовью, и не могла уже никогда сбросить съ себя той меланхоліи, которая въ послѣдствіи превратилась въ болѣзнь.

Около 1770 года Глюкъ, единственный человекъ, къ которому Дицъ былъ привязанъ въ Вѣнѣ, уѣхалъ въ Парижъ. Дицъ хотѣлъ было послѣдовать за нимъ; но какія-то обстоятельства удержали его. Въ это время имя его сдѣлалось уже извѣстно, и Вѣна признала его однимъ изъ первѣйшихъ скрипачей. Единственный домъ, въ которомъ онъ игралъ кромѣ театра, былъ домъ Князя Лобковича, куда собирался цвѣтъ Вѣнскаго общества, и гдѣ, въ послѣдствіи, великій Бетговенъ такъ часто восхищалъ слушателей своими дивными созданіями. Тамъ услышалъ Дица Соймановъ, бывшій въ то время Главнымъ Директоромъ Театровъ въ С. Петербургѣ и находившійся проездомъ въ Вѣнѣ. Пльнясь игрою Дица, пригласилъ онъ его въ Россію. Дицъ согласился, и въ 1771 году пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ число камеръ-музыкантовъ Придворнаго оркестра. Чрезмѣрная застѣнчивость не оставляла Дица и въ зрѣломъ возрастѣ; она препятствовала ему сдѣлаться концертникомъ, и онъ никогда не игралъ

концертовъ; но за то въ квартетахъ былъ онъ въ своей сферѣ. Ничто не могло сравниться съ пріятностью его смычка, съ тѣми дивными, нѣжными звуками, которые слетали со струнъ его. Онъ былъ превосходенъ, особенно въ адажіо; скрипка его плакала, въ полномъ смыслѣ слова, и заставляла плакать другихъ. Надобно замѣтить, что въ то время Петербургъ, принявъ Дица, имѣлъ много отличныхъ виртуозовъ. Придворный квартетъ былъ составленъ изъ Дица, 1-й скрипки, Роббей Тевиса—второй, Штокфиша альты, и Дельфино, виолончели; флейтистъ Михель также принималъ иногда въ немъ участіе. По словамъ современниковъ, ничто не могло сравниться съ этимъ квартетомъ, который обыкновенно разыгрывали на Эрмитажномъ Театрѣ или во внутреннихъ покояхъ дворца, въ присутствіи Императрицы и всего Двора. Императрица, умѣвшая оцѣнить необыкновенный талантъ Дица, осыпала его милостями, и избрала въ учителя Великаго Князя Александра Павловича. — Дицъ, чувствуя вполне эту высокую честь, старался оправдать сдѣланное ему довѣріе, и ревностно занялся своимъ Царственнымъ Ученикомъ. Въ послѣдствіи Великій Князь Александръ Павловичъ, оказывавшій чрезвычайные успѣхи, принималъ также участіе въ квартетахъ, и разыгрывалъ ихъ, какъ отличный артистъ.

Счастье, казалось, сдружилось наконецъ съ Дицомъ; онъ имѣлъ независимое состояніе, былъ любимъ, уважаемъ, пользовался заслуженною славой, и могъ бы кончить поприще свое такъ же блистательно, какъ началъ его. Но судьба опредѣлила ему другую участь: расположеніе къ меланхоліи становилось въ немъ съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе; часто по нѣскольку дней сряду не показывался онъ никому, и сидѣлъ одинъ, погруженный въ какую-то тяжкую думу. Ему было за 50 лѣтъ, и въ эти годы, когда страсти начинаютъ уже остывать, Дицъ, по

словамъ многихъ, со всею пылкостью юности предался любви къ предмету, который не могъ быть для него доступенъ. Несчастная страсть довершила въ немъ разстройство умственныхъ способностей, и онъ наконецъ совершенно помѣшался. Это случилось въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Екатерины Великой, какъ будто судьба не хотѣла, чтобъ Дицъ пережилъ, по крайней мѣрѣ, нравственно, потерю своей благодѣтельница. Онъ умеръ въ 1798 году.

Дицъ былъ превосходный музыкаль-

ный исполнитель, но самъ сочинялъ мало; впрочемъ, нѣкоторые его романсы и пѣсни, преимущественно на слова П. П. Дмитриева, бывшаго, въ свое время, самымъ любимымъ по этому гостинствѣ, долго распѣвались въ высшемъ обществѣ, и послѣ того въ народѣ: *Стоитъ сирый голуокъ*, и пр. можно слышать еще и теперь въ провинціяхъ. Музыка этихъ романсовъ отличается чувствомъ и граціею.

Н. М.

ТАНЦОВЩИЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Въ 1776 году, осеннимъ вечеромъ, въ одномъ изъ некрасивыхъ Стокгольмскихъ домовъ, сидѣла за столомъ молодая дѣвица, поддерживая голову обѣими руками. Слезы капали на лежавшее передъ нею письмо. Бѣдная комнатка, разбитое зеркало, на которомъ висѣли два завялые вѣнка изъ тисса и анемоновъ, печальный свѣтъ лампы, все это составляло странную противоположность съ полною жизнью дѣвицею, печальною, задумчивою. Кто же была эта дѣвица? Ея мягкіе, черные волосы, смуглое лицо, блѣдное, какъ западное облако, пламенные глаза, не принадлежали Шведскому климату: эта дѣвица, Маргарита Оріоль, была оперная танцовщица изъ Прованса.

Ея скромная жизнь уже сроднилась съ горемъ. Отецъ Маргариты, матросъ, лишившись жены, не могъ дать дочери ни какого воспитанія; Маргарита предо-

ставлена была попеченію тетки, которая давно жила въ Парижѣ, и вышла тамъ за мужъ за флотскаго лекаря. Когда лекарь поступилъ въ Шведскую службу, тетка отправилась съ Маргаритою въ Стокгольмъ, но здѣсь ожидала ихъ крайняя нищета: лекарь умеръ, и сиротою на чужбинѣ съ величайшимъ трудомъ поддерживали себя мытьемъ и шитьемъ бѣлья. Наконецъ, Маргарита, противу желанія, принуждена была опредѣлиться танцовщицею во Французскую Оперу. Своею граціею вдова съ красотою, она вскорѣ обратила на себя общее вниманіе, но вела жизнь скромную, потому ли что страдала тоскою по отчизнѣ, или потому, что презирала любовь, которую предлагали оперной танцовщицѣ дворяне.

Часа за четыре, Маргарита исполняла роль сирены въ оперѣ Фетиды и Пелей, сочиненной Густавомъ III и Веландеромъ,

и положенной на музыку Уттини, и до сих поръ не думала расчесывать волосы, которые струились густыми, длинными локонами. Отецъ писалъ Маргаритѣ, что его посадили за долги въ тюрьму, умолялъ ее прислать ему триста талеровъ, и тѣмъ спасти родительскую честь. Вотъ отъ чего плакала Маргарита; она была не въ состояніи исполнить просьбу отца! Нѣсколько разъ перечитывала она роковое письмо; письмо говорило ей, что отецъ, по болѣзни вышедшій въ отставку, возлагаетъ всю надежду на дочь. Бѣдная Маргарита страдала съ каждою минутою, зная, что отецъ томится въ тюрьмѣ; она приходила въ отчаяніе отъ мысли, что старикъ ежеминутно ждетъ спасительнаго отвѣта. Сердце Маргариты волновалось мучительно, какъ неспокойное море, но утѣшительная луна для нея не появлялась.

Многіе богатые и знатные люди любовались въ тотъ самый день танцами Маргариты; можетъ быть и теперь, засыпая на роскошномъ пуховикѣ, видѣли передъ собою сильфиду, а между тѣмъ бѣдная богиня плакала, не зная чѣмъ помочь отцу.

Въ первый разъ Маргарита почувствовала вполнѣ свое несчастіе. До сих поръ, живя день за день, она не заботилась ни о настоящемъ, ни о будущемъ: Маргарита походила на птичку въ клеткѣ, которая ежедневно видитъ вокругъ себя одно и то же, и которой дни и мысли становятся наконецъ однообразными, какъ проволочные прутья, ее окружающіе. Но теперь, не зная чѣмъ помочь отцу, Маргарита тѣмъ глубже чувствовала свое горе, что не понимала его.

Что должна была предпринять Маргарита? Надобно было помочь отцу, который всю надежду полагалъ на дочь. Какъ помочь? Бѣдная дѣвушка, вовсе не знакомая съ свѣтомъ, блуждала въ немъ, какъ сирота; она не испытывала еще тѣхъ безчисленныхъ средствъ, которыми люди стараются достигнуть своей цѣли.

Вдругъ свѣтлая мысль озарила без-

утѣшную душу Маргариты. Отбросивъ локоны, закрывавшіе лице, Маргарита сказала съ улыбкою:

— Да, батюшка поблагодаритъ меня!

«За что, мой другъ?» спросила тетка, которая въ эту минуту вошла изъ боковой двери.

Маргарита, испуганная печальнымъ приходомъ тетки, указала ей на письмо:

— Я пошлю къ батюшкѣ триста талеровъ....

«Ты пошлешь? возразила тетка съ недовѣрчивымъ видомъ. Какъ же ты можешь послать такую сумму, когда получаешь по десяти талеровъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ три талера надобно отдавать на гардеробъ?»

— Завтра я пойду къ Директору, и попрошу его одолжить мнѣ триста талеровъ, въ счетъ жалованья. Конечно, долго будутъ вычитать у меня, но, можетъ быть, мнѣ прибавятъ, а пока я буду стараться помогать тебѣ, тетушка, стирать бѣлье, чтобъ намъ не нуждаться въ необходимомъ....

«Вотъ какъ!» сухо проговорила тетка Маргариты.

— Я могу также, продолжала Маргарита, давать уроки Французскаго языка, или опять примусь за гитару.... Неужели не найдутся люди, которые бы сжалились надъ нашею бѣдностью?

«Нѣтъ!» отвѣчала отрывисто тетка.

Огорченная Маргарита замолчала.

Тетка придвинула свой стулъ къ племянницѣ, взяла ее за руку, и сказала:

— Ты знаешь, милая племянница, что я всегда была твоимъ лучшимъ другомъ. Я очень хорошо понимаю твое положеніе: ты не можешь спасти своего несчастнаго отца! Просить денегъ у Директора—безполезно. Неужели ты думаешь, что онъ дастъ тебѣ триста талеровъ въ счетъ жалованья? Если ты завтра умрешь, кто же ему заплатитъ за тебя? Нѣтъ, добрая Маргарита, это дѣло невозможное; ты должна покороче узнать свѣтъ.

Маргарита печально потупила глаза.

— Въ нравственныхъ сочиненіяхъ и на театрѣ, продолжала тетка, часто говорятъ о благородствѣ души, но люди не охотно поддаются этой слабости. Въ молодости я также думала, что стоитъ только постучаться у сердца людей, чтобы найти отвѣтъ на всѣ вопросы. Повѣрь моей опытности, Маргарита: трудно уничтожить въ людяхъ тщеславіе или скупость, и никто не подаритъ тебѣ трехсотъ талеровъ.

Маргарита закрыла платкомъ заплаканные глаза.

— Но отцу твоему мы все таки должны помочь; не оставяя же его умирать въ тюрьмѣ съ грустною мыслию, что дочь забыла его....

Маргарита тихо рыдала.

— Ты знаешь, что я съ удовольствіемъ отдала бы тебѣ послѣднюю копѣйку, но вспомни, какъ мы бѣдны! Кто же подаритъ намъ триста талеровъ? Подумаи, не найдешь ли какихъ средствъ?

«Нѣтъ, тетушка, грустно сказала Маргарита, и бросилась въ объятія тетки. Мнѣ остается только умереть!»

— Бѣдняжка! Да вѣдь этимъ ты не можешь отцу.... А что, если бы я нашла какое нибудь средство?

Маргарита плакала.

— Да, я постараюсь помочь твоему отцу, произнесла тетка съ сильнымъ выраженіемъ, если только ты имѣешь ко мнѣ довѣренность.

Обрадованная Маргарита еще крѣпче обняла тетку.

— Ну, успокойся же и выслушай меня.

Тетка вооружилась всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, которому научилась въ Парижѣ, и начала:

— Ты добрая дочь, любишь меня какъ вторую мать; мы здѣсь на чужой сторонѣ, и чувство прошедшаго соединило насъ еще тѣснѣе. Ты, конечно, во всю жизнь не забудешь тотъ прекрасный вечеръ, когда мы, сидя у камина за чаемъ, воспоминали о родинѣ, о твоихъ родителяхъ, знакомыхъ.... Богъ знаетъ, увидимъ

ли мы когда нибудь нашу милую родину, будемъ ли любоваться большимъ каштановымъ деревомъ возлѣ церкви, будемъ ли жить въ твоемъ родительскомъ домикѣ, гулять въ саду, собирать виноградъ.... Теперь мы сироты, и на мнѣ лежитъ обязанность заботиться о твоей участи. Имѣй ко мнѣ полную довѣренность: я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе, которое сначала, можетъ быть, покажется тебѣ страннымъ.

Тетка придвинула стулъ, кашлянула и продолжала:

— Знатные люди, не смотря на свое богатство и всѣ удобства жизни, иногда почитаютъ себя несчастными. Они живутъ въ вѣчномъ принужденіи, вѣчно должны притворствоваться, и отъ того часто ищутъ такого состоянія, которое бы позволило имъ отдохнуть отъ стѣснительнаго, утонченнаго образа жизни. Вотъ почему эти люди часто удаляются въ свои помѣстья, гдѣ надѣются подышать чистымъ воздухомъ и найти неиспорченные нравы. Удивительно ли послѣ этого, что какой нибудь вельможа, не обращая вниманія на знатныхъ дамъ, сбрасываетъ съ себя всѣ званія, всѣ чины, возлѣ простой дѣвушки, и становится истиннымъ человекомъ? Ты знаешь Герцога С.?

«Знаю, тетушка,» отвѣчала Маргарита простоудушно.

Почтенная тетушка хотѣла однако жъ, чтобъ племянница догадалась, о чемъ идетъ рѣчь. Ей уже наскучило идти окольными дорогами до близкой цѣли.

— Герцогъ С. предобрый, премилый человекъ. Онъ охотно забываетъ свой санъ, и любитъ простое, непринужденное обращеніе. Прекрасный человекъ!...

«Можетъ быть, но ты, тетушка, забыла о моемъ отцѣ.»

— Вотъ то-то и есть, что не забыла, возразила тетка съ преднамѣренною усмѣшкою, которой Маргарита не поняла. Обращаюсь къ рѣчи: къ сожалѣнію, Герцогъ несчастливъ при своихъ благородныхъ чувствахъ; ему несносно, что, вмѣ-

сто добрыхъ сердецъ, онъ вездѣ встрѣчаетъ корыстолобіе, тщеславіе или пошлость. Ты могла бы осчастливить Герцога, добрая Маргарита.

«Я?» воскликнула испуганная Маргарита.

— Да, душа моя. Недавно была у меня очень важная особа: Герцогъ любить тебя и надѣется на взаимную любовь.

«Но вѣдь Герцогъ женатъ!»

— А, такъ вотъ что тревожить тебя, замѣтила тетка съ улыбкою, отыгрываясь софисмами; нѣтъ, на этотъ счетъ будь покойна. Если бы Герцогъ былъ простой мужъ, которому надобно было бы заботиться о хозяйствѣ, о семьѣ, то, разумѣется, онъ поступалъ бы гнусно, если бы не довольствовался любовію жены. Но люди знатные живутъ иначе; они смотрятъ на супружество какъ на форму, которая упрочиваетъ семейныя связи и даетъ потомство. О семейной любви такіе люди думаютъ рѣдко; имъ надобно жениться для имени. Не есть ли это доказательство добраго челоуѣка, когда онъ, при своихъ отношеніяхъ, сохраняетъ сердце для истинной любви.

«Тетушка, тетушка! Какъ ты можешь предлагать мнѣ такую любовь, сказала съ рыданіями Маргарита. Ахъ, ты жестоко насмѣхаешься надо мною!»

— Напротивъ, я вовсе не думала шутить; это дѣло серьезное.

«Но ты сама, тетушка, называешь свою честь священною; такъ неужели я должна ниво что ставить свою честь? О, вѣрно я заслужила, чтобы до такой степени ты презирала меня!»

— Глупенькая! Какъ могла ты подумать, что тетка, которая тебя любитъ, отдастъ на посрамленіе свою добрую племянницу? Неужели я позволю, чтобы Герцогъ не уважалъ тебя? Онъ самъ желаетъ только забывать возлѣ тебя о своемъ тягостномъ санѣ, поговорить съ тобою.... Ты обижаешь меня своею подозрительностью, какъ будто я хотѣла торговать тобою.

«Прости меня, тетушка, если я тебя оскорбила; не сердись, вспомни о моемъ безутѣшномъ положеніи. Но чего же ты требуешь отъ меня? Моего спокойствія, моего добраго имени, меня самое? Сжался надо мною!»

— Повторяю тебѣ, Маргарита, что Герцогъ будетъ уважать тебя, что посѣщенія его будутъ тайныя, и что, следовательно, тебѣ нечего бояться.

«Боже мой! Я все предвижу.... Зачѣмъ я дождала до такого несчастія!»

— Оставимъ же это, холодно сказала тетка, и завтра напишемъ отцу, что не можемъ помочь ему.

«Богъ поможетъ,» прошептала Маргарита, опустивъ въ изнеможеніи руки.

— Богъ не поможетъ, когда мы не хотимъ дѣлать того, что можемъ исполнить. Я не ожидала, чтобы ты приняла въ такую сторону мой совѣтъ, не думала, чтобы ты не согласилась облегчить наше бѣдственное положеніе.... Впрочемъ, я могу какъ нибудь пробиться, но отцу твоему будетъ грустно, что ты такъ дорого цѣнишь ласковое слово, которое бы могло спасти его. Я возвращу деньги.

При этихъ словахъ, тетка положила на столъ нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Невыразимое отчаяніе терзало Маргариту. Ея дѣтственное чувство сопротивлялось обычному повиновенію жизни, честь боролась съ дѣтскою любовію, съ стѣснительными обстоятельствами; сердце обливалось кровію. Если бы Маргарита могла взглянуть на свое положеніе спокойно, съ точки зрѣнія посторонняго челоуѣка, съ мягкаго дивана, то скорѣе приняла бы истинное намѣреніе, въ полной довѣренности къ божественному Провидѣнію. Но теперь, безъ воспитанія, которое бы могло укрѣпить ее въ надеждѣ на Бога, почти безсознательно, подчиняясь мало по малу мысли о несчастіи отца, обманывая себя надеждою, что Герцогъ, быть можетъ, пощадитъ ее, Маргарита не могла выдержать борьбы.

— Я согласна, прошептала она едва

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.

Экспериментальная Театральная

БИБЛИОТЕКА

ИМЕНИ А. С. ГУНАЧАРСКОГО

ТЕАТР ДРАМЫ

Кн. I. — 3

внятно, и судорожно закрыла лице руками.

«И прекрасно, душа моя,» сказала обрадованная тетка: положиись во всемъ на меня.»

Тетка обняла Маргариту, и оторвала отъ лица ея руки.

Маргарита была блѣдна, какъ мраморъ.

— Ты блѣдна какъ смерть! воскричала испуганная тетка.

«Ничего, тетушка! возразила Маргарита съ холодною улыбкою: честь!»...

— Полно, образумься, душа моя! Я увѣрена, что ты скоро поблагодаришь меня за всѣ хлопоты. Вотъ, посмотри: Герцогъ прислалъ мнѣ пятьсотъ талеровъ, разумѣется, не для того, чтобы купить тебя; нѣтъ, черезъ меня онъ узналъ о письмѣ, которое ты получила, и потому желаетъ помочь родителю драгоценной для него особы. Кромѣ того, надобно же намъ поубрать наши комнаты къ его приходу. Завтра мы пошлемъ къ отцу триста талеровъ на выкупъ, да сто талеровъ на вспоможеніе; пятьдесятъ талеровъ надобно употребить на покупку тебѣ приличнаго платья и перчатокъ; остальные пятьдесятъ возьми себѣ....

«Оставь ихъ у себя, тетушка, съ ужасомъ проговорила Маргарита: мнѣ они не нужны»....

— Хорошо, я спрячу. Да утѣшься же, моя добрая, милая Маргарита. Жизнь наша исполнена неприятностей; разумѣется, было бы лучше, если бъ другіе должны были служить тебѣ, а не на оборотъ, но въ нашемъ положеніи, мы избрали себѣ самое лучшее средство. Вспомни только, что, по милости Герцога, мы опять увидимъ родину! Тамъ ты скоро забудешь о печальной жизни въ Стокгольмѣ, особенно о нынѣшнемъ, мучительномъ для тебя вечерѣ; мы заживемъ беззаботно, весело.... Теперь назначь мнѣ день, когда можетъ прійти Герцогъ? Онъ отнюдь не хочетъ беспокоить насъ.

«Завтра, послѣ завтра,» едва проговорила Маргарита.

Тетка, поцѣловавъ племянницу, пошла спать. Маргарита также бросилась на свою постель, но не могла уснуть, а провела всю ночь въ мучительной лихорадкѣ. Маргарита не плакала; сердце ея оледѣбло...

Принадлежала ли тетка Маргариты къ разряду постыдныхъ женщинъ? Быть можетъ, она сама себя обманывала на счетъ намѣреній Герцога; быть можетъ, она нарочно ни о чемъ не думала, когда ощутила въ рукахъ своихъ пукъ банковыхъ билетовъ, или, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣла сквозь пальцы на подобныя отношенія. Чрезвычайно трудно сообразить нравственную вину человѣка съ его воспитаніемъ, темпераментомъ, опытностью и внѣшнею независимостью; извѣстно, что большая часть проступковъ имѣетъ источникомъ не злость, но безсознательность, слѣпое стремленіе къ желаемому, необдуманное устраненіе внутренняго убѣжденія.

Тетка, дѣйствительно, любила Маргариту, и если бы Маргарита не обладала такимъ чистымъ, такимъ глубокимъ характеромъ, то рѣшимость ея ничего бы не значила, и не имѣла бы ни какихъ послѣдствій. Но, изъявивъ согласіе, Маргарита чувствовала, что сама на себя подняла руки, что съ этой минуты потеряла къ себѣ уваженіе, и превратила свою жизнь въ вѣчное наказаніе.

Маргарита чувствовала это, хотя и была оперная танцовщица....

Странно: на другой день, Маргарита прилежно принялась за уборку своей комнатки для Герцога; поблеклые вѣнки были спрятаны; Маргарита была серьезна, но обо всемъ заботилась, какъ будто съ произнесеніемъ роковаго согласія, потеряла честь, и будто приходъ Герцога было дѣло обыкновенное....

А кто всему виною? Слабая женщина, которая, при другихъ обстоятельствахъ,

прожила бы честно, такъ честно, какъ живутъ сотни, тысячи женщинъ съ спокойною совѣстію.

II.

У Герцогини С. были гости. Общество отличалось людьми умными, образованными, и красотою женщинъ. Густавъ III, племянникъ Фридриха II, Короля Прусскаго, ввелъ при своемъ дворѣ тонъ, прелесть котораго соперничествовала съ его образованіемъ. Но Дворъ Густава III имѣлъ даже преимущества передъ Дворомъ Берлинскимъ: уютную, рыцарскую вѣжливость, родовое наслѣдіе Шведскаго народа, особенно династіи Вазы. Герцогъ С., справедливо считался любезнѣйшимъ мужчиною, угодникомъ прекраснаго пола. Супруга его, милая женщина, не больше двухъ лѣтъ соединенная съ нимъ узами брака, знала слабую сторону Герцога, и, не будучи въ состояніи привязать къ себѣ вѣтренника, старалась предупреждать тѣхъ придворныхъ дамъ, за которыми Герцогъ особенно ухаживалъ.

Не должно, впрочемъ, судить по нынѣшнему времени о легкомысленныхъ связяхъ, которыя считались достоинствами человѣка въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ. Надобно вспомнить, что религія не имѣла вліянія на тогдашнія отношенія, потому что люди во всемъ видѣли дѣйствіе интригъ, случая, какое-то восточное предопредѣленіе. Причину такихъ пагубныхъ мнѣній должно отыскивать во всеобщемъ разстройствѣ тогдашняго общества.

Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, Герцогъ С. былъ въ оковахъ Графини Р., умнѣйшей кокетки, до того привлекательной, что, въ продолженіе двадцати лѣтъ, ее называли цвѣткомъ Шведскаго Двора. Графиня умѣла воспользоваться этимъ временемъ, но странною чертою ея характера была ревность. Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Герцогъ, соблюдая строжайшее инкогнито,

посѣтилъ Маргариту, а Графиня уже обо всемъ знала, и думала только о томъ, какъ бы снова привязать къ себѣ вѣтреннаго. Графиня очень хорошо понимала, что этого можно достигнуть не сценою, не уединенными слезами, но искусно обдуманномъ планомъ, и потому пустила въ ходъ всѣ нити, которыя должны были опутать Герцога, руководствуясь въ этомъ случаѣ вѣрнымъ инстинктомъ женщины, подчиняющей себѣ мужчину.

Однако, планъ Графини не удался. Между тѣмъ, какъ она надѣялась уничтожить прихоть Герцога ѣдкою солью остроумной атаки, въ Герцогѣ произошла удивительная перемѣна. Онъ, въ первый разъ въ жизни, любилъ. Его многочисленныя любовныя интриги, подобно блудящимъ огнямъ, пролетѣли надъ зеленымъ лабиринтомъ его юности: любовь къ Маргаритѣ согрѣвала, оживляла его, какъ солнце. Миссъ Экерманъ, Миссъ Слотбергъ, и всѣ подобныя имъ женщины, были только разнообразными формами, подъ которыми Герцогъ отыскивалъ одну и ту же чувственность. Быть можетъ, Герцогъ любилъ бы свою супругу, если бы не былъ соединенъ съ нею условіями приличія. Герцогъ купилъ любовь и честь Маргариты, и, какъ будто въ наказаніе за такой поступокъ, подчинился вліянію любви и уваженія. Герцога серьезно занимала мысль объ устройствѣ будущей судьбы Маргариты.

Въ то время, предметомъ общаго вниманія былъ Китаецъ, какими-то судьбами попавшій въ Швецію. Его часто приглашали ко Двору. Увидѣвъ однажды Графиню Р., этотъ Китаецъ спросилъ черезъ своего переводчика, чего она стоитъ, и изъявилъ желаніе увезти съ собою такую женщину въ подарокъ женѣ. Съ тѣхъ поръ, Графиня, которой, конечно, понравилась Азіятская острота, приняла подъ свое особенное покровительство Китайца. Въ этотъ вечеръ, онъ долженъ былъ показывать тѣни.

Послѣ чая, общество собралось въ тем-

пой гостинной. Китаецъ началъ выводить на стѣну свои фантастическія фигуры. Порою являлся кустъ цвѣтовъ; наподобенный райскими птичками, змѣями и бабочками; иногда показывались странные корабли съ развѣвающимися вымпелами; то вдругъ представлялось семейство, сидящее за чайнымъ столомъ, то изображалась охота или гора съ огнедышащими драконами: всѣ фигуры были очерчены весьма явственно.

— Это мужъ мой! закричала вдругъ Герцогиня со смѣхомъ, когда на стѣнѣ явился юноша, котораго молодая рыбацка танила въ сѣтяхъ изъ воды.

«Въ самомъ дѣлѣ! раздалось со всѣхъ сторонъ: какое сходство, какая странная случайность!»

Герцогу также показалась смѣшна эта выходка; онъ взялъ лорнетку.

— Да и женщина имѣть съ кѣмъ-то сходство, хотя и не обращена къ намъ лицомъ.... Не могу вспомнить....

Герцогъ сталъ всматриваться пристальнѣе: сходство поражаю его. Онъ узналъ черные, длинные волосы, граціозную, скромную фигуру, и въ одно мгновеніе понялъ всю интригу. Влюбленные соображаютъ скоро и вѣрно.

— Прекрасно, превосходно! Что вы скажете о такой странной случайности, Графиня? обратился Герцогъ къ Графинѣ Р., чтобы нечаяннымъ нападеніемъ снять съ нея личину.

«Въ самомъ дѣлѣ, странная случайность, Герцогъ! возразила Графиня съ удивительною притворною невинностію. Сюжетъ, впрочемъ, не дурецъ.»

— Да, и хорошо исполненъ.»

«Жаль только, что тыя этой любви исчезнуть скоро.»

— Вы думаете?... Сѣть, кажется, крѣпка....»

«Рыбачка счастлива! Не всякій ловъ такъ удаченъ.»

— Да, если не вмѣшается тутъ третья...

Гости не слышали этого разговора; лю-

буясь тѣнями, они тщетно старались отгадать, на кого похожа рыбацка. Графиня между тѣмъ улыбалась такъ язвительно, что Герцогъ втайнѣ радовался новому предлогу къ разрыву съ нею. Опытная кокетка жестоко ошиблась въ своемъ маневрѣ: она полагала разбить непріятеля врасплохъ, а непріятель принудилъ ее къ постыдному отступленію. Впрочемъ, Графиня была столь горда, что не отказалась бы отъ дальнѣйшихъ плановъ, если бы даже и не чувствовала никакой склонности къ Герцогу. Она надѣялась припомнить Герцогу пылнѣйшій вечеръ, мысленно уничтожила его письма, исполненные, по обыкновенію, увѣреній и клятвъ, утѣшала свое сердце, ип вѣрнѣе, свое оскорбленное тщесловіе, воспоминаніемъ о первой молодости, и въ такихъ мечтахъ пріятно улыбалась. Когда тѣни кончились, утихло и ея душевное волненіе. Графиня простилась очень любезно съ гостями.

— А Герцогъ? Онъ торжествовалъ, потому что могъ теперь на свободу предаться своимъ любезнымъ мечтамъ. Никогда Графиня не была въ его глазахъ такъ нелюбезна, какъ въ пылнѣйшій вечеръ; она даже показалась ему противною, когда онъ узналъ интриги ревнивой кокетки. Собственно говоря, Герцогъ стыдился, что далъ полную свободу своимъ чувствамъ; но всякое размышленіе было напрасно: милый образъ Маргариты бралъ надъ всѣмъ рѣшительный перевѣсъ. Герцогъ чувствовалъ, что Маргарита не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ женщинъ, что равнодушіе тяготитъ ея жизнь. Утоная въ мечтахъ, онъ не помнилъ, что душа, свыкшаяся съ большимъ свѣтомъ, находящаяся съ нимъ въ продолжительныхъ, дѣятельныхъ сношеніяхъ, не способна къ дѣтскому, естественному образу жизни.

Графиня замышляла новую интригу. Герцогъ строилъ для Маргариты воздушные замки, и оба не думали, что Маргаритѣ уже не нужно ничего.

— Спусти педялю послѣ отсылки къ отцу денегъ на выкупъ изъ тюрьмы, Маргарита шла невѣрными шагами черезъ Звѣринецъ къ пруду.

Осмотрѣвшись и видя себя наединѣ, она стала на колѣни, прочитала Отче нашъ, и хотѣла броситься въ воду. Молодой человѣкъ, выбѣжавшій изъ-за куста, удержалъ ее. Испуганная Маргарита узнала Графа Габріеля Оксенширпу, который, читая книгу, гулялъ въ Звѣриницѣ.

— Что вы задумали? спросилъ онъ съ тою кротостію, которая была отличительнымъ его свойствомъ, какъ человѣка и поэта: вы такъ молоды и уже наскучили жизнию.

Смущенная Маргарита не говорила ни слова:

— Благодарю Бога, продолжалъ Графъ, что мнѣ удалось спасти человѣка отъ самоубійства. Если бы я не удержалъ васъ, то теперь, быть можетъ, духъ вашъ пошелъ бы около этихъ мѣстъ, мучимый раскаяніемъ.

Маргарита печально покачала головою.

Вѣроятно, глубокая горестъ подвинула васъ къ такому поступку?

— Да, тихо отвѣчала Маргарита.

— Уважаю ваше молчаніе, но не могу не желать узнать о томъ, что побудило васъ на такое богопротивное дѣло. Можетъ быть, я въ состояніи помочь вамъ. Имѣйте ко мнѣ довѣренность, я постараюсь оправдать ее.

Танцовщица съ чувствомъ взглянула на Графа.

— Графъ! сказала она, вы человѣкъ благородный; но я не стою вашего участія; я такъ дурно поступила съ своею велею, что жизнь стала для меня несносна.

— Нѣтъ, возразилъ Графъ, тѣмъ глубже вы упали, по собственному вашему признанію, тѣмъ болѣе достойны участія, потому что сохранили чувство

своего проступка. Не стыдитесь, говорите со мною, какъ съ врачомъ; мнѣ не достаточно, что я сохранилъ вамъ жизнь.

— «Извольте,» отвѣчала Маргарита послѣ нѣкотораго молчанія. «Вы сохранили мнѣ жизнь; узнайте же, какова эта жизнь.»

Маргарита сѣла на камень; Графъ, сложивъ руки на груди и прислонившись къ березѣ, сталъ насупротивъ. Удивительная сцена! Эта часть Звѣринца была всегда уединенная, тихая; только на вершинѣ высокихъ деревъ порхали возлѣ гнѣздъ своихъ птички, да вѣтерокъ рябилъ поверхность пруда. Небо разстлалось мѣдинокраснымъ, облачнымъ куполомъ, и вся эта задумчивая природа оживлялась присутствіемъ только двухъ разумныхъ существъ, которые за пять минутъ, были чужды другъ друга, а теперь сблизились въ одну секунду необыкновенною встрѣчею. Графъ былъ одѣтъ просто, но чертами лица и благородною осанкою обличалъ въ себѣ достойнаго внука знаменитаго, почетнаго рода; оперная танцовщица, блѣдная, растерзанная внутреннимъ волненіемъ, была въ темносинемъ платьицѣ, которое едва смѣла носить какъ печально-сладкое воспоминаніе своей дѣвственной бѣдности. Маргарита дрожала, подобно колокольчику, который мы срываемъ на лугу, возвращаясь домой позднимъ Октябрскимъ вечеромъ. Чѣмъ болѣе гармонируетъ характеръ человѣка съ окружающими его предметами, тѣмъ яснѣе выказываются его отличительныя свойства. Маргарита, печальную жизнь которой, по справедливости, можно было сравнить съ Октябрскимъ вечеромъ, была необыкновенно прекрасна; мрачныя мысли оживили лице ея; милая стыдливость разумна, какъ утренній разсвѣтъ; ея блѣдныя ланиты въ ту минуту, когда она начала рассказывать свою повѣсть.

Маргарита ничего не скрыла; она молчала только объ имени соблазителя. Р

Настала минута молчанія. Маргарита въ недоумѣннй гладила рукою по мшисто-му камню, Оксенширна безмолвствовалъ; сердце его исполнено было искренняго состраданія. Маргарита, сначала почувствовала облегченіе, передавъ свое несчастіе благородной душѣ, но, вспоминая о мрачной будущности, опять предалась безпредѣльной грусти.

— Съ потерю чести, говорила танцовщица, мнѣ уже нечего было терять, не исключая и самой жизни. Когда я вчера танцевала въ оперѣ, публика, казалось, съ укоромъ смотрѣла на меня; въ звукахъ инструментовъ мнѣ слышался мой позоръ; полъ колебался подо мною.... Но когда я замѣтила, что супруга моего соблазителя преслѣдуетъ меня въ подозрную трубку, я едва могла добраться до кулисъ, и тамъ упала въ обморокъ..... Къ чему же мнѣ влечить жалкую жизнь? Я никогда не могу быть счастливою, и никогда не знала счастья. Днемъ, я безпрестанно думаю о своемъ проступкѣ; ночью, засыная въ слезахъ, я вижу передъ собою покойную матушку, которая гнѣвно смотритъ на меня, и съ угрозою отталкиваетъ отъ себя.... Нѣтъ, Графъ, вы не знали, какую печальную жизнь мнѣ возвратили; иначе, вы пожелали бы мнѣ смерти.

Оксенширна смотрѣлъ на Маргариту съ состраданіемъ и какою-то важностію. — «Но неужели вы думаете, возразилъ онъ, что смерть положила бы предѣлъ вашимъ страданіямъ? Неужели вы надѣялись, что душа ваша вдругъ лишится сознанія проступка, и, при переходѣ въ другой міръ, забудетъ о случившемся? Развѣ самоубійство могло загладить вашъ проступокъ. Смерть не возвратитъ вамъ потерянной чести, и вамъ также было бы стыдно передъ жителями другаго міра, какъ и здѣсь..... Не почитайте меня человѣкомъ жестокосердымъ или одно-стороннимъ, за то, что я высказалъ вамъ въ надлежащемъ видѣ вашъ поступокъ. Я говорю съ вами свободно, серьезно,

потому что наше необыкновенное знакомство освобождаетъ меня отъ всѣхъ пустыхъ приличій. Препимъ спокойствіемъ вы никогда не будете наслаждаться; утро вашей души навсегда мигновалось; но, призвавъ на помощь религію и разумокъ, вы можете укрѣпить растерзанный духъ: Богъ, воскрешавшій мертвыхъ, исцѣлитъ и сердце, лишенное жизни. Прошедшаго, конечно, ни чѣмъ не воротить, но умѣйте жить въ настоящемъ такъ, чтобы оно разумно соприкасалось прошедшему и будущему. Это не трудно для человѣка съ твердою волею. Положитесь во всемъ на Милосердаго Бога, на время, которое все покрываетъ, и будьте увѣрены, что во мнѣ найдете истиннаго друга.

Маргарита сдѣлала быстрое движеніе, чтобы упасть къ ногамъ Графа; Оксенширна удержалъ ее, и сказалъ:

— Богъ проститъ васъ, простите же и вы сами себя!

Танцовщица смотрѣла на Графа, какъ смотреть раскаявшійся ребенокъ на мать; въ глубинѣ охлажденного сердца она почувствовала пламя, которое вскорѣ обхватило весь ея жизненный организмъ: то была утѣшительная мысль о прощеніи, радостная увѣренность, что нашлась душа, которая понимала не одинъ разговорный языкъ. Маргарита уподоблялась ясновидящей, которая вся переходитъ въ бытіе своего магнетизма, которой жизнь вращается совершенно въ другомъ мірѣ, и вотъ почему она и не помнила, что оставалась на единѣ съ молодымъ человѣкомъ. Маргарита забыла все: она была слѣпа, но ясновидяща, какъ любовь.

Оксенширна, продолжая ободрять несчастную; заставилъ ее дать клятву не думать болѣе о самоубійствѣ. Маргарита поклялась почти безсознательно; она невольно подчинилась волѣ своего спасителя.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до входа въ звѣринецъ. Графъ взялъ у Маргариты адресъ, и сказалъ ей,

что через двадцать четыре часа она будетъ въ безопасности.

—Что бы ни случилось, помните только, что Богъ никогда не оставляетъ человѣка, исполняющаго свою обязанность. Провидѣніе, подобно солнцу, никогда не чуждается людей.

Маргарита слѣдила глазами за удалившимся Графомъ. Она чувствовала невыразимую горестъ, которая между тѣмъ облегчала душу. Глаза Маргариты постепенно наполнялись слезами, смотря на исчезавшаго вдали спасителя.

Маргарита стояла спокойно, какъ статуя, едва переводя духъ, какъ будто душа ея улетала вмѣстѣ съ Оксеншироною. Вдругъ, въ самомъ близкомъ раз-

стояніи, промчалась коляска, запряженная четвернею: это былъ Герцогъ С. съ своею супругою. Увидѣвъ танцовщицу, Герцогъ наклонился впередъ, равно какъ и Герцогиня, невольно послѣдовавшая примѣру мужа. На бѣдную Маргариту напалъ какой-то ужасъ; она дрожала, думая, что Графиня бросила на нее грозный взглядъ..... Маргарита была въ такомъ смущеніи, что въ ту самую минуту, когда Герцогъ хотѣлъ схватить у кучера возжи, лошади, сдѣлавъ неожиданный поворотъ, переѣхали черезъ несчастную дѣвицу....

Испуганный Герцогъ приказалъ остановиться, выпрыгнувъ изъ коляски, но оперная танцовщица уже не существовала.

ЛЕБЕНЬ ВЪ ПРОВАНСѢ.

«Проклятое ремесло! Вѣчно и безъ отдыха въ дѣлѣ! То будь мужикомъ, то какимъ нибудь курацапомъ, то слугою, а иногда даже и воромъ. То носи письмо, то подавай ядъ! Слушай громкія и длинныя фразы и отвѣчай, однимъ словомъ, то гни шею подъ тяжелымъ шишакомъ, а спину подъ палкой; кажись вѣчно дуракомъ — словомъ, играй тѣ роли, отъ которыхъ всѣ отказываются: вотъ мое ампуа, вотъ жизнь, которую веду четыре года, безъ славы и пользы, получая скудное жалованье, которое едва достаточно для того, чтобъ не умереть съ голода!...»

Такъ говорилъ бѣднякъ, выйдя въ полночь изъ Марсельскаго Театра и поспѣвая домой, укрыться отъ дождя, который лилъ, какъ изъ ведра. Онъ остановился у двери дома незавидной наруж-

ности, махнулъ съ трагическимъ жестомъ своимъ ключемъ, который держалъ въ рукѣ, вложилъ его въ замокъ, отперъ дверь, и вошелъ ощупью въ свое убогое жилище. Зажегши свѣчу, онъ увидѣлъ на печкѣ двѣ бумаги, взялъ въ руки и, взглянувъ на нихъ, сказалъ: «Прекрасно! Это повѣстка изъ магистрата; — а вотъ письмо отъ Флорины! Ядъ и противоядіе! Сначала возьмемся за дѣла! Что гласитъ повѣстка?... Въ четвертокъ, сего 22-го Апрѣля 1774 года, мы, и проч. и проч., Г-ну Феликсу Дюгару, драматическому артисту, объявляемъ нижеслѣдующее: Поселику....» Экій дьявольскій слогъ! Никакъ не могу привыкнуть къ этимъ варварскимъ выраженіямъ! Посмотримъ, однако жъ, что мнѣ объявляютъ!... Что мои мебели будутъ описаны послѣ завтра,

и проданы съ молотка! Превосходно! Мои мебели! Господа подьячіе вознамѣрились мнѣ лѣстить: милости просимъ описывать всю эту мебель, когда вамъ того непременно хочется! Только жестоко опшбуются господа подьячіе. Жалкая красавица, столяръ на трехъ ножкахъ, бутылка, заступающая мѣсто подсвѣчника, и старый греческій плащъ, завѣшенный въ окошкѣ вмѣсто занавѣса — вотъ вся роскошь драматическаго артиста Догаря! Тутъ, кажется и подьячіе останутся въ накладѣ, а я, между тѣмъ, раздѣляюсь съ ними, брошу эту квартиру и буду ночевать на баркахъ, въ портѣ! Теперь кстаті приближается лѣто!»

Догарь прервалъ свой монологъ смѣхомъ, исполненнымъ сердечной горести; потомъ продолжалъ философскимъ тономъ: «Какъ люди глупы! Если бъ я послушался отца, я могъ бы быть нотариусомъ въ какой нибудь веселой деревушкѣ, жилъ бы счастливо, тихо, беззаботно, пописывая, за умѣренную цѣну, свадебные контракты и завѣщанія. Но я воображалъ, что мнѣ назначенъ высшій удѣлъ! Я мечталъ о жизни, полной славы и независимости! Мною овладѣла гордость и меня увлекла пылкость молодости! Я оставилъ свою деревню, и съ тѣхъ поръ бѣдность со мною неразлучна. Авось письмо Флоринны утѣшитъ меня!»

Письмо Флоринны было слѣдующаго содержания:

«Батюшка сказалъ мнѣ, что дочери перваго тенора, управляющаго оркестромъ, такой неизвѣстный актеръ, какъ вы, — вовсе не пара. Онъ рѣшился выдать меня замужъ за кларнетиста, который получаетъ за уроки въ городѣ 36 ливровъ въ мѣсяцъ. Вы надѣетесь на будущность и на успѣхъ. Желаю душевно, чтобъ надежды ваши исполнились. Вы заклинаете меня любовью подождать, пока судьба ваша улучшится; я соглашаюсь, во имя любви, дожидаться до конца мѣсяца. Но если до того времени ваше положеніе не улучшится, я буду

вынуждена выйти замужъ за ненавистнаго мнѣ кларнетиста. Прощайте!»

— Она хочетъ ожидать до конца мѣсяца, а сегодня уже 22-е число! Какое терпѣніе! Изволь-ка приобрести славу и богатство въ восемь дней!... За талантомъ то у меня дѣла не станеть; у меня есть умъ, душа, пылкость.... Я знаю наизусть всѣ первыя трагическія роли, и я игралъ ихъ съ успѣхомъ, въ обществахъ! Безъ хвастовства могу сказать, что я не дурень собою! Восемь вершковъ, черты лица выразительныя, голосъ звонкій! Конечно, въ средствахъ у меня нѣтъ недостатка; но я никогда не могъ найти случая развить передъ публикой всѣхъ своихъ способностей, и доказать ей, что я созданъ для первыхъ ролей. Пусть только разъ поставятъ меня въ выгодномъ свѣтѣ, и я скоро приобрету себѣ и славу и деньги!

На другой день, Догарь игралъ самую лучшую роль въ своемъ незавидномъ амплуа; онъ употребилъ все свое усиліе, чтобъ отличиться, и былъ *освистанъ*. Послѣ спектакля хотѣлъ онъ объясниться съ Флоринною, но она отъ него отворотилась. «Вотъ женщины!» сказалъ Догарь: «въ ихъ сердцѣ, какъ на сценѣ: свистокъ явный сигналъ чистой перемены декораций!»

Въ это время важная новость волновала Марсельскій Театръ. Лекець долженъ былъ дать нѣсколько представлений въ Провансъ. Этотъ знаменитый трагикъ въ первый разъ объѣзжалъ южную Францію, и прибытія его ожидали съ нетерпѣніемъ. Въ 1774 году нужно было не менѣе трехъ недѣль для переезда изъ Марсели въ Парижъ; не многіе предпринимали этотъ далекій путь, такъ что не многимъ жителямъ Прованса удалось видѣть Лекеца на первомъ Парижскомъ Театрѣ (Théâtre Français). Въ тотъ вечеръ, когда Догарь былъ *освистанъ*, директоръ театра получилъ отъ Лекеца письмо, которое онъ прочелъ громко, за кулисами, въ присутствіи многихъ. Знаменитый тра-

гикъ извѣщалъ, что онъ прїѣдетъ въ Провансъ восемью днями позже назначеннаго срока, и просилъ Марсельскаго директора предварить о томъ своего собрата, директора Эскаго (Аix) Театра.

Черезъ четверть часа послѣ этого, режиссеръ позвалъ Догара, и сказалъ: «Отнесите сейчасъ это письмо къ почтлюону, который ѣдетъ въ Эсъ, и распорядитесь, чтобъ оно непременно было отправлено завтра утромъ.»

Догаръ принялъ порученіе съ неудовольствіемъ; но онъ былъ такъ униженъ свистомъ партера, что не смѣлъ явно обнаружить чувства оскорбленнаго достоинства. Онъ взялъ письмо и вышелъ, повѣся голову. Гордость его пробудилась только на улицѣ: здѣсь онъ далъ свободу своему негодованію.

«За кого они меня принимаютъ?» говорилъ онъ, размахивая руками, какъ сумасшедшій: «Лакей я, что ли? Имѣютъ ли они право разсылать меня по городу съ письмами, потому только, что я ихъ ношу иногда на сценѣ! Какое униженіе! Два оскорбленія въ одинъ вечеръ, не говоря о презрѣніи Флорины!.... Это ужъ слишкомъ! И я думаю, что мнѣ лучше всего броситься въ море!.... Да и къ чему мнѣ жизнь, въ вѣчной борьбѣ съ нищетою и неизвѣстностью?... Лекенъ! Вотъ счастливецъ, вотъ человѣкъ, котораго жизнь прекрасна! Слава, деньги, удовольствіе, почести! Что бы ему стоило дать мнѣ ходъ?... Но въ нашемъ искусствѣ возвышаются сами собою, а не чрезъ другихъ!....»

Вдругъ, по среди этихъ мрачныхъ размышленій, свѣтлая мысль мелькнула въ головѣ Догара.... «Это вдохновеніе свыше, или навожденіе дьявола!» вскричалъ Догаръ. «Но что за нужда, и чѣмъ рискую я въ моемъ положеніи? Я могу поправить дѣла только предпріятіемъ смѣлымъ, отчаяннымъ!.... И такъ, вооружимся мужествомъ и отвагою!»

Догаръ разорвалъ письмо, потомъ, возвратясь въ театръ, сказалъ режиссеру,

что порученіе его исполнено. Ночью, смѣлое намѣреніе артиста утвердилось еще болѣе. На другой день, на разсвѣтѣ, онъ отправился въ дорогу, пѣшкомъ, съ палкою въ рукахъ. Въ полдень, онъ явился къ директору Эскаго театра.

«Ну! вотъ и я; точность называютъ вѣжливостью таланта! Вы ожидали меня сегодня, не такъ ли?»

— Но, позвольте спросить напередъ, кто вы?

«Лекенъ!»

— Лекенъ! Какъ! вы знаменитый Лекенъ! Извините, сдѣлайте милость, что я принялъ васъ немножко невѣжливо. Но могъ ли я подозрѣвать, чтобъ...

«Чтобъ Лекенъ явился въ такомъ жалкомъ видѣ? Не правда ли? И точно, это очень странно. Это удивительная исторія, ужасное приключеніе! Вообразите себѣ, любезнѣйшій, что я къ несчастію повстрѣчался на дорогѣ съ Гаспаромъ де Бессе и его шайкою: эти разбойники начисто меня, ограбили; отняли 20,000 ливровъ, которые я получилъ въ Лионѣ, и всѣ мои костюмы, стоившіе мнѣ болѣе десяти тысячъ ефимковъ! Злодѣи разбили карету мою на тысячу кусковъ, а человѣкъ мой, при этой опасности, счелъ за благо бѣжать — и вѣрно до сихъ поръ бѣжитъ не оглядываясь! И вотъ, любезный другъ, въ какое непріятное положеніе поставили разбойники, опустошающіе вашъ прекрасный край — перваго трагическаго актера нашего времени!....»

Директоръ былъ тронутъ несчастнымъ приключеніемъ, которому подвергся знаменитый артистъ; онъ предложилъ ему значительную сумму, въ счетъ той, которая будетъ еще причитаться за его представленія. Догаръ принялъ. Черезъ часъ весь городъ уже зналъ о прїѣздѣ Лекена и о случившемся съ нимъ приключеніи. Рассказывали, какъ между Авиньономъ и Оргономъ его остановилъ Гаспаръ де Бессе, который отнял у него на сто тысячъ серебра и драгоценныхъ камней; со всѣхъ сторонъ сына-

лись великому трагикъ посѣщенія и услуги. Кавалеръ де Кастеланъ прислалъ ему своего камердинера для услугъ; многіе дворяне предложили ему сколько угодно денегъ; Президентъ д'О...., у котораго во время масляницы играли трагедіи, отправилъ къ нему костюмы своихъ домашнихъ актеровъ; очинщикъ главнаго прокурора явился для выслушанія его жалобы, и обѣщалъ, что къ поимкѣ разбойниковъ будутъ употреблены самыя дѣятельныя мѣры, и что, безъ сомнѣнія, ему будетъ возвращена его собственность въ самомъ скоромъ времени....

Когда камердинеръ кавалера де Кастелана щегольски завилъ и причесалъ Догаря, и одѣлъ его въ дорогое платье, наружныя достоинства его выказались въ полномъ блескѣ. На дворѣ трактира, гдѣ жилъ Догарь толпился народъ; всѣмъ хотѣлось взглянуть на него, при выходѣ изъ дома, на репетицію, и всѣ любопытныя; въ особенности женщины, удивлялись его прекрасной наружности.

— Совершенно такъ, говорилъ директоръ театра, представлялъ я себя Лекена! Высокій, черноволосый, красивый, стройный. Нѣкоторые воображали, не знаю по какимъ-то критикамъ, что вы малы, толсты и дурны лицомъ! Тройная клевета!

«Что дѣлать, любезнѣйшій, талантъ имѣеть всегда завистниковъ! Не знаю гдѣ-то есть писатель, по имени Мармонтель, который сердится на меня за то, что я изъ дружбы поправлялъ, иногда, его стихи. За это онъ и написалъ съ меня такой невыгодный, пристрастный портретъ! Къ счастью, мнѣ стоитъ только показаться, заблужденіе тотчасъ исчезаетъ, и клевета обращается въ ничто.»

— Что угодно вамъ играть для перваго представленія?

«Что вамъ угодно! мнѣ все равно. Вамъ извѣстенъ мой репертуаръ; объявите, если угодно, Венцеслава и Британника.

— Двѣ трагедіи! Развѣ вы не боитесь усталости?

«Я? полно-те! Я привыкъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, я игралъ въ Парижѣ тридцать дѣйствиій сряду.»

— Какъ! шесть трагедій въ одинъ вечеръ?

«Нѣтъ, одну, Заиру. Партеръ былъ въ такомъ восторгѣ отъ моего таланта, что я долженъ былъ вновь начинать піесу пять разъ. Вольтеръ плакалъ отъ радости и утѣшенія....»

Толпа заранѣе осаждала входы въ театръ, чтобъ видѣть Лекена въ роляхъ Венцеслава и Нерона. «Вотъ рѣшительная минута!» сказалъ, про себя, Догарь, «минута, — въ которую взлечу до облаковъ или попаду въ самую глубь преисподней!» До спектакля онъ отлично пообедалъ; три бутылки шампанскаго придали ему увѣренность и трагическій жаръ. Онъ вышелъ на сцену твердымъ шагомъ, декламировалъ съ одушевленіемъ, игралъ съ чувствомъ и порывомъ; онъ былъ удивителенъ, восхитителенъ, великъ! Аплодисментамъ не было предѣловъ; вырывались даже крики удивленія: никогда еще ни одинъ актеръ не стяжалъ такого блистательнаго успѣха!

Лучшая молодежь города пришла къ нему въ уборную, и отвезла его съ триумфомъ въ гостиницу Г...., гдѣ приготовленъ былъ великолѣпный ужинъ. Лекенъ былъ царемъ праздника; его просили разказать свои любовныя похождения въ Парижѣ; всѣ окружали его вниманіемъ и поздравленіями. Послѣ ужина играли въ карты, и Догарь выигралъ триста лупдоровъ.

На другой день, просыпаясь, Догарь сказалъ про себя: «Нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ великіе мужи!»

Онъ еще былъ въ постелѣ, когда къ нему принесли пять или шесть душистыхъ записочекъ.

— «Еще выгоды моей знаменитости!» вскричалъ онъ: «Бѣдная Флорина, ты мнѣ измѣнила, забыла меня, оставила потому,

что меня освистали; а между тѣмъ, гонения эти доставили мнѣ состояніе и славу, придавъ мнѣ мужество и отвагу, которыя породило отчаяніе!»

Во второе представленіе восторгъ публики былъ вдвое болѣе прежняго. При выходѣ изъ театра, четыре человека схватили Догара, и насильно посадили въ посылки, которыя остановились передъ маленькою дверью, въ глухой улицѣ. Но тамъ Догара встрѣтилъ молодой офицеръ, который попросилъ его объясниться, и раздѣлаться за волокитство.

«Завтра утромъ, милостивый государь если вамъ угодно,» сказалъ трагикъ.

— Нѣтъ, сейчасъ. Скорѣе шпагу въ руки! эти люди намъ посвѣтятъ фонарями. До сихъ поръ, подумалъ Догаръ, я только наслаждался новымъ моимъ положеніемъ, а вотъ пришла и неудача! Въ жизни не держалъ я въ рукахъ шпаги; но что нужды, надобно поддержать свое достоинство!

Догаръ сталъ въ позицію и дрался такъ же, какъ игралъ трагедію, то есть съ такимъ жаромъ и дерзостью, что ранилъ своего противника.

Этотъ дуэлью онъ довершилъ свое торжество, и стяжалъ себѣ славу и успѣхи блистательные и многочисленные, во всѣхъ отношеніяхъ. Уже пять дней Догаръ пользовался извѣстностію и славою великаго мужа, какъ вдругъ, между надушенными женскими посланіями, онъ нашелъ одно письмо, въ которомъ любовь проявлялась въ самомъ заманчивомъ видѣ. Одна вдовушка, еще молодая и получающая 15,000 ливровъ годового дохода, предлагала ему свою руку съ условіемъ, чтобъ онъ оставилъ сцену и жилъ съ нею въ замкѣ ея, въ окрестностяхъ Ниса. Свиданіе назначено было на бульварѣ, гдѣ онъ долженъ былъ дать послѣдній отвѣтъ.

Въ тотъ же день, какой-то пріѣзжій, остановившись у дверей гостиницы, гдѣ жилъ Догаръ, читалъ съ удивленіемъ огромную театральную афишу, въ которой

возвѣщено было шестое представленіе Лекена, Придворнаго актера и *перваго* Французскаго трагика. На афишкѣ находилось замѣчаніе: «По случаю огромнаго успѣха Г-на Лекена, и чрезмѣрнаго стеченія публики, касса будетъ открыта съ полудня.»

Пріѣзжій желалъ занять квартиру въ гостиницѣ, лучшей въ Эсѣ. Хозяинъ объявилъ ему, что онъ можетъ располагать одной только комнатою, въ третьемъ этажѣ, потому что второй этажъ занятъ важнымъ чиновникомъ, а въ первомъ этажѣ живетъ знаменитый Лекенъ.

Пріѣзжій занялъ комнату въ третьемъ этажѣ, и тотчасъ велѣлъ вести себя къ знаменитому Лекену.

— Милостивый государь! сказалъ онъ, входя къ Догару; я имѣю честь говорить съ знаменитымъ Лекеномъ?

«Точно такъ! Что вамъ угодно?»

— Я въ восторгѣ отъ вашего таланта! — «Фраза избитая, любезнѣйшій!» — Пріѣзжій продолжалъ: «Я провинціальный актеръ; мучимый честолюбіемъ, я горю желаніемъ достигнуть извѣстности. Увѣренъ, что ваши совѣты могли бы принести мнѣ величайшую пользу. Вы мнѣ позвольте продекламировать одну сцену? Потомъ скажите о ней ваше мнѣніе.»

«Хорошо, мой другъ; я васъ слушаю!» Пріѣзжій началъ декламировать сцену изъ *Танкреда*. Съ первыхъ стиховъ Догаръ поблѣднѣлъ, потомъ задрожалъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ упалъ на колѣни, вскрикнувъ: «Вы Лекенъ!... Простите несчастному!»

Лекенъ поднялъ Догара, безъ гнѣва, и этотъ рассказалъ ему свою исторію съ полною откровенностію.

— Вижу, по крайней мѣрѣ, сказалъ Лекенъ, выслушавъ его рассказъ: вижу, что ты мнѣ нисколько не повредилъ. Ты имѣлъ успѣхъ, дрался на дуэли, былъ счастливъ въ волокитствѣ — и такъ, я не имѣю права на тебя жаловаться. Впрочемъ, это шутка не глупая! Что ты играешь сегодня?»

— Вандома.

— «Это лучшая моя роль. Я пойду смотреть себя!»

Послѣ спектакля, Лекенъ пришелъ къ Догару на квартиру, и сказалъ ему:

— Ты игралъ, какъ школьникъ; но, можетъ быть, поддѣливаясь подъ мою игру, ты не имѣлъ бы такого успѣха. Ты играешь просто дурно, но у тебя проскакиваютъ мѣста хорошія. Приѣзжай въ Парижъ, я позабочусь, чтобъ доставить тебѣ мѣсто въ первомъ Французскомъ Театрѣ.

«Благодарю васъ!» отвѣчалъ Догаръ; «возвращаю вамъ съ благодарностью ваше имя, и хочу оставить вовсе сцену.»

— Ну, это еще не большая потеря для драматическаго искусства!

«Онъ завидуетъ мнѣ, подумалъ Догаръ, да это меня и не удивляетъ.»

Догаръ не замедлилъ явиться на свиданіе, назначенное вдовою; онъ нашелъ, что она была очень мила, не старѣе тридцатипяти лѣтъ, имѣла живые глазки и красивую осанку. Разговоръ былъ продолжителенъ, но съ первыхъ словъ они во всемъ были согласны.

«Вы хотите непременно,» сказалъ Догаръ, «чтобъ я оставилъ сцену?»

— Непременно!

«Слѣдовательно вы выходите за меня замужъ не для славы моей, ни для состоянія, потому что я вамъ сознался, что у меня его нѣтъ, наконецъ, вы, выходите за меня замужъ даже не для мо-

его имени, потому что Лекенъ избранное мною прозваніе, какъ водится между актерами. Въ частной жизни, передъ судомъ и священникомъ, я долженъ явиться подъ моимъ настоящимъ именемъ. Меня зовутъ Догаромъ!»

— Пусть будетъ Догаръ. Что мнѣ нужды въ вашей славѣ и знаменитости имени Лекена. Увидѣвъ васъ въ трагедіи, я удостовѣрилась, что вы обладаете возвышенными чувствами, благороднымъ сердцемъ и пылкою душою. Вотъ что меня плѣняетъ, вотъ за что я выхожу за васъ замужъ!

«Въ такомъ случаѣ, по рукамъ, да и за свадьбу!»

Нѣсколько дней спустя послѣ этого свиданія, Догаръ уѣхалъ съ женою въ Марсель. Они отправились въ театръ, гдѣ играли Аделаиду Дюгекленъ.

— Какъ называется актеръ, который играетъ роль Вандома? спросила Г-жа Догаръ у своего мужа.

— «Лекенъ!»

— «Что вы говорите? А вы?»

Тутъ Догаръ разсказалъ свое приключеніе женѣ. Выслушавъ позднее признаніе, она простила мужа, потому что, въ медовый мѣсяцъ, жены, особенно вдовушки, вышедшія замужъ, вторично бывають вообще чрезвычайно снисходительны, особенно къ мужьямъ молодцамъ и красавцамъ.

ОЧЕРКИ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПРАВОВЪ.

Отрывки изъ философическихъ записокъ отставнаго суфлера,

ФОКИ САВЕЛЬИЧА ПЪТУШКОВА.

I.

два вели-
кѣй чело-
вѣкъ шаг-
нулъ на Ю-
сафатову
Долину,
или, по
просту
сказать,
волею Бо-
жіею, по-
мре, тот-
часъ

одушевляла другихъ, а сама должен-
ствовала оставаться холодною! Никто
не зналъ и не видалъ суфлера, при
жизни его, кромѣ засѣдателей райка,
взиравшихъ съ почтеніемъ на его
лысину, повертывавшуюся въ норѣ,
съ быстротою молніи, во всѣ стороны,
и никто, по смерти суфлера, не узнаетъ,
какую важную роль игралъ онъ въ
закулискомъ мірѣ!—*Люди*, виновать, въ
закулискомъ мірѣ нѣтъ *людей*; да намъ
и дѣла нѣтъ до людей: у насъ міръ
Божій раздѣляется на *публику*, *акте-
ровъ* и *театральную кассу*, выпла-
чивающую жалованье. Известно, что
такъ называемые *люди*, т. е. публика,
обо всемъ судить по наружности.
Смотря на зданіе, она хвалитъ или
критикуетъ колонны, фронтоны, ку-
полы, а и не подумаетъ о фундамен-
тѣ, на которомъ утверждено зданіе.
Человѣку отдають почестъ по платью
и по мѣсту; по существу же самаго
дѣла, мѣсто мое самое *невидное* въ
театрѣ, т. е. подъ поломъ, а для это-
го мѣста нельзя ничего, лучше при-
брать, какъ фризovou шинель, слѣдо-
вательно, обо мнѣ нельзя судить ни
по мѣсту, ни по платью. Но, сидя подъ
поломъ, въ фризовой шинели или на-
ковомъ сертукѣ, и будучи, такъ ска-
зать, *попираемъ ногами* актеровъ, я
всегда въ *головѣ* у нихъ, потому что
отъ суфлерской реплики зависитъ ино-

налетитъ на память его стая хщ-
ныхъ врановъ, какъ то: журнали-
сты, биографы, статьяслагатели,
статьепродавцы, сочинители драма-
тическихъ воспоминаній, обозрѣній,
издатели того, сего, а въ сущности,
ничего, и давай терзать и грызть не-
тлѣнный остовъ великаго мужа, т. е.
память о его талантѣ! Отыди же,
азъ грѣшный, на лоно Авраамле,
только и шуму будетъ на свѣтѣ,
что стукъ отъ сколачиванія четырехъ
досокъ, для вмѣщенія тѣла, которое,
въ теченіе сорока лѣтъ, лишено бы-
ло благотворныхъ лучей восходяща-
го полуденнаго и заходящаго соли-
ца; тѣла, которое три четверти жиз-
ни погребено было въ суфлерской
норѣ, тѣла, угнетавшаго въ продол-
женіе сорока лѣтъ душу, которая изъ
самоотверженія въ пользу искусства,

гда успѣхъ цѣлой сцены. Суфлеръ—краеугольный камень, на которомъ основано великое зданіе драматическаго искусства! Публика этого не знаетъ, и ей никто о томъ не скажетъ кромѣ самого суфлера. Спросите актеровъ о суфлерѣ—правды не услышите! Каждый актеръ скажетъ вамъ, что не имѣетъ нужды въ суфлерѣ, и это точно такая же правда, когда актеръ станетъ васъ увѣрять, что онъ въ бенефисъ свой помышляетъ объ одной славѣ, о пользѣ искусства, а не о деньгахъ! Пожалуйте на репетицію, тутъ вы удостовѣритесь, что труппа безъ суфлера то же, что стадо безъ пастыря. Если въ авторѣ есть на грошъ самолюбія, а, по несчастью, господа авторы нагружаются этимъ товаромъ выше капитала своего ума—словомъ если Г. авторъ, правильнѣе подражатель, не вовсе глупъ (а между авторами и это не рѣдкость), то на репетиціи онъ точно въ пытку. И великіе и малые артисты, и герои и героини безъ суфлера—кто въ лѣсъ, кто по дрова! Нѣтъ суфлера, нѣтъ порядка, нѣтъ смысла въ пьесѣ, нѣтъ памяти, нѣтъ чувства, это хаосъ, и притомъ безъ мірозданія! А на что же режиссеръ? спросите вы. И я васъ спрошу, въ свою очередь: на что режиссеръ?—Когда режиссеромъ труппы былъ Молиеръ, я понимаю, къ чему онъ былъ пригоденъ; а теперь каждый, не только артистъ или актеръ, но даже актришка и фигурантъ почитаютъ режиссера равнымъ себѣ, если не по таланту, то по званію, потому что режиссеръ такой же актеръ, а часто актришка, какъ и всѣ прочіе; а виданое ли дѣло, чтобъ повиноваться *равному*, когда онъ не кормитъ, не поитъ, и не даетъ денегъ

въ займы! Меня же, напротивъ, всѣ почитаютъ *низшимъ*, и потому повинуются мнѣ, не признавая моей власти. Одинъ предобрый, т. е. пресердитый журналистъ, мой покровитель, сказалъ мнѣ однажды, не знаю въ шутку ли или за правду, что власть моя похожа на невидимую власть того загадочнаго лица, которое въ Средніе Вѣки, до Мартина Лютера, управляло полусвѣтомъ, и называло себя смиренно: *слугою слугъ*. Что такое Средніе Вѣки, Мартинъ Лютеръ и прочее, не берусь толковать, потому что не понимаю; но видно, это что-то важное, потому что журналистъ, ударивъ меня по плечу, примолвилъ: «Мужайся и терпи: ты великій мужъ, при тебѣ невидимая сила, которая вдвое важнѣе силы видимой!» И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни гордится актеръ предо мною, а возьмите его въ тиски, такъ онъ сознается, что я важнѣе всѣхъ лицъ въ театрѣ, разумѣется, кромѣ директора и казначея. Я сказалъ: *разумѣется*, но мнѣ надлежало бы сказать *подразумѣвается*, потому что мой покойный предѣстникъ говорилъ: «И милость директора къ артисту зависитъ, часто, отъ ловкости суфлера, слѣдовательно и исправность казначея—это директорской милости, основано на томъ же!» — *Люди*, виновать, опять забылся, въ отставкѣ, публика толкуетъ о герояхъ, героиняхъ, Гамлетѣ, Ричардѣ, Агамемнонѣ, Медеѣ, Говелии, ну, право не вспомню всей этой тарабарщины; все это пустое! Я важнѣе всѣхъ Агамемноновъ и Гамлетовъ! Въ закулисномъ мірѣ нѣтъ ни исторіи, ни романа, ни міеологіи, ни сущности, ни прошедшаго, ни настоящаго: за кулисами свой міръ, и мы только случайно узнаемъ, что

дѣлается въ дѣйствительномъ мѣрѣ. Безъ *Сультово* и *Боболины*, въ закулисномъ мѣрѣ знать бы не хотѣли объ освобожденіи Греціи; безъ балета *Венгерская хижина* и безъ оперы *Швейцарское семейство*, мы бы до сихъ поръ не знали о существованіи Венгріи и Швейцаріи! За кулисами все равно, что Цесарь и Наполеонъ, и что опера *Дюссельныхъ* или фарсъ *Мирошка и Филатка*! Въ закулисномъ мѣрѣ лица не имѣютъ ни малѣйшаго значенія; тамъ важны только: *піеса, роль, бенефисъ и суфлеръ*! Кто что знаетъ, что чувствуетъ онъ театральнаго міра, держи дома или за пазухой, а за кулисами все то лишнее, что не принадлежитъ къ представленію, и величайшій геній въ мѣрѣ... кого бы назвать.... положимъ Ньютонъ, у насъ ничего не значить и принадлежитъ къ лицамъ, о которыхъ встарину печатали на афишахъ: «лица, не принадлежащія къ театру, не имѣютъ входа за кулисы, ни во время представленія, ни по окончаніи оного.» Вы скажете мнѣ: какое дѣло закулискому міру до перваго въ свѣтѣ математика, Ньютона! Вотъ, напримѣръ: Шекспиръ, Молиеръ, Шиллеръ.... Переставьте! Повторяю: за кулисами нѣтъ дѣла до именъ; тамъ самое безтолковое, но заманчивое заглавіе піесы важнѣе безсмертнаго имени! Общаго мнѣнія нѣтъ и быть не можетъ за кулисами. Вѣдь ужъ такъ на роду написано каждому актеру, чтобъ онъ любилъ и обнимать своего товарища только на сценѣ! Роль та хороша для актера, въ которой онъ имѣлъ успѣхъ, а товарищъ паденье, и піеса та лучше, которая даетъ болѣе сбора въ бенефисъ. Все прочее, тринь трава! Только бѣ *отработать* вечеръ, и однимъ

днемъ приблизиться къ сроку уплаты жалованья, къ пенсіону и къ вождельнейшему изъ желаній—собственному бенефису! А, между тѣмъ, и въ сборѣ, и въ роли, и въ піесѣ, первая, хотя и невидимая пружина—суфлеръ! Суфлера ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить, какъ съ парами. Корабль идетъ: публика въ восторгѣ, хотя и не видитъ двигающей силы. Хвалятъ котлы, колеса парохода, даже трубу, изъ которой выходитъ черный дымъ и смрадъ, толкуютъ о парахъ, а объ угольяхъ и водѣ, производящей пары, двигающую силу, ни словечка! Суфлеръ—уголья въ этой галерѣ (*dans cette galère*)! Когда, по окончаніи спектакля, благодарятъ актера или актрису за прекрасную игру, подумаютъ ли тогда о суфлерской норѣ, въ которой сосредоточивался смыслъ піесы, откуда исходили одушевленіе и страсти! А чѣмъ бы кончилось, если бѣ въ минуту пламенной игры, когда память не можетъ поспѣть за дѣйствіемъ, среди развлеченія, изъ суфлерской норы не раздался гласъ спасенія? Эфектъ былъ бы потерянь, піеса бы упала, а съ нею и торжествующій артистъ. Никто, однако жъ, не взглянетъ на суфлерскую нору, какъ на уголья парохода! Напротивъ, актеры, чтобъ увеличить свое торжество, послѣ каждой удачной роли обременяютъ упреками бѣднаго суфлера, приписывая успѣхъ себѣ, а всѣ неудачи сваливая на него! Суфлеру даже нельзя спорить: молчи и терпи! По неволѣ иногда должно заглушить *парами* свѣдающее горе!

Но потому-то и суфлеръ, рожденный на великіе подвиги и вѣчныя горести, долженъ быть человѣкомъ болѣе нежели обыкновеннымъ, чуть, чуть

рыкнулъ *Федрой*, Русскаго перевода, такъ уголья и вспыхнули! Кузнецъ мнѣ въ ноги. «Батюшка, помилуй, ужъ не колдунъ ли ты? Не проглотилъ ли ты мой мѣхъ? Отдай, ради Бога!» Пока я прочелъ первый актъ трагедіи, рессора была починена, и кузнецъ, почитая меня колдуномъ, проглотившимъ его мѣхъ, не взялъ съ меня ни копейки, а я, чтобъ отдѣлаться отъ него, приказалъ ему прийти къ себѣ за мѣхомъ, давъ адресъ не свой, а извѣстнаго актера-*надувалы*, который у авторовъ, передъ бенефисомъ, лапки сосеть, а послѣ бенефиса честь ихъ грызеть. Господи ну подрядчику отплатилъ я также грудью! Однажды, за столомъ, на именинахъ жены его, попросилъ онъ прочесть монологъ изъ *Андромахи*, Графа Хвостова. Предомною стояло преогромное блюдо съ воздушнымъ пирожнымъ, называемымъ *безе*! Я какъ рванулъ, со всего размаха, первый монологъ, такъ всѣ пирожки разлетѣлись съ блюда, какъ пчелы изъ улья, и улеглись на прическахъ купеческихъ женъ и дочекъ, убранныхъ руками парикмахеровъ изподъ вывѣски: *Здѣсь брютъ и кровь отворяютъ*. Пошла кутерьма! У одной дамы пирожокъ оттянулъ локонъ и, прильпившись къ лицу, снялъ слой свинцовыхъ бѣлилъ и сурьмы; у другой сълъ на ченцѣ, какъ ворона на гнѣздѣ; у третьей залѣпилъ глазъ, которымъ она умилно посматривала на путейскаго офицера, и т. п. Подрядчикъ взбѣленился и хотѣлъ ссориться со мною, но всѣ гости, между прочими почтенные члены магистрата и всѣ театральные подрядчики, вступились за меня, и единогласно объявили, что за такую силу груди, *безе олоса*, я достоинъ награды, и упод-

чивали меня до блаженнаго состоянія!

Но что значить эта Геркулесовская сила груди въ сравненіи съ терпѣніемъ, которымъ долженъ обладать суфлеръ! Говорится обыкновенно: терпѣливъ, какъ камень! Что за терпѣніе въ камнѣ, который трескается и отъ жара, и отъ холода, и отъ ударовъ молота! Знаете ли, что значать капризы актрисъ, самолюбіе актеровъ и наконецъ всѣ страстишки, испаряющіяся изъ эгоисма закулиснаго міра, въ которомъ каждый живетъ *собою* и для *себя*, гдѣ аплодисментъ, вызовы, разовая плата, бенефисъ, замѣняютъ всѣ тѣ чувства, которыя въ свѣтѣ называютъ: любовью, дружбою, братствомъ, и т. п.! Все доброе, т. е. все прибыльное, беретъ каждый себѣ, а все, чего никому не надобно, остается мнѣ, а это право хуже и жара, и холода, и молота, отъ которыхъ трескаются камни! Однако жъ, по истеченіи сорока лѣтъ, я остался цѣлъ и невредимъ, т. е. не умеръ ни отъ желтухи, ни отъ апоплексическаго удара, и, что гораздо важнѣе, не спился съ кругу, съ отчаянія, а напротивъ, мужественно выдерживалъ нападенія изъ всѣхъ рядовъ закулиснаго міра, и многихъ заставлялъ даже раскаяваться или поплачиваться за свои капризы или грубости. Я руководствовался всегда правилами: ужъ если влюбляться, то въ королеву; красть, такъ милліоны, и пропадать, такъ отъ слона, а не отъ мухи! Однажды, красотка-актриса, любимица публики, не зная роли, свернула бѣду на меня, и меня, безответнаго, посадили въ коптору. Въ первое представленіе, красотка свова замялась, стала вертѣться вокругъ моей норы, какъ ласточка, жалко глядѣть мнѣ въ глаза, а я бормочу про себя, что и самъ чортъ не разберетъ.

«Да, подскажи, ради Бога!» возопила она мнѣ жалкимъ голосомъ, закрываясь платкомъ отъ публики. «А поцѣлуешь ли?» возразилъ я. «Поцѣлую!» — «Поближнися!» — «Клянусь!» Я подсказалъ, и моя красотка такъ удачно скрыла свою ошибку, что рукоплесканія посыпались, и публика подумала, что актриса нарочно замялась въ роли. Послѣ спектакля я прошелъ мимо красавицы, не сказавъ ей ни слова, хотя и замѣтилъ ея безпокойство. Трое сутокъ встрѣчался я съ нею на ренетницахъ и въ антрактахъ, завертываясь всегда въ шинель и не вспоминая объ обѣщаніи; она вѣжливо мнѣ кланялась, но молчала. На четвертый день явился я къ ней въ уборную. Она вскрикнула, увидѣвъ меня. Я нарочно не брился четверо сутокъ, и борода моя походила на старую саножную щетку. «Ты поклялась поцѣловать меня; не сдержишь слова, отплачу, хоть бы пришлось лишиться мѣста, отплачу жестоко, уроню навсегда!» — «Помилуй, Савельичъ, да какъ мнѣ тебя цѣловать въ этомъ видѣ!» сказала красотка; «знаешь ли ты, что за поцѣлуй мой дерутся, на смерть, князья и графы, и что этотъ поцѣлуй дороже алмаза, солитера, который ты видишь у меня на шеѣ! Я лучше поцѣлую лошадь театральной кареты, нежели тебя, Савельичъ!» — «Ну, если твои поцѣлуи такъ дороги, откупись! Дай 500 рублей, и квитъ!» — «Завтра получишь!» И точно, на другой день, ливрейный лакей принесъ мнѣ пакетъ, въ которомъ было 500 рублей и записочка, мужскою рукою, безъ подписи, гдѣ было сказано, что я ежегодно буду получать по 500 рублей, если буду усердствовать красавицѣ, въ противномъ случаѣ меня обѣщали излечить отъ гнѣва *декомъ дубинорумъ*. Я предпочелъ 500 рублей, и до того угодилъ вѣтряницѣ, которая хотя и имѣла талантецъ, но плохо выучивала роли, и кокетничая съ знакомыми въ креслахъ, часто сбивалась, что она, однажды, въ восторгѣ, поцѣловала меня за кулисами, а ливрейный лакей принесъ мнѣ, на другой день, сто-рублевую ассигнацію. Съ другими уродцами я не слишкомъ вѣжился. Замялась, такъ я напрямикъ: дай пять рублей, а не то, не скажу! И синички стали перелетать ко мнѣ въ боковую кѣтку. Одна упрямецъ поклялась принудить меня служить ей даромъ, и, въ гордости своей, обходилась со мною, какъ съ лакеемъ. Надо было выждать и побѣдить терпѣніемъ. Однажды досталась ей роль, въ которой были Французскія фразы. По званію Русскаго суфлера, я не обязанъ знать по-Французски, а моя горделивая противница, хотя и обязана была знать Французскій языкъ, потому что обучалась ему въ школѣ, но не знала. Пришла роковая минута! Противница моя смотритъ мнѣ въ глаза, киваетъ головою, топаетъ ногами, а я въ отвѣтъ: *Тутъ что-то по-Французски!* Сцена пропала, противница моя была ошккана, а меня потащили для объясненія, но оправдали, потому что я былъ правъ, по буквальному смыслу закона. Съ этихъ поръ и горделивая противница покорилась. — Хуже всего было мнѣ справиться съ однимъ трагикомъ, любимцемъ школьной молодежи и публики 15-го класса! Трагикъ этотъ былъ не то, что нынѣшній вашъ В. А. Каратыгинъ, которому суфлеръ нуженъ для того только, чтобъ играющіе съ нимъ актеры и актрисы не сбивались съ толку. Когда же В. А. Каратыгинъ играетъ съ своею женою,

суфлеру отдыхъ! Тогда онъ, въ своей норѣ, нюхаетъ табакъ и съ почтеньемъ ждетъ конца сцены, положивъ тетрадищи на помостъ. Мой трагикъ былъ, такъ называемый, *ревунъ съ топотомъ*. Онъ всегда бѣсился на суфлера или за то, что онъ ему подсказываетъ, или за то, что не подсказываетъ. Угодить ему было невозможно. Я вооружился моею обычною броней — терпѣнiемъ. Однажды, видя, что онъ въ полномъ *ревѣ* и *топотѣ* (что въ школахъ и въ публикѣ 15-го класса называлось *вдохновенiемъ*), я пересталъ подсказывать, и началъ нюхать табакъ. Въ это время, трагикъ мой подскочилъ въ бѣшенствѣ къ моей норѣ, и хотѣлъ ударить меня ногой, но въ этомъ не успѣлъ, а смель ногою съ полфунта пыли, которую я вдохнулъ въ себя, вмѣстѣ съ табакомъ. Я смолчалъ, но въ другое представление взялъ свое! Въ самомъ жаркомъ его порывѣ, когда онъ вовсе не смотрѣлъ на меня, т. е. не требовалъ подсказыванья, я началъ подсказывать ему самымъ *громкимъ* моимъ *шопотомъ*, гоня впередъ роль, и такъ сбилъ его съ толку, что онъ замаялся и лишилъ сцену всего эффекта. Тутъ увидѣлъ мой трагикъ, что дѣло плохое, и покорился, и я, безъ выборовъ и балотировки, единодушно, хотя и безмолвно, былъ признанъ коловожатымъ труппы!

Господь Богъ надѣлилъ меня однимъ только дѣтищемъ, сыномъ съ суфлерскимъ ртомъ, т. е. до ушей, и суфлерскою грудью, т. е. какъ мѣхъ; но, до дня моей отставки, по списку у меня состояло *девятнадцать человекъ дѣтей и тринадцать сиротъ воспитанниковъ*, и того *тридцать два*, яко бы, хлѣбодовъ, которыхъ я долженствовалъ прокармливать скуднымъ суфлерскимъ жалованьемъ. Ежегодно, въ день уплаты актерамъ жалованья, я объявлялъ почтениѣйшимъ артистамъ и артисткамъ, что Господь даровалъ мнѣ сына или дочь. Жена моя ложилась на трое сутокъ въ постель, и если которая ибудь изъ старыхъ закулисныхъ сплетницъ, скуки ради, забѣгала къ намъ осведомляться о здоровьи роженицы и младенца, мы говорили, что ребенокъ отданъ кормилицѣ, въ Нѣмецкую Колонiю, хотя на дѣлѣ ребенка вовсе не бывало. Господа важные артисты подшучивали надъ приумноженiемъ моего семейства. «Ай да, Савельичъ! молодецъ! Да эдакъ ты сформируешь хоры или корь-де-балетъ изъ одной твоей семьи! Лихой!» Вамъ смѣшно, господа, а мнѣ плакать хочется, отвѣчалъ я. Времена тяжелыя, все дорожаетъ, на денежномъ курсѣ барышка нѣтъ — зимы пропадаютъ, а надобно кормить и своихъ дѣтей и сиротокъ, бѣдныхъ родныхъ! Подумайте-ка, сколько мнѣ надобно, чтобъ удѣлить по одному кусочку да по другому тридцати двумъ душамъ, по башмачку, по рубашекѣ!... И синички опять, бывало, слетаются въ боковую кѣтку, а когда иной въ выигрышѣ (не на сценѣ, а за карточнымъ столомъ), такъ слетитъ и бѣлая бумажка! Ужъ нѣтъ лучше для суфлера, какъ актеры-картежники! Талантливый или безталантный, все равно, игрокъ никогда почти не знаетъ своей роли, и держится на сценѣ искусствомъ и милостью суфлера; за то, если игрокъ въ выигрышѣ, такъ не пожалѣетъ и сотняги суфлерскому сыну или дочкѣ въ день именинъ или рожденья, т. е. сыновьямъ и дочерямъ, состоящимъ только по списку, а не въ натурѣ. Лишь только какая ибудь миловидная артисточ

ка обзавелась *новымъ хозяйствомъ*, или актеръ похвалился выигрышемъ, я тотчасъ брякъ въ дверь, съ рублевымъ кренделемъ, отъ имени небывалыхъ имянинника или имянинницы! Попусту не пройдешься! А проигрался актеръ или разстроилась милая артисточка, тотчасъ на совѣтъ къ суфлеру: «Савельичъ, ты знаешь всѣхъ подрядчиковъ, всѣхъ музыкантовъ, хористокъ.... Нельзя ли достать денегъ? Проценты заплачу хорошіе: за 500 рублей отдамъ, чрезъ годъ, тысячу!»—Посмотримъ! Если человекъ *вѣрный* или артисточка слишкомъ мила, то дамъ, бывало, свои собственные деньги, отъ нихъ же накопленные, а не то приведу какогонибудь ростовщика, который заплатитъ мнѣ же за комиссію. Такимъ образомъ годъ отъ году капиталецъ растетъ, да вытягивается, толстѣетъ да жирѣетъ! И вотъ я, слава Богу, по истеченіи срока лѣтъ, могу жить покойно и беззаботно. Только мнѣ что-то скучно на бѣломъ свѣтѣ! Какъ былъ *и мнѣ* стѣ, такъ хотѣлось все смотрѣть на солнце, гулять на открытомъ воздухѣ, а теперь нашъ закулисный міръ, подъ крышею, безъ солнца, съ *вѣчнымъ* своимъ сквознымъ вѣтромъ и запахомъ бойни, мнѣ гораздо лучше нравится, чѣмъ міръ природный, настоящій. Наше закулисное солнце не такъ капризно, какъ солнце подлинное, и луна театральная гораздо красивѣе, потому что ярче освѣщаетъ декорации. Наши закулисные лѣса прелесть, нашу закулисную *дичь* хотя нельзя жарить, но можно *пороть* сколько угодно, а что ни говори, наша *публика* гораздо лучше свѣтскихъ *людей*, во сто, въ тысячу разъ лучше! Всѣ артисты, всѣ актеры, музыкан-

ты, издатели, а особенно бенефицианты жестоко *надуютъ* почтеннѣйшую публику, а она хотя и *надуется*, но все таки платитъ деньги, и снова позволяетъ себя обманывать. А люди? Ну, точнехонько шуки въ морѣ! Еще хуже! Нѣтъ карася, такъ другъ у друга отгрызаютъ хвосты, лишь только заѣвайся! У насъ, въ закулисномъ мірѣ, чтобъ сыграть обманъ, хотя по писаному или по печатному, надобно нѣсколько репетицій, а между людьми, въ свѣтѣ, обманываютъ начисто, безъ обстановки, безъ суфлера и режиссера; прямо импровизируютъ Скапиновыми Обманами! Въ закулисномъ мірѣ ужъ какъ спалъ съ голова или охрипъ, такъ сиди дома и не показывайся на сцену, а между людьми, кто больше фальшитъ, тотъ скорѣе попадаетъ въ первыя амбуа! На театральной сценѣ, кто выше прыгаетъ, тотъ идетъ въ гору, а на сценѣ свѣта, напротивъ, въ гору надобно лѣзть ползкомъ. На театрѣ, роль безрѣчей не ведетъ ни къ чему, а чѣмъ кому достается болѣе говорить, тому болѣе славы и денегъ. Между людьми напротивъ: рѣчистому затрутъ дорогу, а только молча можно пробраться впередъ. Однимъ словомъ, закулисный міръ и міръ настоящій, двѣ противоположности, двѣ стороны медали, и я бы отдалъ полное преимущество закулисной сторонѣ, если бѣ только въ сценическихъ пирахъ пироги были не бумажные, деньги не жестяныя, если бѣ вмѣсто вина не подчивали водою, и если бѣ не въ каждой *песнѣ* любилась и женились. Эти *вѣчныя женитьбы*, въ каждой *песнѣ*, до того надѣли публику, что въ настоящемъ мірѣ вовсе пропала охота искренно любиться и по страсти же-

ниться, а напротивъ того, публикою овладѣла страсть къ тому, чего нѣтъ вовсе за кулисами, и чѣмъ ее манять на сценѣ, а именно: къ деньгамъ, къ вкуснымъ кушаньямъ и хорошимъ винамъ; если же, для какихъ нибудь

видовъ, надобно кончить удалую свѣтскую жизнь женитьбою, въ такомъ случаѣ приданое берутъ изъ *сущест- веннаго міра*, а любовь занимають въ *театрѣ!*

О. ВУЛГАРИНЪ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ.

Въ настоящее время театральная жизнь в России представляет собою картину, которую можно назвать драмой в драме. В то время как на сцене разыгрываются комедии и трагедии, за кулисами происходит нечто совершенно иное. В настоящее время театральная жизнь в России представляет собою картину, которую можно назвать драмой в драме. В то время как на сцене разыгрываются комедии и трагедии, за кулисами происходит нечто совершенно иное.

Нынешней княжеской театральная жизнь в России представляет собою картину, которую можно назвать драмой в драме. В то время как на сцене разыгрываются комедии и трагедии, за кулисами происходит нечто совершенно иное. В настоящее время театральная жизнь в России представляет собою картину, которую можно назвать драмой в драме.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Нынѣшней книжкой *Репертуаръ Русскаго Театра* начинается новый годъ или, лучше сказать, новый періодъ своего существованія. Въ теченіе трехъ лѣтъ ознакомившись ближе съ дѣломъ, узнавъ на опытѣ и требованія публики и потребности Театра, онъ, въ соединеніи съ *Пантеономъ иностранныхъ Театровъ*, имѣетъ нынѣ возможность расширить предѣлы свои, и, съ одной стороны, быть зеркаломъ современнаго Русскаго Театра, съ другой передавать все, что является замѣчательнаго на всѣхъ Театрахъ Европы. Но, будучи зеркаломъ Русскаго Театра, т. е. представляя публикѣ все то, что является на театрѣ замѣчательнаго, онъ, въ то же время, долженъ быть правдивою лѣтописью всѣхъ явленій Русской театральной жизни. По этому, послѣ драматическихъ произведеній, которыя составляютъ основаніе Репертуара и Пантеона, существенная часть нашего изданія есть хроника современныхъ Театровъ Русскаго и иностранныхъ.

Здѣсь невольно, въ отношеніи къ Русскому Театру, можетъ возникнуть со сто-

роны читателей вопросъ: въ состояніи ли Репертуаръ сохранить безпристрастіе въ своихъ сужденіяхъ о Русскихъ драматическихъ писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, когда писатели эти сами участвуютъ въ его изданіи, когда произведенія ихъ печатаются на его страницахъ? Не будетъ ли въ семъ случаѣ лицепріятія и взаимнаго одолженія? — Вопросъ очень естественный, особенно послѣ того, какъ въ нѣкоторыхъ журналахъ нашихъ публика привыкла видѣть постоянную методу восхваленія сотрудниковъ и участниковъ этихъ журналовъ, и гоненія противъ тѣхъ, кто не имѣетъ чести или отказался отъ чести въ нихъ участвовать.

Репертуаръ очень радъ случаю отвѣчать на этотъ, по видимому, щекотливый вопросъ, и заблаговременно отстранить отъ себя нареканія, которыя могли бы возникнуть, какъ со стороны публики, такъ и со стороны тѣхъ писателей, которые трудами своими будутъ украшать это изданіе.

Репертуаръ въ театральной мірѣ сть общепотребительное техническое

слово для означенія вообще всѣхъ *играемыхъ на сценѣ пьесъ*. Говорятъ: *репертуаръ такой-то педьли, репертуаръ такого-то театра, и пр.*; это значить *пьесы, игранныя на такой-то педьль, пьесы, играемыя на такомъ-то театрѣ*. Понимая такимъ образомъ слово *Репертуаръ*, всякій, съ перваго взгляда, долженъ понять и назначеніе того изданія, которое выходитъ подъ этимъ наименованіемъ. И такъ, *Репертуаръ Русскаго Театра* есть собраніе пьесъ, игранныхъ на Русскихъ Театрахъ, и имѣвшихъ успѣхъ. Успѣхъ пьесы или паденіе ея рѣшаются публикою; слѣдовательно, въ выборѣ пьесъ для печатанія, Репертуаръ долженъ руководствоваться рѣшеніемъ публики; короче, редакторъ Репертуара, въ отношеніи въ играннымъ пьесамъ, есть не кто иной, какъ публика — самый умный редакторъ, не правда ли?

И такъ, прямая, главная, существенная обязанность Репертуара Русскаго Театра была и есть слѣдующая: представлять читателямъ своимъ все то изъ міра театральнаго, въ чемъ выражается Русская драматическая жизнь, что возбуждало интересъ публики, что заслужило ея одобреніе. — Въ этомъ отношеніи, Репертуаръ *издаваемый* находится въ совершенной зависимости отъ репертуара *играемаго*. Какъ занимательность событій и происшествій не зависитъ отъ издателя политической газеты, такъ достоинство и занимательность *играемыхъ пьесъ* не зависятъ отъ редакціи Репертуара. Въ прошедшіе три года, удерживаясь въ сихъ предѣлахъ, Репертуаръ не рѣдко затруднялся при печатаніи пьесъ, принужденный иногда выбирать не изъ *хорошаго лучшее*, а изъ *дурнаго посредственное*. Нынѣ это неудобство устранено: соединившись съ Пантеономъ, Репертуаръ раздвигаетъ предѣлы свои, и, не ограничиваясь пьесами игранными, будетъ давать читателямъ своимъ такія оригинальныя и переводныя пьесы, которыя хотя не были, но

могутъ быть играны на Русской сценѣ. Въ этомъ отношеніи, Репертуаръ и Пантеонъ надѣются быть полезными и для всѣхъ артистовъ, и вообще для Театра.

При такомъ положеніи, мы всегда имѣемъ возможность избѣгнуть помѣщенія посредственныхъ пьесъ, и станемъ выбирать только лучшее, наиболѣе имѣвшее успѣхъ. Въ случаѣ недостатка хорошихъ *игранныхъ пьесъ*, мы помѣстимъ драму, комедію, и пр. пр., того богатаго запаса, который уже приготовленъ новою редакціею, и день ото дня увеличивается болѣе и болѣе.

И такъ, на долю Репертуара изъ игранныхъ пьесъ остаются только *хорошія пьесы*, и, стало быть, въ хроникѣ своей онъ безъ лицепріятія можетъ хвалить тѣхъ, кто доставляетъ ему хорошія пьесы. Тутъ дѣло ясно, какъ день Божій. Если же, по непреложному закону судьбы, и въ солнцѣ должны быть темныя пятна, и въ хорошихъ драматическихъ произведеніяхъ найдутся недостатки, Репертуаръ, помѣстивъ пьесу, въ то же время ни сколько не поколеблется указать на недостатки этой пьесы, точно такъ же, какъ и воздать похвалу ея достоинствамъ. Умѣренная и благонамѣренная критика никого не оскорбляетъ. Репертуаръ, напротивъ, радуется, что его подсудимые болшею частію будутъ на лицо: образованная публика можетъ сама повѣрять справедливость сужденій Репертуара, и на этой повѣркѣ, какъ на *данныхъ*, основывать степень довѣренности, какую она можетъ имѣть къ Репертуару въ другихъ случаяхъ.

Послѣ этого предварительнаго и, по нашему мнѣнію, необходимаго объясненія съ читателями, приступаемъ къ дѣлу, т. е. къ обзорѣню Театровъ. Но съ чего начать это обзорѣніе? Или, лучше сказать, что обзорѣвать, о какихъ новостяхъ говорить намъ? Мы только что вступаемъ въ Новый Годъ, а что было въ старомъ, о томъ уже говорено въ прошлогоднемъ Репертуарѣ. Думаемъ,

что всего приличнѣе будетъ бросить взглядъ вообще на современное состояніе Театра въ Россіи, и такимъ образомъ установить себѣ пунктъ отправленія для будущихъ статей нашихъ о Русскомъ Театрѣ.

Ста лѣтъ не прошло еще отъ рожденія народнаго Русскаго Театра, а, между тѣмъ, посмотрите и полюбуйтесь, какъ онъ разросся и раскинулся! Не только въ столицахъ Русскихъ, средоточіи просвѣщенія и образованности, но и въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ пустилъ онъ свои вѣтви; въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи существуютъ даже постоянныя труппы актеровъ и изящно устроенныя для представленій зданія. А потомъ, вспомните, сколько въ этотъ короткій, 85-ти-лѣтній періодъ существованія Русскаго Театра, явилось на Руси высокихъ сценическихъ дарованій, во всѣхъ родахъ: едва ли другое какое либо изящное искусство имѣло въ Россіи столько талантливыхъ художниковъ, какъ искусство сценическое. Что же все это доказываетъ? То, что почва Русской жизни не неблагопріятна для сценическаго искусства, и что любовь къ Театру, постепенно распространяющаяся и укореняющаяся въ Русской публикѣ, превратится наконецъ въ живую потребность высокаго эстетическаго наслажденія Театромъ. А тогда сценическое искусство въ Россіи пойдетъ быстро, пойдетъ самобытно, сольется съ Русскою жизнію, и, заимствуя изъ нея свои основные элементы, въ свою очередь внесетъ въ сокровищницу Русской жизни благотворные плоды изящнаго.

Средоточіемъ современнаго Русскаго Театра служитъ Петербургъ. Здѣсь, можно сказать, почти исключительно собраны первые сценическіе таланты Россіи; здѣсь являются и отсюда истекаютъ драматическія новости, которыми живутъ и держатся всѣ остальные Русскіе Театры; здѣсь, наконецъ, театральная постановка возведена на высшую степеню

великолѣпія и вкуса. Съ Петербурга, слѣдовательно, и начнемъ наше обзорнѣе.

Въ составѣ Петербургскихъ Театровъ вообще находятся труппы: 1) Драматическая Русская, 2) Оперная Русская, 3) Балетная, 4) Оперная Нѣмецкая, 5) Драматическая Французская, и 6) Драматическая Нѣмецкая.

Сообразно съ этимъ раздѣленіемъ труппъ раздѣляется публика, раздѣляются вкусы и требованія. Само собою разумѣется, современное положеніе драматическаго Русскаго искусства и потребности собственно Русской публики болѣе всего показываются въ Русскомъ Драматическомъ Театрѣ, т. е. въ Александринскомъ.

Украшеніемъ Русской драматической труппы, славою и гордостью Русскаго Театра, служить, безъ сомнѣнія, В. А. Каратыгинъ. Въ самой цвѣтущей порѣ лѣтъ, въ полной зрѣлости таланта, при неутомимой дѣятельности и пламенной любви къ своему искусству, этотъ достойный артистъ идетъ исполнскимъ шагомъ впередъ. Еще много надеждъ возлагаетъ на него искусство Русское! Лишь только бѣ дали пищу этому таланту, лишь только бѣ Русскіе писатели создавали достойныя для него роли! Къ сожалѣнію, такія роли весьма рѣдко вынадаютъ на его долю, и Каратыгинъ, играющій по нѣскольку разъ въ недѣлю, Каратыгинъ, безъ котораго не обходится почти ни одинъ бенефисъ, долженъ растрчивать силы свои на вздорныя, мелкія, ничтожныя роли новѣйшихъ Французскихъ драмокъ, и только для отдыха, для услажденія души своей, являться въ серіозныхъ роляхъ прежняго репертуара. Но, къ чести Каратыгина, въ доказательство уваженія его къ искусству, къ публикѣ, наконецъ къ самому себѣ, мы должны сказать, что онъ вездѣ и всегда одинаково вѣренъ своему призванію: пустую, ничтожную роль играетъ онъ съ тою же обдуманностію, съ тѣмъ же

стараніемъ, съ какимъ играетъ лучшія, любимыя роли свои; въ тѣ дни, когда, по какимъ либо особеннымъ причинамъ, стеченіе публики въ театрѣ бываетъ малочисленное, Каратыгинъ все тотъ же усердный, пламенный, ревностный артистъ, какъ и въ самые многолюдные спектакли: онъ не позволитъ себѣ ни малѣйшей небрежности въ игрѣ, ни малѣйшаго упущенія. А этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать про всѣхъ артистовъ, даже и молодыхъ.

Репертуаръ прошедшаго года былъ екуденъ новыми ролями, достойными таланта В. А. Каратыгина. Одинъ только *Коріоланъ* представилъ ему поприще, на которомъ просторно и раздольно могли разыгратъ силы его. И дѣйствительно, мы видѣли въ Каратыгинѣ Коріолана, древняго Римлянина, во всемъ его суровомъ величіи. Рельефнѣе другихъ выдалась небольшая, но исполненная чувства и мысли роль *Ивана Сусанина*, въ драмѣ Н. А. Полеваго *Костромскіе Лѣса*: и въ этой роли Каратыгинъ былъ превосходенъ. Роль *Князя Холмскаго*, въ піесѣ подъ тѣмъ же названіемъ, Н. В. Кукольника, роль безконечно длинная, требовала много труда со стороны нашего артиста, но пустотою и безцвѣтностію своею далеко не вознаградила его за хлопоты. *Ромео* Каратыгинъ принялъ на себя, вѣроятно, изъ снисхожденія къ просьбамъ бенефицианта: роль эта внѣ физическихъ средствъ Каратыгина. Наконецъ, роль *отца*, въ піесѣ *Отецъ и дочь*, П. Г. Ободовскаго, была, въ прошломъ году, послѣднею ролью Каратыгина, гдѣ онъ могъ выказать свое дарованіе: драма Г. Ободовскаго, не смотря на свои достоинства, очень много обязана успѣхомъ В. А. Каратыгину. Вотъ замѣчательнѣйшія піесы, въ которыхъ въ первый разъ явился Каратыгинъ передъ публикою. Остальныя были или легкія Французскія драмы, въ которыхъ онъ долженъ играть только потому, что не кому играть эти роли, или повтореніе преж-

няго его репертуара, изъ котораго *Велесарій*, *Гамлетъ*, *Уголино*, *Заколдованный Домъ* и *Король Лиръ* давались чаще другихъ, и всякій разъ доставляли новыя рукописанія нашему достойному артисту.

И. И. Сосницкій, — артистъ заслуженный, талантъ, увѣнчанный лаврами, и на лаврахъ отдыхающій. Болѣе того, что сдѣлалъ Г. Сосницкій, мы не можемъ и не въ правѣ отъ него требовать: онъ достигъ до такой степени артистическаго поприща, гдѣ уваженіе къ прежнимъ заслугамъ ни на минуту не исчезаетъ изъ души самыхъ строгихъ и взыскательныхъ цѣнителей. Къ числу лучшихъ ролей Г. Сосницкаго въ минувшемъ году, принадлежатъ роли: *Ниццо* (въ *Боярскомъ Словѣ*), *Хоружаго* (*Костромскіе Лѣса*), *Размазни* (въ *людяхъ ангель—не жена*), *Квакера* (*Квакеръ и Танцовщица*) и н. др.

Минувшій годъ представляетъ цѣлый рядъ артистическихъ успѣховъ Г. Каратыгина 2-го. Артистъ этотъ играетъ почти каждый день, и иногда въ одинъ вечеръ въ нѣсколькихъ піесахъ; постоянными усиліями, трудомъ и изученіемъ искусства онъ успѣлъ избавиться отъ весьма важнаго недостатка — однообразія, за которое прежде критика упрекала его не безъ основанія. Г. Каратыгинъ 2-й, по необходимости, иногда долженъ бывать играть въ драмахъ, гдѣ онъ занимаетъ роли холодныхъ резонеровъ; но настоящее его амплуа — характерныя роли въ комедіяхъ. Не можемъ исчислить всѣхъ ролей, въ которыхъ со славою являлся Г. Каратыгинъ 2-й, въ теченіе прошедшаго года; но болѣе другихъ запечатлѣлись въ нашей памяти роли *Городскаго* (Приключеніе на водахъ), *Сенг-Феликса*, (Чудакъ-покойникъ), *Халова* (Дочь и Откупъ), *Руперта* (Шла въ мѣшкѣ не утапшъ), *Кнакеръ* (Шкуна Нюкарлеби) и наконецъ лучшая роль его, которая одна можетъ составить славу артиста — это роль *Оргонта*, въ *Тартафѣ*, и пр.

Г. Мартыновъ — молодой артистъ съ

огромнымъ дарованіемъ, которому недостаетъ только образцовъ для изученія и простора для дѣятельности. Въ самую лучшую, самую цвѣтущую пору жизни, когда артистъ только что начинаетъ познавать свое дарованіе, свои средства и силы, и тотъ главный пунктъ, куда онъ долженъ ихъ направить, на чемъ сосредоточить, Г. Мартыновъ предоставленъ совершенно произволу случая, и долженъ, *сидя у моря, ждать погоды...* Для такого дарованія нуженъ просторъ Мольеровскій или Шекспировской комедіи, а Мартыновъ принужденъ играть во всѣхъ бенефисныхъ водевиляхъ, большею частію пустыя роли, или грубые и глупыя фарсы. Едва двѣ, три роли въ годъ выйдетъ ему такихъ, гдѣ онъ можетъ сколько нибудь выказать свое дарованіе, и ни одной такой, надъ которою могъ бы онъ поработать, отчетливо, сознательно, которая пробудила бы въ немъ рядъ размышленій, вызвала бы изъ души его цѣлую теорію сценическаго искусства. Что дѣлать? Молиеръ нынче забытъ и заброшенъ; мы промѣняли его на скороспѣлые Французскіе водевили, мы ищемъ новости — будь хоть глупо, да ново, а объ искусствѣ, о чистомъ, благородномъ искусствѣ у насъ и помину нѣтъ. *C'est du grec pour nous!*

Повторяемъ: Мартыновъ не созданъ для фарсовъ, не созданъ для ролей простаковъ, глупцовъ, вычурныхъ франтовъ, и т. п.; его амбула серіозное, амбула комическихъ стариковъ, и вообще сосредоточенныхъ комическихъ характеровъ. Онъ играетъ часто и много, но, Боже милосердый, что онъ играетъ! Безъ него не обходится какой нибудь водевиль въ родѣ *Французскій Театръ въ Провинціи*, *Обѣдъ въ тридцать двѣ копейки* и подобные грубые, пошлые фарсы. Изъ всѣхъ ролей, сыгранныхъ Г. Мартыновымъ въ прошломъ году, удалась одна только, гдѣ дарованіе его развернулось на просторъ, это роль *Буракова*, въ комедіи 17 и 50 *лѣтъ*, передѣланной

съ Французскаго П. С. Осодоровымъ. Въ другихъ онъ былъ только смѣшонъ, а въ иныхъ жаль было смотрѣть на него, какъ на прекраснаго Арабскаго коня, запряженнаго въ тяжелую фуру. Нѣтъ, чтобы дать средство вполне развиться дарованію Г. Мартынова, надобно начать съ начала, надобно дать ему великаго учителя всѣхъ великихъ комиковъ — *Молиера!*...

Г. Максимовъ — умный и старательный артистъ, имѣющій большое дарованіе для ролей молодыхъ людей, въ драмѣ, комедіи и водевилѣ. Лучшими ролями его въ минувшемъ году были роли *Славскаго* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *Ремона* (Клевета), *Князя Пронскаго*, (Боярское слово), *Тоби* (Квакеръ и Танцовщица), *Меркуціо* (Ромео и Юлія) и н. др.

Г. Самойловъ, занявшій послѣ покойнаго Дюра нѣкоторыя изъ ролей его, возбудилъ пріятныя надежды въ любителяхъ театра; къ сожалѣнію онъ ограничивался почти исключительно ролями, основанными на переодѣваніи, и, повидному, въ этихъ роляхъ поставляетъ всю славу свою. Этого мало, онъ какъ будто пренебрегаетъ другими ролями до того, что нерѣдко учитъ и исполняетъ ихъ съ замѣтною небрежностію. Благонамѣренная критика не можетъ не упрекать за это молодаго артиста...

Что сказать о другихъ артистахъ Русской драматической труппы?

Изъ старыхъ артистовъ, Г. Брянскій довольствуется своею минувшею славою, и новыхъ ролей не создаетъ. Въ теченіе всего прошедшаго года онъ только одною ролью побѣдилъ холодность къ нему публики: это роль *Середы*, въ драмѣ Н. В. Кукольника, *Князь Д. Д. Холмскій*.

Г. Григорьевъ 1-й составляетъ *grande utilité* Александринскаго Театра, и, не отпачаясь особеннымъ талантомъ, онъ играетъ довольно успѣшно, другихъ почти никогда не портитъ. Къ этому же

разряду должно отнести и Г. Третьякова.

Г. Григорьевъ 2-й, неподражаемый въ роляхъ кунцовъ съ Апраксина или Щукина Двора, въ прошедшемъ году создалъ превосходное лице *Федки Кулака* (Отецъ и Откупщикъ).

Упомянемъ еще о Г-нѣ Аванасьевѣ, который тоже принадлежитъ къ числу *utilités*, хотя могъ бы быть артистомъ болѣе, нежели посредственнымъ.

Изъ молодыхъ, недавно поступившихъ на сцену артистовъ, Г-да Смирновъ 1-й, Марковецкій и Смирновъ 2-й находятся еще подъ сомнѣніемъ: не выказавъ по сіе время дарованія рѣшительнаго, они выполняютъ однако жъ нѣкоторыя роли съ успѣхомъ, особенно Г. Марковецкій, у котораго въ роляхъ простаковъ мелькаютъ иногда наивность и ненапрянутый комизмъ. Дарованія ихъ можетъ показать время, а развить — добросовѣстное ученіе, согрѣтое любовію къ искусству.

Передъ прочими артистами мы — пасеъ. О нихъ сказать нечего, кромѣ того только, что почти каждый изъ нихъ считаетъ себя, если не великимъ талантомъ, то все таки талантомъ, а потому многіе позволяютъ себѣ не учить твердо ролей, выкидывать на сценѣ разные фарсы, и пр. и пр. и пр.

Обращаемся къ артистамъ Русской драматической труппы.

Изъ нихъ первое и почетное мѣсто — нашей заслуженной, несравненной артисткѣ А. М. Каратыгиной. На Русской сценѣ нѣтъ актрисы, которая могла бы не только сравниться съ нею, но сколько нибудь къ ней приблизиться. Молодыя нынѣшнія актрисы должны считать себя счастливыми, что у нихъ передъ глазами есть образецъ высокаго искусства, который онѣ могутъ и должны изучать съ полнымъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ уваженіемъ. Къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ направленіи театра мало встрѣчается ролей, въ которыхъ Г-жа Каратыгина могла бы явиться въ полномъ блескѣ своего высокаго дарованія: бенефисные во-

девили согнали со сцены нашей высокую комедію, и — нечего дѣлать — Г-жа Каратыгина должна была, въ нынѣшнемъ году, играть въ водевиляхъ, выпуская куплеты. И въ водевиляхъ какъ была она высока, напримѣръ, въ роли *Дюмниль* (Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису) или *Тетухки* (Замокъ моей племянницы)! Между тѣмъ, при концѣ года, судьба умлостивилась надъ нами и надъ Г-жей Каратыгиной, пославъ на Русскую сцену Молиеровскаго Тартюфа въ прекрасномъ переводѣ; Г-жа Каратыгина, въ роли *Эльмиры*, была само совершенство! Замѣчательнѣйшія драматическія роли Г-жи Каратыгиной въ прошедшемъ году были въ *Коріоланѣ* (мать Коріолана) и въ *Мессинской Невѣстѣ*.

Здѣсь мы невольно должны сдѣлать пробыль въ хроникѣ нашей: грустное чувство наполняетъ душу при воспоминаніи о милой, веселой, игривой артисткѣ, такъ преждевременно похищенной смертію. Театръ понесъ большую потерю въ лицѣ незабвенной В. Н. Асенковой: мѣсто ея осталось вакантнымъ, и Богъ знаетъ когда оно будетъ занято!

Г-жа Самойлова, изъ всѣхъ молодыхъ артистокъ Александринскаго Театра, самая любимая публикою и вполне достойная этой любви. Она играетъ и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ; развязная, ловкая, умная актриса, обладающая притомъ очень пріятнымъ и выработаннымъ голосомъ, она въ прошедшемъ году приобрѣла себѣ цѣлый рядъ успѣховъ, гдѣ игрой, гдѣ пѣніемъ, а гдѣ и танцами, какъ напримѣръ въ *Комедіи съ Дядюшкой*. За эту артистку можно вполне ручаться, что чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ она лучше и лучше.

Г-жа Дюръ, молодая актриса не безъ дарованія, съ любовію и усердіемъ продолжала свое, еще такъ недавно начатое поприще. Въ прошедшемъ году она ближе ознакомилась со сценой, стала свободнѣе, развязнѣе, и нѣкоторыя роли выполнила съ замѣчательнымъ успѣхомъ,

какъ то: *Фанни* (Клевета), *Славской* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *дочери*, (Отцовское проклятіе) и н. др.

Г-жа Сосницкая, изъ числа многихъ ролей, въ комедіяхъ и въ водевиляхъ, съ особеннымъ успѣхомъ сыграла роль *Дорини* въ *Тартюфѣ*: эта роль была торжествомъ ея таланта. Кромѣ того, Г-жа Сосницкая прекрасно выполнила роли *Трефкиной* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *вдовы 14-го класса* (Семейныя дѣла) и н. др.

Г-жа Гусева на долю свою имѣла нѣсколько прекрасныхъ ролей, которыя дали ей возможность во всемъ блескѣ выказать хотя одностороннее, но тѣмъ не менѣе замѣчательное дарованіе ея: роли пожилыхъ и старыхъ крестьянокъ, купчихъ, провинціальныхъ барынь и чиновницъ 14-го класса, она играетъ неподражаемо, не имѣя въ этомъ ампула соперницъ ни на одномъ театрѣ. Въ ней столько простоты, естественности, столько неподдѣльнаго комисма, что трудно представить себѣ въ этомъ родѣ что нибудь совершеннѣе. Роли *Марѣы* (Боярское слово), *Ильинишны* (Князь Д. Д. Холмскій), *Жены стационнаго смотрителя* (Современное Бородолюбіе), *Соломонида*, (Костромскіе дѣса), были полнымъ торжествомъ Г-жи Гусевой.

Г-жа Валберхова — актриса весьма полезная для ролей старухъ, преимущественно въ драмахъ.

Молодыя артистки: Г-жи *Гринева*, *Федорова*, *Соловьева*, *Ширлева*, *Смирнова* и др. скромно продолжали свое поприще, являясь въ роляхъ молодыхъ дѣвушекъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Г-жа *Гринева*, по видимому, имѣетъ больше всѣхъ дарованія; ей болѣе всего надобно заботиться о разнообразіи: она чрезвычайно монотонна, и въ игрѣ, и въ дикціи. — Г-жа *Федорова* совершенно бываетъ на своемъ мѣстѣ, когда играетъ роли жеманныхъ молодыхъ барынь, провинціалокъ, чиновницъ, и т. п., и совершенно не на своемъ въ роляхъ,

молодыхъ маркизъ, графинь и вообще знатныхъ дамъ. — Г-жа *Соловьева* очень мила въ небольшихъ роляхъ скромницъ, горничныхъ дѣвушекъ, и т. п. — Г-жи *Ширлева*, *Смирнова* и н. д. не лишнія на сценѣ, хотя особенныхъ дарованій и не имѣютъ.

Вообще можно замѣтить про нашихъ молодыхъ артистокъ, что хотя между ними и нѣтъ огромныхъ дарованій, которыя подавали бы надежду видѣть между ними со временемъ другую *А. М. Каратыгину*, за то нѣтъ ни одной, кого бы можно было поставить въ параллель съ какимъ нибудь изъ трехъ Г-дъ *Толченовыхъ*, *Леонидовымъ*, *Вороновымъ*, *Ахалинымъ*, *Прусаковымъ*, *Фризановскимъ*, *Яблочкинскимъ*, и пр. и пр. и пр. *ad infinitum*.

Вотъ, если не всѣ, то почти всѣ дѣйствователи нашей драматической труппы. Изъ этого краткаго обзора мало можно вывести утѣшительныхъ результатовъ: благодаря дарованіямъ такихъ артистовъ и артистокъ, каковы *В. А.* и *А. М. Каратыгинъ* *И. И. Сосницкій*, *П. А. Каратыгинъ* и немногіе другіе, почтенные и заслуженные артисты, мы въ настоящее время покойны за нашу драму и за комедію: по крайней мѣрѣ, есть дарованія, на которыя можемъ мы указать, на которыхъ можемъ опереться смѣло; для первыхъ, главныхъ ролей есть артисты; но что ожидаетъ театр нашъ въ будущемъ? Гдѣ молодыя дарованія, которыя обезпечивали бы дальнѣйшую судьбу его? Увы! одинъ *Мартыновъ*, на котораго публика можетъ положить свои блестящія надежды; между остальными есть дарованія, болѣе или менѣе значительныя, весьма полезныя и даже важныя для сцены; но эти дарованія, оставаясь всегда полезными для театра, не составляютъ славы его, не возведутъ сценическаго искусства на высокую степень. Истина печальная, конечно, но истина!..

Въ минувшемъ году было на сценѣ

Александринскаго Театра нѣсколько де-
бютантокъ и дебютантовъ; большая часть
изъ нихъ, послѣ перваго раза, не явля-
лась на сценѣ вновь; мы забыли даже
имена этихъ дебютантокъ и дебютантовъ,
кромѣ двухъ: Г-жи *Линской* и Г-жи *Са-
мойловой* 3-й. Г-жа Линская дебютирова-
ла нѣсколько разъ; въ ней есть дарова-
нiе, которое, вѣроятно, разовьется при
большей опытности. Г-жа Самойлова толь-
ко разъ явилась передъ публикою, въ не-
складной, безцвѣтной роли (въ драмѣ *Князь
Серебряный*) но, не смотря на это, самымъ
выгоднымъ образомъ отрекомендовала се-
бя публикѣ. И публика остается въ полной
надеждѣ, что милая дебютантка не будетъ
только *дебютанткою* на нашей сценѣ.

Переходимъ къ другой сторонѣ дра-
матическаго искусства — пiесамъ, къ то-
му, что игралось въ прошедшемъ году.
Читатели Репертуара 1841 года имѣютъ
полную хронику Петербургской сцениче-
ской литературы за истекшій годъ, и, ста-
ло быть, намъ не для чего входить въ
подробное исчисленiе пiесъ. Лучшее было
помѣщено или помѣстится въ Реперту-
арѣ. Но что же было это лучшее и кому
этимъ лучшимъ мы обязаны?

Н. А. Полевой, прежде такъ неутомимо
работавшій для Русскаго театра, въ
минувшемъ году не имѣлъ много досуга
отъ своихъ болѣе важныхъ занятiй; между
тѣмъ онъ все таки подарилъ театру двѣ
прекрасныя пiесы — драму *Костромскiе
Льсы* и комедiю *Отецъ и Откупщикъ*.
Обѣ пiесы имѣли огромный успѣхъ.

Н. В. Кукольникъ, также закупившiй-
ся для сцены, въ минувшемъ году от-
далъ драму *Князь Д. Д. Холмскiй*. Она
не имѣла большаго успѣха.

Г. Ѳ. Основьяненко передѣлалъ изъ сво-
ей повѣсти комедiю *Шельменко Денщикъ*,
которая, однако жъ, не понравилась
публикѣ.

Сокращенный нѣсколько переводъ
Шекспирова *Корюлана* доставилъ В. А.
Каратыгину одну изъ самыхъ блестящихъ
ролей.

Ромео и Юлиа, перев. Г-мъ Катковымъ,
успѣха не имѣла. Переводъ мѣстами до-
вольно хорошъ, но вообще тяжелъ и
читается съ большимъ трудомъ.

Мессинская Невѣста, трагедiя Шил-
лера, не имѣла большаго успѣха.

П. Г. Ободовскiй отдалъ на сцену двѣ
пiесы — *Болрское Слово*, драму, имѣв-
шую успѣхъ, хотя мы не отнесемъ ее къ
числу лучшихъ его произведенiй, и *Отецъ
и Дочь*, трагедiю, которою начинаемъ мы
первую книжку нашего изданiя.

Ѳ. В. Булгаринъ въ первый разъ высту-
пилъ на драматическое поприще съ дра-
мой *Шкуна Ньюкарлеби*.

Е. В. Аладьинъ отдалъ на театръ не-
большую драму: *Кумъ Иванъ*, которая
была разыграна съ успѣхомъ.

П. А. Каратыгинъ для своего бенефиса на-
писалъ три водевиля — одинъ переведенный
съ Французскаго: *Чудакъ Покойникъ*, дру-
гой передѣланный съ Французскаго, *При-
ключенiе на искусственныхъ водахъ*, и тре-
тiй передѣланный изъ Русской повѣсти —
Пикникъ въ Токеевъ. Всѣ эти водевили
очень игривы, забавны и полны остроум-
ныхъ куплетовъ, какихъ, кромѣ П. А. Ка-
ратыгина и Д. Т. Ленскаго, у насъ те-
перь не пишетъ никто.

Д. Т. Ленскiй подарилъ публикѣ толь-
ко одинъ, впрочемъ очень хорошiй во-
девилъ: *Въ модяхъ ангелъ — не жена,
дома съ мужемъ — сатана*. Правда, еще
играли его фарсъ *П. С. Моцаловъ*, пе-
редъ съ Французскаго, но этотъ фарсъ,
имѣя мѣстный интересъ въ Москвѣ, не
произвелъ эффекта въ Петербургѣ. У Г-на
Ленскаго одинъ порокъ, который, къ со-
жалѣнiю, есть не у всѣхъ водевилистовъ:
тогъ, что онъ пишетъ — мало!

П. С. Ѳедоровъ перевелъ и передѣлалъ
нѣсколько водевилей и комедiй съ Фран-
цузскаго; не всѣ они имѣли равный
успѣхъ, но, не менѣе того, мы должны
благодарить Г-на Ѳедорова за его дѣя-
тельность: во множествѣ случится ему
написать иногда слабый водевилъ, но ни-
когда не отдастъ онъ на сцену глупаго

или нелѣпаго водевиля. Лучшія пьесы съ именемъ Г-на Федорова, въ прошедшемъ году, были: *Клевета*, комедія Скриба, 17 и 50 актѣ, водевиль, *Путаница*, водевиль, *Маскарадъ при Людовикѣ XIV*, комедія.

Изъ нѣсколькихъ переделанныхъ водевилей Г-на Григорьева 1-го, лучшіе были *Любовныя записки мужа и Жена, мужъ и знатный другъ*.

Въ минувшемъ году явился новый поставщикъ водевилей для бенефисовъ, Г-нъ Перепельскій; первый водевиль его: *Шила въ мышки не утаишь*, взятый изъ повѣсти Нарѣзнаго, имѣлъ успѣхъ; другіе были весьма слабы, и, за исключеніемъ *Θ. А. Боба*, всѣ переделаны съ Французскаго.

Въ концѣ года сцена наша неожиданно обогатилась весьма хорошимъ переводомъ Мольерова *Тартюфа*, который и былъ разыгранъ съ большимъ успѣхомъ. На афишѣ имени переводчика выставлено не было, но въ нѣкоторыхъ газетахъ читали мы, что этотъ переводъ сдѣланъ Н. И. Хмѣльницкимъ, который, къ сожалѣнію, такъ давно ничего не писалъ для театра.

Нельзя не принести благодарности Дирекціи Императорскихъ Театровъ за возобновленіе комедій ветерана литературы Русской, П. А. Крылова. Его *Урокъ дочкамъ* былъ очень хорошо разыгранъ, и съ громкими рукоплесканіями принятъ публикою.

Изъ новыхъ писателей для Театра явились, съ оригинальными произведеніями, Гг. Неймановскій (*Секретарь*, комедія); Зубаревъ (*Современное Бородолобіе*, комедія) и Смирновъ (*Сбритая борода*, комедія, *Сваха-зрячий*, комедія и *Максимъ Сазонтовичъ Березовскій*, драма.) Комедія Г-на Неймановскаго упала; *Современное бородолобіе*, небольшая комедія, имѣла успѣхъ посредственный. — Что касается до Г-на Смирнова, у него нельзя отнять дарованія: въ трехъ пьесахъ его есть воображеніе, есть что-то похо-

жее на идею, но дѣйствующія лица его слишкомъ говорливы, и притомъ говорятъ чуть чуть не по-книжному; пьесы вообще растянуты, и потому не имѣли успѣха. Кромѣ того переводили для Театра водевили съ Французскаго Г-да Зубовъ, Бочаровъ, Фейгинъ, Филимоновъ, и пр.

Вотъ всѣ, сколько нибудь замѣчательныя пьесы, явившіяся въ прошедшемъ году на сценѣ Александринскаго Театра. Все остальное — ниже посредственности.

Самое замѣчательное явленіе въ здѣшней Русской Оперѣ была *Аскольдова Могила*, А. Н. Верстовскаго. Знатки и любители музыки отдали полную справедливость прекрасному дарованію Русскаго композитора; опера по сію пору дается весьма часто, и постоянно привлекаетъ публику. Г-нъ Леоновъ, въ роли Торопки, превзошелъ всѣ ожиданія.

Тоска по родинѣ, другая опера А. Н. Верстовскаго, неимѣвшая успѣха въ Москвѣ, не имѣла успѣха и въ Петербургѣ.

Лѣтомъ прошедшаго года поставлена была на нашей сценѣ опера Доницетти *Любовный напитокъ* (*Elisir d'amore*). Опера эта очень благосклонно принята была публикою, благодаря пѣнію и игрѣ Гг. Петрова, Леонова и Този, особенно послѣдняго, который въ роли доктора *Дулькамары* былъ очень хорошъ, какъ пѣвецъ и какъ актеръ.

Кромѣ этихъ трехъ оперъ, поставлена была на Русской сценѣ опера Мейербера — *Крестоносцы въ Египтѣ*, которая, однако жъ, вовсе не имѣла успѣха.

И только? вы скажете. Да, и только. Оперные пѣвцы наши имѣютъ также бенефисы, но они не отваживаются брать для бенефисовъ новыя оперы, потому что постановка требуетъ большихъ издержекъ, которыхъ бенефициантъ выручить не можетъ. А при томъ, гдѣ взять пѣвцовъ для хорошаго исполненія передъ Петербурской публикою, музыкально-образованной, а слѣдовательно строгой и взыскательной?

Впрочемъ, минувшій годъ, не смотря

на то, что новыхъ оперъ на нашей сценѣ явилось мало, не былъ безплоденъ для Русской оперы: онъ представилъ намъ нѣсколько молодыхъ дебютантовъ и дебютантокъ, которые, по большей части, возбуждаютъ самыя лестныя надежды въ любителяхъ Оперы.

Воспитанница Театрального Училища Г-жа *Семенова*, сопрано, дебютировала въ *Швейцарскомъ семействѣ*, съ удивительною увѣренностью въ игрѣ и пѣніи. Потомъ играла она *Камиллу* въ *Цампѣ*, являлась также въ *Робертѣ*, и наконецъ въ *Сорокѣ Воронки*.

Г-жа *Шифердекеръ*, переименованная въ *Лилеву*, прелестно играла и пѣла Риту въ *Цампѣ*, и потомъ явилась въ оперѣ *Тоска по родинѣ*.

Г-жа *Петрова*, молодая соименица нашей любимой и извѣстной пѣвицы, съ большимъ успѣхомъ играетъ роль *Вани*, въ оперѣ *Жизнь за Царя*, и недавно весьма понравилась въ роли *Нино*, въ оперѣ *Сорока Воронка*.

Г-жа *Колковская* является въ *Аскольдовой Могилѣ* и въ *Тоскѣ по родинѣ*.

Г-жа *Степанова*, если не пѣнемъ, то миловидностію своею плѣняетъ въ *Аскольдовой Могилѣ*.

Г-жа *Иванова* являлась въ тѣхъ же пьесахъ.

Кромѣ Воспитаницъ Театрального Училища дебютировали въ Русской Оперѣ Гг. *Куровъ* и *Захаровъ* басы, въ роли *Неизвѣстнаго*, въ *Аскольдовой Могилѣ*; первый не безъ успѣха. Г. *Гюрто*, съ театра de la Renaissance, дебютировалъ въ роли *Бертрама*. Это почти единственный примѣръ, что иностранецъ не смѣшитъ въ Русской оперѣ своимъ иностраннымъ произношеніемъ. Г. *Гюрто* хорошо знаетъ сцену, но голосъ его не довольно силенъ.

Въ дополненіе нашего очерка современнаго состоянія Русскихъ Театровъ въ Петербургѣ, скажемъ нѣсколько словъ и объ иностранныхъ Петербургскихъ труп-

пахъ — Французской и Нѣмецкой, а наконецъ о *Балетной*.

Французскія представленія, на Михайловскомъ, а въ лѣтніе мѣсяцы на Каменноостровскомъ и иногда на Петергофскомъ Театрахъ, были, какъ и прежде, постояннымъ сборнымъ мѣстомъ лучшаго Петербургскаго общества; это единственная у насъ труппа, имѣющая всегда значительный абонементъ. Входя въ красивую залу Михайловскаго Театра, вы какъ будто вступаете въ какой нибудь аристократическій салонъ, въ которомъ навѣрное найдете все, что Петербургъ имѣетъ самаго блистательнаго и прекраснаго. Въ антрактахъ, бель-этажныя ложи этого театра напоминаютъ собою ложи Итальянскихъ Театровъ, и превращаются въ небольшую гостиницу, въ которыхъ дамы принимаютъ знакомыхъ имъ кавалеровъ, и это придаетъ театру какую-то жизнь, которой не имѣетъ ни Александринскій, ни Большой Театръ.

Вторникъ, Четвертокъ и Суббота назначены для Французскихъ представлений, составляемыхъ большею частію изъ водевилей, имѣвшихъ успѣхъ въ Парижѣ; впрочемъ иногда даются также комедіи и драмы, которыя вообще разыгрываются чрезвычайно отчетливо, твердо и согласно. Въ этомъ отношеніи, Французская труппа имѣетъ рѣшительный перевѣсъ предъ всеми другими нашими труппами; часто пьеса самая плохая удается, благодаря старательной игрѣ артистовъ, которые никогда не пренебрегаютъ ролями, какъ бы незначительны онѣ ни были; отсюда происходитъ то согласіе, тотъ ensemble, которые необходимы для успѣшнаго хода пьесъ, и безъ которыхъ сценическое обольщеніе не существуетъ. Вотъ чему наши Русскіе драматическіе артисты, говоримъ преимущественно о *молодежи*, должны учиться у здѣшнихъ Французскихъ артистовъ. Надобно сказать также, что и артисты, составляющіе эту труппу, отличающіеся самобытными, первостепенными талантами; люди, видѣвшіе

недавно Парижскіе Театры, утверждаютъ что ни на одномъ изъ нихъ не собрано вмѣстѣ столько отличныхъ артистовъ, какъ въ нашей Французской труппѣ. Тамъ часто одинъ или два хорошихъ артиста составляютъ все богатство театра, въ которомъ все остальное ниже посредственности, а у насъ всѣ хороши, и только можетъ быть два или три посредственны. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ Парижскомъ театрѣ найдете вы соединеніе такихъ талантовъ, какъ Г-жи Алланъ, Александръ Майеръ, Дюпонъ, и Гг. Брессанъ, Верне, Алланъ, Дюфуръ, Эрикъ-Бернаръ, Поль Минне, Додель? Всѣ эти артисты превосходны, которые сдѣлали бы честь каждому театру. Почти каждую, или лучше сказать на каждую недѣлю, Французскіе артисты наши представляли новой піесѣ. Изъ этихъ піесъ болѣе другихъ имѣли успѣхъ: *Le Verre d'eau*, *le Roman intime*, *Un bal masqué sous Louis XIV*, *Le tailleur de Londres*, *Une nuit au Sérail*, *Un Monsieur et une Dame*, *Tiridate*, *Un mariage sous Louis XV*, *La permission de dix heures*, *L'héritier d'un grand nom*, *les deux Voleurs*.

Въ продолженіе этого года Французская труппа приобрѣла двухъ новыхъ артистокъ, Г-жъ Дюпонъ и Дегранжъ; первая дебютировала въ комедіи Скриба *le Verre d'eau*, въ роли Герцогини, вторая, въ водевилѣ *Un pont-neuf*, въ роли молодой Маркизы, были приняты какъ нельзя лучше. Сверхъ того являлась Г-жа Валери, въ комедіяхъ *Les jeux de l'amour et du hasard* и въ *Ecole des Vieillards*, но не принята въ театрѣ.

Нѣмецкая драматическая труппа, скромная и не блистательная, дѣйствуя совершенно въ другой сферѣ и имѣя свой особенный кругъ зрителей, также не оставалась въ праздности. Представленія этой труппы давались попеременно на Александринскомъ и Михайловскомъ Театрахъ, и были посѣщаемы почти исключительно только Нѣмецкимъ народонаселеніемъ Петербурга. Прибытіе

талантливаго артиста Г. Кунста, пріѣхавшаго сюда дать нѣсколько *Gastrollen*, оживило Нѣмецкій Театръ. Кунстъ, человекъ съ рѣшительнымъ дарованіемъ, и имѣя все, что необходимо драматическому артисту — пріятную наружность, прекрасный органъ, знаніе сцены и отличную дикцію, игралъ здѣсь всѣ выбранныя имъ роли съ большимъ успѣхомъ. Въ особенности былъ онъ хорошъ въ Гамлетѣ, въ Карлѣ Морѣ, въ Гуго (*die Schuld*) и въ Родригѣ (*das Leben ein Traum*). Нѣкоторые вздумали было сравнивать его съ нашимъ превосходнымъ трагикомъ, В. А. Каратыгнымъ; но мы думаемъ, что между ними нѣтъ ни какого сходства. Василій Андреевичъ артистъ гениальный, какихъ теперь нѣтъ ни на одномъ Европейскомъ Театрѣ, тогда какъ Кунстъ только хорошій артистъ, и притомъ Нѣмецкій; а кто только немного знакомъ съ сценическимъ искусствомъ Нѣмцевъ, тотъ знаетъ, что они имѣютъ свои особенности, только имъ одномъ принадлежащія. Въ Нѣмецкомъ трагическомъ актёрѣ рѣдко, почти никогда, нѣтъ натуры; Нѣмецкіе трагики вообще думаютъ, что сильная жестыкуляція необходима для выраженія страстей. Этого недостатка избѣгнулъ однако же Г. Германъ, ангажированный недавно въ Нѣмецкую труппу. Игра этого отличнаго артиста рѣшительно анти-Нѣмецкая; онъ простъ, натураленъ и рѣдко прибѣгаетъ къ изысканнымъ жестамъ. Въ роли *Лира* былъ онъ превосходенъ, и мы можемъ смѣло сказать, что теперь онъ первый и лучший у насъ Нѣмецкій артистъ. Кромѣ Германа, Нѣмецкая труппа обогатилась приобретеніемъ милой, прекрасной артистки, Г-жи Лилы Лѣве; ампула, которое она теперь занимаетъ, давно уже требовало молодой, талантливой артистки, въ которой Нѣмецкая сцена сильно нуждалась со времени несравненной Г-жи Бауеръ.

Нѣмецкая оперная труппа поставила въ этомъ году только двѣ оперы, *Lucia di Lamermoor* и *Lucrezia Borgia*, Доницетти; обѣ эти оперы имѣли успѣхъ, особенно

послѣдняя, которая можетъ быть призна- на рѣшительно лучшимъ созданиемъ не- стоимаго Италіянскаго маэстро, которо- му написать оперу легче, чѣмъ другому пропѣть какой нибудь романсъ. Въ Лукре- ціи много истинно прекрасныхъ мѣстъ; финаль перваго акта отличается ориги- нальностью самаго мотива и превосход- нымъ акомпаниментомъ. Въ этой оперѣ отличается несравненный нашъ Ферзингъ, котораго свѣжій, полный, звучный басъ такъ хорошъ. Нѣмецкая опера, лишив- шись Брейтинга, приобрѣли вмѣсто него тенора, Г. Бека. Г. Бекъ обладаетъ хо- рошимъ, приятнымъ голосомъ; но къ со- жалѣнію голосъ этотъ еще мало обрабо- танъ, и пѣніе его не имѣетъ хорошей ме- тоды; впрочемъ, мы должны быть благо- дарны заботливой Дирекціи за ангажиро- ваніе этого артиста. Брейтингъ, посѣтивъ Петербургъ, явился раза два на сценѣ. Многие сожальютъ, что Брейтингъ не ан- гажированъ на нашу оперную сцену. По нашему мнѣнію, Дирекція поступила чрез- вычайно благоразумно въ этомъ случаѣ. Г. Брейтингъ иначе не хотѣлъ заключать контракта, какъ на семь лѣтъ, а кто по- ручится за голосъ въ теченіе семи лѣтъ? Да по совѣсти сказать, Г. Брейтингъ только и хорошъ въ роли Элеазара въ *Жидовкѣ*.

Теперь остается намъ сказать еще нѣ- сколько словъ о нашей великолѣпной ба- летной труппѣ. Никогда не была она въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ нынѣ. Роскошь, съ какою у насъ даются балет- ныя представленія, превосходитъ всякое описаніе, а присутствіе неподражаемой Г-жи Талиони придаетъ имъ прелесть не- выразимую; прибавьте къ этому талан- ты Г-жъ Смирновой, Андрияновой и Шле- фохтъ Гг. Гредлю, Гольца, Югансона и Фредерика, и вы поймете отъ чего Боль- шой Театръ бываетъ всегда полонъ въ дни балетныхъ спектаклей. Въ этомъ го- ду труппа эта поставила всего три но- выхъ балета: *Воспитанница Амура*, *Любовное Зелье* и *Далъ*, возобнови-

ла *Зефиръ и Флору*, превосходное со- зданіе, несравненнаго Дидло, и *Волшебную Флейту*, въ которомъ участвовали млад- шаго возраста воспитанницы и воспи- танники Театральнаго Училища. Отличное выполненіе всехъ ролей въ этомъ комиче- скомъ балетѣ, грація маленькихъ танцов- щицъ и танцовщиковъ доказываютъ, какъ много заботится дирекція наша о приго- товленіи талантовъ, которые со временемъ будутъ служить украшеніемъ нашей сцены.

Кромѣ всехъ названныхъ нами спек- таклей, въ нынѣшнемъ году имѣли мы еще Италіянскую оперу, въ которой восхища- лись дивнымъ талантомъ великой Пасты. Восемь представленій, данныхъ, ею были истиннымъ праздникомъ для всехъ люби- телей музыки, и мы долго, долго сохрани- ли воспоминаніе о тѣхъ высокихъ мину- тахъ наслажденія, которыя доставила намъ великая артистка своимъ пѣніемъ и игрою.

Говоря о Петербургскихъ Театрахъ, не лзя не сказать нѣсколько словъ и о са- мой публикѣ.

Мы уже замѣтили, что каждый театръ у насъ имѣетъ свою публику. Самая обра- зованная публика, по общему мнѣнію, ѣз- дить исключительно во Французскіе спек- такли, въ балеты, когда танцуетъ Талио- ни, и въ оперу, преимущественно Нѣмец- кую, если есть что нибудь новое или до- стойное особеннаго вниманія. Неужели же образованная публика не ѣздитъ въ Рус- ской, т. е. въ Александринскій Театръ? Нѣтъ, мы этого не можемъ, не смѣемъ, не хотимъ думать, потому именно, что посто- янно, нѣсколько лѣтъ, наблюдая и театръ и публику, убѣдились совершенно въ про- тивномъ; правда, есть нѣкоторые исключи- тельные посѣтители Французскаго Театра, оперы и балета, посѣтители, которыхъ вы никогда не встрѣтите въ Русскомъ Театрѣ; но эти любители театра, не Русскіе, это иностранцы высшаго круга, не знающіе Русскаго языка. Но спрашиваемъ всехъ и каждого: есть ли въ Петербургѣ хотя одинъ образованный человекъ, кото- рый не видалъ бы Каратыгина въ Велиса-

ривъ, въ Лудовикѣ XI, въ Гамлетѣ, и т. п.? Вѣрно нѣтъ! Да и кто наполняетъ Александринскій Театръ, когда даются эти пьесы въ двадцатый и въ тридцатый разъ, когда онѣ, при самомъ началѣ, давались по нѣскольку разъ и даже десятковъ разъ сряду? Для публики *необразованной*, для той, которая не принадлежитъ къ аристократіи ума и вкуса, пьесы эти не имѣютъ занимательности; онѣ скучны для нея, корою нужны грязные водевилы, площадные фарсы, грубые каламбуры. Кто же съѣзжается въ Александринскій Театръ смотреть *серіозныя художественныя произведенія*? Высшая, образованнѣйшая публика, та самая, которая постоянно посѣщаетъ Французскій Театръ, восхищается Таліони, слушаетъ Пасту, Бишопъ, Гейнефеттеръ, Брейтинга и подобныхъ имъ. И нѣтъ ничего легче, какъ узнать присутствіе этой публики въ театрѣ: она вызываетъ рѣдко, но ужъ если вызоветъ, то вызовъ такой составляетъ именно гордость артиста; она никогда не вызываетъ *всѣхъ*, ее стучитъ палками, не топаетъ ногами, не надсаживаетъ груди, не дерется изо всей мочи горла. Еще менѣе позволить себѣ она вызвать артиста въ серединѣ акта, послѣ какой нибудь эффектной, удачно сыгранной сцены: она знаетъ, что въ первыхъ, артисту это неприятно, что это развлекаетъ его вниманіе, которое должно быть сосредоточено на созданіи цѣлаго характера, а во-вторыхъ, такой вызовъ ни имѣетъ никакого смысла: кто истинно пораженъ художническою игрою артиста, тотъ наслаждается безмолвно, восхищается въ душѣ, пльвается цѣлымъ созданіемъ, а не одной чертой, ищетъ мысли во всей роли, а не въ трескучихъ эффектахъ, въ отдѣльных частяхъ. Если вы мирно наслаждаетесь пьесой, не развлекаетесь громкими разговорами, ни впереди, ни позади васъ сидящихъ, если ухо ваше не страдаетъ отъ неистовыхъ воплей, хлопанья и топанья, то знайте, что въ театрѣ находится *образованная публика*, съѣхавшаяся въ

театръ съ тою мыслию, что театръ есть храмъ искусства, а не что нибудь другое. Теперь, вы хотите, чтобы въ Русскомъ Театрѣ была всякій разъ публика образованная? Вы хотите невозможнаго! Дайте этой публикѣ пищу, не грубую, не оскорбляющую вкусъ, дайте ей достойное ея вниманія, и, можете быть увѣрены, что она будетъ постоянно любить и посѣщать Русскій Театръ; а то неужели же вы хотите заставитьъ, чтобы она терпѣливо смотрѣла и слушала передѣлки Французскихъ водевилей и фарсовъ, которые видѣли прежде и въ лучшей формѣ, и въ лучшей игрѣ, на Французской сценѣ?

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что и самая обыденная публика Александринскаго Театра, т. е. та, которая идетъ въ театръ отъ скуки, отъ нечего дѣлать, идетъ во всякое время, что бы ни давали, и равно приходитъ въ восторгъ и отъ игры Каратыгина 1-го, и отъ фарсовъ Г. Самойлова, и эта самая публика стала нынѣ тише и умѣреннѣе въ порывахъ своего восторга. Теперь въ Александринскомъ Театрѣ вывелись *клакеры* или хлопальщики, которые, бывало, вызывали всякаго для своей потѣхи; теперь рѣдко бывають вызовы посреди акта, и т. п. Одно пока рѣзко еще бросается въ глаза непривычному посѣтителю Александринскаго Театра: это безконечные апплодисменты бенефицианту, при первомъ его выходѣ, кто бы тотъ бенефициантъ ни былъ: ему не даютъ открыть рта, сказать слова, заставляютъ кланяться, и чѣмъ болѣе онъ раскланивается, тѣмъ усерднѣе ему хлопають, составляя изъ этого родъ какой-то забавы. Будемъ надѣяться, что болѣе частое присутствіе въ Александринскомъ Театрѣ публики высшаго образованія, и замѣчанія умныхъ и пользующихся довѣріемъ публики журналистовъ и театралныхъ критиковъ, успѣютъ искоренить и это обыкновеніе, введя его въ болѣе ограниченныя размѣры.

Скажемъ нѣсколько словъ о Московскомъ Театрѣ.

Въ лѣтописи Московскаго Театра 1841 годъ обозначается самымъ грустнымъ воспоминаніемъ. Въ этомъ году оставила сцену незабвенная, любимая артистка Москвы, Н. В. Рѣпина. Въ продолженіе всего своего поприща, она пользовалась истиннымъ уваженіемъ, и какъ по таланту, такъ по душѣ, по уму, по образованію достойно первенствовала на сценѣ. Сколькихъ высокихъ наслажденій лишилась Москва въ лицѣ Рѣпиной! Теперь нѣтъ, не говоримъ равной артистки, но сколько нибудь близкой къ ней. О всѣхъ новостяхъ здѣшней сцены постоянно были помѣщаемы болѣе или менѣе подробныя извѣстія почти въ каждой книжкѣ Репертуара. Намъ остается только бросить общій взглядъ на состояніе Московскаго Театра въ прошедшемъ году. Труппа драматическая, основаніе всякаго театра, краеугольный камень его, держится талантами прежнихъ артистовъ, пользующихся любовью публики. Надеждъ новыхъ рѣшительно нѣтъ. Трагедія и драма сиротствуютъ. Лучшею и незабвенною эпохою былъ для нихъ пріездъ В. А. Каратыгина. Съ его отъездомъ опустѣлъ театръ въ представленіи трагедій и драмъ. Хотя, далеко не полный, партеръ и хлопаютъ усердно Г. Мочалову, но ложи пусты. О Г-нѣ Мочаловѣ было уже столько говорено и писано, что ко всему сказанному намъ и прибавлять нечего: онъ все тотъ же, что и былъ — нерѣдко высокій, вдохновенный художникъ — на одно мгновеніе, и потомъ на цѣлый часъ, Богъ знаетъ, что такое. Слышишь глухія вскрикиванія, смѣшныя тѣлодвиженія, и часто, въ цѣлой фразѣ, не поймешь ни слова! Съ Каратыгинымъ уже и потому одному нельзя его сравнивать, что Каратыгинъ съ каждою ролею идетъ впередъ, становится выше, образуется, совершенствуется. Еще бывають минуты, что Мочаловъ, на мгновеніе, въ иной роли поражать сильнѣе, нежели въ этомъ самомъ

мѣстѣ поражаетъ Каратыгинъ, то, съ другой стороны, у Мочалова нѣтъ почти ни одной роли, выдержанной ровно и до конца. Въ Гамлетѣ, правда, прорывается у него нѣсколько очень хорошихъ мѣстъ, но и то разъ на разъ не приходитъ. Г-жа Львова-Спиецкая занимаетъ роли благородныхъ матерей въ трагедіи и драмѣ, и нѣкоторыя роли въ комедіи. Она, если и не обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ, но какъ умная, опытная артистка всегда бываетъ на своемъ мѣстѣ. Г-жа Орлова, въ первыхъ роляхъ вообще, бываетъ иногда очень хороша, иногда просто хороша, а иногда и дурна. Второстепенныя лица въ трагедіи болѣе или менѣе слабы.

Комедія имѣетъ прекрасныхъ артистовъ, но, по несчастію, комедіи, говоря вообще, у насъ нѣтъ. Г. Щепкинъ, талантъ, о которомъ нечего говорить, пользуется тою же славой, тою же любовью публики, какъ и всегда; да иначе и быть не можетъ. Г. Живокинъ постоянный любимецъ нашъ, но, по бѣдности драматическихъ произведеній, не можетъ вполне выказывать разнообразія своего веселаго таланта. Г. Самаринъ молодой, умный, образованный артистъ, съ чистою любовью къ искусству. Онъ съ успѣхомъ занимаетъ амбула молодыхъ людей въ легкой драмѣ, комедіи и водевилѣ. Отъ него можно ожидать многого, если только будутъ пьесы, въ которыхъ онъ могъ бы образовать свое дарованіе. Г. Садовскій въ короткое время сдѣлался любимцемъ публики. Въ его комисѣ есть веселость неподдѣльная, естественность; отъ него будетъ зависѣть сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ. Г. Никифоровъ въ нѣкоторыхъ роляхъ безподобенъ. Г. П. Степановъ хорошъ въ карикатурѣ, но не въ роли. Наконецъ, всѣ аксесуары комедіи весьма хороши. Изъ артистокъ, Орлова занимаетъ съ успѣхомъ роли кометокъ, но въ мужскихъ роляхъ она просто не хороша, и должна, для чести своей и искусства, отказаться отъ нихъ. Г-жа

Сабурова 1-я прекрасна постоянно въ роляхъ комическихъ старухъ.

Г-жа Сабурова 2-я, еще очень юная артистка, подаетъ прекрасныя надежды. Она совершенствуется замѣтно. Главное достоинство игры ея — благородство, чего нѣтъ въ другихъ нашихъ актрискахъ.

Теперь объ оперѣ и балетѣ. Надо сказать правду, лучшее украшеніе Московской Оперы — оркестръ, а лучшее украшеніе оркестра — Г. Юганисъ, молодой капельмейстеръ. Кромѣ истинной благодарности, отъ лица всей публики, ничего нельзя сказать Г. Юганису. Такому оркестру, какъ въ Москвѣ, конечно, недостаетъ пѣвцовъ. Бантышевъ, Бантышевъ — и одинъ Бантышевъ! Что потерялъ театръ въ Лавровѣ? Но такіе пѣвцы — актеры рѣдки вездѣ! Гг. Лазаревъ, Бобовскій, Стрѣльскій, Савицкая, Каплинская, составляютъ оперу, и право, по ихъ талантамъ, она идетъ иногда довольно согласно, благодаря безспорно почтенному А. Н. Верстовскому, и, разумѣется, Юганису. Но зная, какъ трудно имѣть хорошую оперу, любители должны довольствоваться тѣмъ, что есть, и благодарить Дирекцію, которая дѣлаетъ все, сколько позволяютъ ея средства. Въ балетѣ, Санковская 1-я и Герино доставляютъ постоянно истинное удовольствіе.

Почти весь репертуаръ Московскаго Театра, какъ и вездѣ, питаютъ бенефисы, а бенефисы состояются наскоро изъ маленькихъ драмъ и, большею частию, пустыхъ водевилей, а въ Москвѣ по преимуществу изъ водевилей Г. Соловьева, которому, какъ начинающему, должно замѣтить, что хотя водевилъ и не есть вещь литературная, а легкая игрушка, но не менѣе того, и онъ требуетъ вкуса, приличія, языка, если уже нѣтъ веселости и остроты. Піесы Н. А. Полеваго безспорно пользовались постояннымъ успѣхомъ. Его *Параша* сколько доставила наслажденія публикѣ и пользы Дирекціи! Опять нельзя не вспомнить Н. В. Рѣп-

ной. Дайте какую угодно піесу, но если нѣтъ для нея артистовъ — она убита, и на оборотъ: очень слабая піеса, при игрѣ, имѣетъ успѣхъ. Сначала Н. В. Рѣпина, какъ талисманъ, привлекала въ представленія Параша. Потомъ восхищались въ ней В. А. Каратыгинъ. Теперь, видѣвшіе недавно Парашу — увы! не узнаютъ піесы. Мочаловъ до того холоденъ, Орлова такъ натянута, что піеса, въ чтеніи возбуждающая слезы, на сценѣ не возбуждаетъ ни какихъ чувствъ. Въ Костромскихъ Лѣсахъ были прекрасны Щепкинъ, въ роли Хорунжаго, и Сабурова 1-я въ роли Русской старухи; Сусанна опять не видала. *Отецъ и Откупщикъ*, Н. А. Полеваго, имѣлъ прекрасный успѣхъ. Изъ водевилей, конечно, занимаютъ первенство милыя, благородныя піески П. С. Федорова — *Путаница* и *17 и 50 лѣтъ*. Дирекцію поставлена комедія Г. Миросшевскаго: *Необыкновенный маскарадъ на Новый годъ*, черезъ чуръ плохая комедія, сдѣланная изъ прелестной повѣсти Гофмана. Въ бенефисъ Юганиса поставлена опера *Фаворитка*, Доницетти. По условіямъ нашей сцены, она не могла быть дана, какъ написана, и требовала измѣненій въ либретто, черезъ что интересъ сюжета, можетъ быть, и проигралъ. Нельзя однако не отдать справедливости исполненію оркестра и Бантышеву. Публика единодушно вызвала его и Юганиса. Родная Московская *Аскольдова Могила* до нынѣ все еще наполняетъ театръ, и ее всегда принимаютъ съ восторгомъ. Прекрасно поставлены балетъ *Морской Разбойникъ* и 1-е дѣйствіе *Озера Волшебницы*.

Французская сцена украсилась новыми пріобрѣтеніями: это таланты Г-жъ Шамбери, Жеранвилъ и молодого комика Вольне. Шамбери и Вольне съ первыхъ дебютовъ сдѣлались любимцами посѣтителей прекраснаго Малаго Театра. По необходимости Шамбери играетъ иногда въ драмахъ, но ея истинное амплуа въ комедіи и водевилѣ. Въ піесѣ *La Marquise de Pré-*

tintaille она чрезвычайно хороша. Вальтеръ, режиссеръ и первый драматическій артистъ, всегда и во всемъ очень хорошо.

Талантовъ вдругъ создавать нельзя — готовыхъ находить трудно, но много недостатковъ Русской современной сцены лежитъ на писателяхъ. Если уже намъ еще долго суждено жить одними водевилями, если водевилъ до того завладѣлъ сценою, что безъ него ни шагу, то будемъ желать одного, чтобы все назначаемое для театра, въ какомъ бы родѣ ни было, было благородно, умно, написано со вкусомъ и *по-Русски*.

Въ заключеніе статьи нашей не можемъ не сказать нѣсколько словъ вообще и о провинціальныхъ Русскихъ Театрахъ.

Число ихъ ежегодно болѣе и болѣе увеличивается въ Россіи; прежде существовавшія труппы приходятъ въ порядокъ болѣе стройный; во многихъ городахъ образуются труппы новыя, переходящія съ одного мѣста на другое, съ одной ярмарки на другую; въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ явились постоянные театры и особенныя, нарочно для театра устроенныя зданія: лѣтомъ прошедшаго года отстроены каменный театръ въ Харьковѣ; 27-го Ноября прошлаго года открытъ театръ въ Ярославлѣ, построенный С. Петербургскимъ купцомъ, М. А. Яковлевымъ *); Казань, Кіевъ, Нижній Новгородъ, Орелъ, Воронежъ и нѣкоторые другіе города, не только губернскіе, но и уѣздные, имѣли въ прошедшемъ году театральныя представленія; въ нѣкоторыхъ городахъ бывали публичные спектакли въ пользу бѣдныхъ, спектакли, въ которыхъ участвовали исключительно любители театра изъ всякаго сословія. Репертуаръ, въ свое время, сообщалъ читателямъ всѣ возможные свѣдѣнія о провинціальныхъ театрахъ, радуясь, съ одной стороны, распространенію

любви къ Театру въ Россіи, а съ другой утѣшаясь и тою мыслию, что въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ еще театра, онъ возникаетъ въ одно время съ потребностію благотворенія. Если искусство сценическое также сроднится съ Русскою жизнію, какъ сроднилось съ нею добро и благотвореніе, то гдѣ какъ не въ Россіи и ожидать успѣховъ театра? Съ величайшею благодарностію Репертуаръ и впредь приметъ на страницы свои всякое извѣстіе о ходѣ и успѣхахъ театра во всѣхъ городахъ Русскихъ; онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что провинціальные театры очень много будутъ содѣйствовать успѣшному ходу театра въ Россіи. При большемъ развитіи театра въ Россіи, провинціи могутъ снабжать даже Петербургъ и Москву достойными артистами, которые, при ихъ природныхъ дарованіяхъ, скоро свыкнутся съ условіями столичной сцены. Щепкины, Петровы, Садовскіе и многіе другіе служатъ тому доказательствомъ. Притомъ нельзя не порадоваться и тому еще, что нѣкоторые изъ извѣстныхъ столичныхъ артистовъ нашихъ въ лѣтнее время посѣщаютъ провинціальные театры: Щепкины бывають въ Казани, въ Кіевѣ, въ Харьковѣ, въ Одессѣ; Мочаловъ въ Харьковѣ, въ Кіевѣ и въ Нижнемъ, Г-жи Орлова и Дюръ были въ Нижнемъ, равно какъ и Г-нъ Мартыновъ, Живокини и другіе. Появленіе даровитыхъ или опытныхъ артистовъ, на отдаленныхъ провинціальныхъ театрахъ, всегда оставитъ благотворные плоды; примѣръ ихъ будетъ для иныхъ самымъ лучшимъ и благотѣльнымъ урокомъ, а въ другихъ возбудитъ, можетъ быть, и искру дарованія, которая безъ того таилась бы неосознанная въ душѣ артиста отъ природы, а не по обстоятельствамъ.

Окончивъ этотъ краткій обзоръ нашъ *современнаго состоянія Русскаго Театра* желаніемъ, чтобы наступившій, 1842 годъ утвердилъ тѣ надежды, доставилъ бы столько же наслажденій, и, съ другой стороны, вознаградилъ тѣ утраты, которыя

(*) См. въ этой книжкѣ Репертуара статью подъ рубрикою *Телеграфъ*.

IV. СМѢСЬ.

БИОГРАФІЯ ПѢВИЦЫ Г-ЖИ ДАМОРО- ЧИНТИ.

Разъ—это было въ 1816 году, одна молодая дѣвушка, прелестная, какъ тихое майское утро, и воспитатель ея, аббатъ Жакъ, явился къ Г-жѣ Каталани, которая, въ то время, была директрисою Итальянскаго Театра въ Парижѣ. Аббатъ долженствовалъ представить молодую дѣвучку знаменитой пѣвицѣ.

Покажѣтъ докладывали о нихъ, дѣвушка, веселая еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, вдругъ сдѣлалась грустною и задумчивою. Она ждала отвѣта молча, неподвижно, не отводя глазъ отъ одного угла пріемной. Спутникъ ея хотѣлъ было завести съ нею разговоръ, но она остановила его и, взявъ его за руку, сказала съ очаровательною улыбкою:

— О, теперъ я не пойму васъ, аббатъ.... Если бъ вы знали, какъ я разстроена....

«Возможно-ли, Лаура? Неужели вы робѣете?»

— Робѣю? Нисколько; она, говорятъ, такъ добра... но я не спокойна, и не могу равнодушно думать о свиданіи, отъ котораго зависитъ моя участь....

«Конечно, свиданіе это важно; однако жъ, во всякомъ случаѣ, не должно такъ смущаться, тѣмъ болѣе, что у васъ непреодолимая склонность....»

— Скажите лучше: призваніе.

«Положимъ; такъ за чѣмъ же сомнѣваться въ успѣхѣ?»

— Вы правы, аббатъ.... О, если бъ осуществились всѣ мечты мои!.... Слава! слава!.... Мнѣ надобно славы!....

Въ это мгновеніе ихъ извѣстили, что Г-жа Каталани готова принять ихъ.

Они вошли. Аббатъ представилъ смущенную Лауру.

«Вотъ,» сказалъ онъ, «дитя, которое просить васъ о покровительствѣ, просить о томъ, чтобы вы не отказались быть руководительницею его на пути, избранномъ имъ. Дитя это, моя питомица. Она — смѣю предварить васъ — не будетъ довольна обыкновенными успѣхами. Съ того времени, какъ она услышала васъ, мысль о громкой извѣстности, о славѣ не даетъ ей покоя.... Вы, сударыня, только вы одни можете помочь ей достигнуть этой цѣли.»

Г-жа Каталани поцѣловала Лауру, и попросила ее спѣть чтонибудь. Испытаніе это увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Лаура пѣла съ такимъ чувствомъ, голосъ ея былъ такъ чистъ и гибокъ, что Г-жа Каталани осыпала ее похвалами, и тогда же приняла въ свою труппу.

Въ томъ же самомъ году, Лаура дебютировала въ оперѣ *Cosa cara*, въ которой, не задолго предъ тѣмъ, прославилась Г-жа Барильи. Дебютъ ея былъ блистательный, и публика, по обыкновенію, забыла для нея свою прежнюю любимицу, Г-жу Барильи, умершую во всемъ блескѣ таланта и молодости. Послѣ того,

Лаура явилась въ роли пажа въ *Nozze di Figaro*, Моцарта. Она играла въ этой оперѣ вмѣстѣ съ Г-жею Каталани, и была принята съ восхищеніемъ. Впрочемъ, она вполне заслужила этотъ успѣхъ: быть можетъ, въ свѣтѣ нѣтъ артистки, къ которой бы лучше шло названіе *Cherubin d'amore*, которое придумала Сусанна для любимца Графини Альмавивы, какъ шло оно въ то время къ прелестной Лаурѣ. Всѣ лица, принадлежавшія къ театру, любили ее не менѣе публики. Извѣстный Бордонни радушно училъ ее пѣть; Гарсія, столь же искусный актеръ, какъ и пѣвецъ, былъ руководителемъ ея въ изученіи ролей. А она — она, всегда милая, всегда очаровательная, пользовалась наставленіями ихъ съ такимъ умомъ, что они вскорѣ сдѣлались лишними для нея. Успѣхи Лауры были столь быстры, что вскорѣ послѣ поступленія ея на театръ, Гарсія не усомнился ввѣрить ей довольно важную роль въ оперѣ своей *Халифъ Багдадскій*. Она исполнила эту роль превосходно.

Мало по малу, репертуаръ Лауры увеличился. Она пѣла и съ Г-жею Ронци Дебени (*Ronzi Debenis*), и съ Пастою, и съ Г-жею Фодоръ-Менвиель, а потомъ, когда Г-жа Фодоръ отправилась въ Италію, она замѣстила ее въ роляхъ: *Розины* въ Севильскомъ Цирюльнякѣ, *Нинетты* въ Сорокѣ воровкѣ, *Церлины* въ Донъ Жуанѣ, и вообще во всѣхъ тѣхъ роляхъ, которыя до того занимала эта знаменитая пѣвица.

Преждевременные успѣхи на сценѣ нерѣдко вредятъ развитію таланта. Они особенно пагубны для женщинъ, которыя столь охотно увлекаются внѣшніми своего самолюбія и похвалами своихъ пристрастныхъ поклонниковъ. Понравившись публикѣ, артистки тотчасъ перестаютъ заниматься изученіемъ своего искусства, и вскорѣ лишаются ея благосклонности. Но Лаура не принадлежала къ числу подобныхъ женщинъ. Она не пренебрегала ни однимъ полезнымъ со-

вѣтомъ, никогда не переставала учиться, и за то всегда была любима публикою.

«Но какъ же зовутъ эту рѣдкую пѣвицу?» наконецъ, безъ сомнѣнія, спрашиваете вы. Когда она была еще маленькою дѣвочкою, ее звали дѣвницею *Синти* (*Cinthe*); на Италіянскомъ Театрѣ, она называлась Г-жею *Чинти*, а потомъ, выйдя за мужъ, она присоединила къ этому имени имя мужа, и теперь, когда она извѣстна всей образованной Европѣ, ее зовутъ Г-жею *Чинти-Даморо* . . .

Цѣлый десять лѣтъ находилась Г-жа Даморо на Италіянскомъ Театрѣ. Въ продолженіе этого времени, нѣсколько разъ предлагали ей дебютировать на сценѣ Королевской Академіи Музыки, но она не соглашалась. Наконецъ случай сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать предложенія. Г-жа Даморо согласилась сыграть роль Филлиды въ оперѣ Лебрена *Соловей*, — оперѣ, которая дана была на этомъ театрѣ въ пользу жителей Салена (*Salins*), пострадавшихъ отъ пожара. Это представленіе, на которое собралось высшее Парижское общество, имѣло успѣхъ неописанный. Чтобы лучше понять эффектъ, произведенный имъ, надобно знать, что въ то время, съ самаго удаленія Г-жи Альберъ, никто (за исключеніемъ, впрочемъ, Нурри) на сценѣ Королевской Академіи Музыки не считалъ нужнымъ вокализировать. Тамъ всѣ кричали, на перерывѣ одинъ передъ другимъ. Артисты прежней школы, въ чель которыхъ находился Деревисъ старшій, не смотря на измѣненія, происшедшія въ искусствѣ, упрямо слѣдовали той методѣ пѣнія, которую Италіяны такъ забавно прозвали *urlo francese*. Но Г-жа Даморо доказала, что даже и на обширной сценѣ нѣтъ ни какой надобности оглушать публику для того, чтобы заслужить рукоплесканія. Примѣру, поданному ею, къ счастью послѣдовали, и представленіе *Соловья* произвело благотворную реформу. Лэ (*Lays*), который, постаравшись, еще могъ пѣть хорошо, начиналъ по временамъ

восхищать публику звуками, нѣсколько подобными прелестнымъ звукамъ голоса нашего Ферзинга, а потомъ и всѣ прочіе перестали переходить за предѣлы умѣренности, въ отношеніи къ пѣнію. Артисты Академіи будто бы боялись испугать милую птичку, которая прилетѣла къ нимъ съ Италіанскаго Театра. Этотъ-то переворотъ произвелъ тотъ магическій эффектъ, о которомъ упомянули мы выше. . . . Дирекція Академіи, раздѣлявшая общій восторгъ, предложила Г-жѣ Даморо перейти на свой театръ.

Г-жа Даморо не вдругъ рѣшилась принять предложеніе дирекціи; она три мѣсяца пѣла попеременно на томъ и на другомъ театрѣ, и только одинъ неслыханный успѣхъ, который заслужила она въ роли *Амазиль*, въ оперѣ Фернандо Коресъ, заставилъ ее перейти въ труппу Академіи.

Съ той поры все измѣнилось на Театрѣ Оперы. Прежняя дурная метода пѣнія исчезла и, какъ будто въ замѣнь ея, тамъ появились произведенія многихъ другихъ знаменитыхъ композиторовъ. Это были: *Осада Коринѳа*, *Ньмалъ въ Портини*, *Моисей*, *Графъ Ори*, *Вильгельмъ Тель*, *Робертъ*, *Клятва*, и пр. Каждая изъ этихъ оперъ была новымъ торжествомъ для чуднаго таланта Г-жи Даморо.

Между тѣмъ, Г-жу Даморо ждало другое поприще: ей суждено было воскресить театръ Комической Оперы, находившейся въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отъ пагубнаго для него соперничества Театра Водевильей. Г-жа Даморо замѣтила, что образцовыя произведенія, успѣху которыхъ на сценѣ Академіи она столь много содѣйствовала, уже не удовлетворяли жадному любопытству публики. Это убѣжденіе склонило знаменитую пѣвицу принять предложеніе Г. Кролье, директора Комической Оперы, который, съ давняго времени, старался привлечь ее на свой театръ. Г-жа Даморо дебютировала на сце-

нѣ Комической Оперы въ *Актеонъ*, *Обера*, который, зная всю цѣну таланта де-бютантки, написалъ для нея въ послѣдствіи *Посланицу*, *Черное Домино* и *Занетту*. Адамъ ввѣрилъ ей судьбу своей *Перонской розы*, и, мало по малу, прелестный Театръ Комической Оперы, котораго была она душою, снова началъ привлекать многочисленныя толпы любителей. Но, къ несчастію, иногда разрываются самыя тѣсныя дружескія связи. Оберъ, столько обязанный Г-жѣ Даморо, вдругъ пересталъ писать для нея роли. Г-жа Даморо скорбилась этимъ, и оставила Комическую Оперу, не смотря на всѣ просьбы, на всѣ убѣжденія. На послѣднее представленіе, въ которомъ участвовала она, публика собралась въ необыкновенномъ множествѣ. Вотъ что было сказано о немъ въ одной Французской газетѣ:

«Г-жа Даморо вчера простилась съ нами: малиновка наша въ послѣдній разъ восхитила насъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ. Надобно думать, однако жъ, что желанія публики будутъ услышаны, и что мы разстанемся съ нашею пѣвицею не на всегда. Поклонники таланта Г-жи Даморо собрались вчера въ Фаварскомъ Театрѣ, чтобы еще разъ привѣтствовать тотъ неподражаемый вкусъ, ту вѣрную и прелестную методу, и наконецъ ту чистоту звуковъ, которые столь рѣдко встрѣчаются въ наше время. Въ этотъ вечеръ, съ живѣйшимъ восторгомъ соединились самыя искреннія сожалѣнія. Никогда ни одна пѣвица не передавала роли *Анжели*, въ *Черномъ Домино*, столь увлекательно, столь мило, какъ передала ее, въ этотъ разъ, Г-жа Даморо. Она, какъ будто, создала ее вновь. Рукоплесканія потрясли театральную залу, цвѣты потокомъ посыпались на сцену.»

Потомъ въ газетѣ присовокупляли:

«Теперь остается намъ протестовать противъ столь преждевременнаго оставленія театра. Г-жа Даморо еще во всей зрѣлости своего таланта. Если она же-

ласть поберечь свои силы, отдохнуть отъ трудовъ, — о чемъ старалась она такъ усердно, — пусть же исполнять ея желаніе; но легко сохранить для комической оперы этотъ, столь совершенный талантъ; надобно только шадить его, считая его образцомъ изящнѣйшей граціи, гибкости, неподражаемой вѣрности сценической и крайней вѣжливости. Г-жа Даморо, навѣрное, не отказалась бы разъ въ недѣлю, или, по крайней мѣрѣ, три раза въ мѣсяцъ, участвовать къ представленіяхъ Театра Фейдо, дабы примѣръ ея драгоцѣнныхъ качествъ не былъ утраченъ для дебютантокъ.»

Это новое предложеніе принято не было: Г-жа Даморо, какъ и выше замѣчено, оставила Комическую Оперу. Но, покинувъ ее, Г-жа Даморо, безъ сомнѣнія, не покинетъ искусства, не перестанетъ пѣть въ публикѣ. Она еще слишкомъ молода для этого; голосъ ея еще не лишился ни своей прелести, ни своей несравненной гибкости. И притомъ, вѣдь искусство заключается не въ одномъ только Парняѣ. Дарованіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ всей Европѣ, можетъ ожидать блестящихъ успѣховъ въ каждой другой столицѣ. Поблагодаримъ же стеченіе обстоятельствъ, безъ котораго мы, быть можетъ, никогда не видали бы у себя этой знаменитой артистки. Поблагодаримъ ее за пріѣздъ въ Петербургъ, и если она останется у насъ только въ продолженіе одного сезона, докажемъ ей, что она не ошиблась, надѣясь на благосклонность Русской публики, которая умѣетъ цѣнить истинное дарованіе.

Г. Гилью.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ОПЕРЫ, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Королевскій Берлинскій Оперный Театръ праздновалъ недавно столѣтній юбилей заложения, въ 1741 году, перваго опернаго театра въ Берлинѣ. Стеченіе публики было чрезвычайное. Представленіе, данное по этому случаю, было названо на афишѣ *Историческою музыкальною Ан-*

тологією, и состояло изъ отрывковъ и сценъ знаменитѣйшихъ Нѣмецкихъ оперъ, написанныхъ въ теченіе вѣка; оно раздѣлялось на двѣ части, изъ коихъ первая была посвящена композиціямъ отъ 1741 до 1790 года, а вторая композиціямъ новѣйшимъ. Два первые нумера первой части имѣли неравную судьбу: въ началѣ была исполнена увертюра оперы *Il Re pastore*, написанной Фридрихомъ Великимъ, въ царствованіе котораго построены первый Берлинскій театр; за тѣмъ слѣдовала сцена изъ *Клеопатры и Цесаря*, опера Грауна, игранной при открытіи этого театра, въ 1742 году. Увертюру Великаго Короля приняли съ восторгомъ, и по общему требованію повторили; но сцена изъ оперы Грауна, хотя исполненная музыкальныхъ красотъ, не произвела ни какого впечатлѣнія: причиною тому были театральные костюмы той эпохи, соблюденные во всей точности. Римскіе герои появились въ красныхъ Французскихъ кафтанахъ, шитыхъ золотомъ, въ напудренныхъ парикахъ à l'oiseau royal, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ красными каблуками, и сверхъ всего этого въ древнихъ шлемахъ; Царица Египетская вышла въ парчевомъ платьѣ, съ шелковыми цвѣтами и арабесками, съ бочками въ пять футовъ ширины, прическою непопулярной высоты, на самой вершинѣ которой гнѣздилась крошечная пастушеская шляпка, и притомъ съ скипетромъ въ рукѣ! Публика не могла удержаться отъ смѣха, и захохотала такъ громко, что заглушила и пѣніе и оркестръ; актеры и особенно актрисы совершенно потерялись, сбились, удалились за кулисы, и должно было опустить завѣсу.—Прочіе нумера первой части, хотя избранные съ знаніемъ дѣла и разсудительно между твореніями Гассе, Фукса, Рейхарда и даже Генделя и Глука, не понравились публикѣ. За то, всѣ піесы второй части, заимствованныя у Моцарта, Винтера, Бетговена, Аббата Фоглера, Вебера, Мейербера и Мендельсона-Бартольди, были осыпаны рукоплесканіями. Эта часть началась увертюрою, написанною покой-

нымъ Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, и поразившею тѣмъ пріятнѣе, что въ музыкальномъ свѣтѣ донынѣ были извѣстны изъ композицій покойнаго Короля только нѣсколько военныхъ маршей, напечатанныхъ въ общемъ собраніи Прусскихъ маршей. Рукопись этой замѣчательной композиціи найдена въ бумагахъ покойнаго Монарха, и утверждаютъ, что она никогда еще не была исполнена, даже въ семейномъ кругу вѣчнаго композитора.

СТРОГОСТЬ ПУБЛИКИ ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Старинные посѣтители театровъ не могли терпѣть, когда въ какой нибудь драмѣ невинность не торжествовала надъ злою судьбою, и когда злодѣи оставались безнаказанными. Въ слѣдствіе этого общепринятаго мнѣнія, котораго очень боялись всѣ директоры театровъ, въ минувшемъ столѣтіи долгое время не рѣшались умерщвлять на сценѣ любимаго публикою Принца Гамлета; окруженный мертвецами и умирающими, онъ читалъ длинный монологъ, въ которомъ давалъ обѣщаніе царствовать кротко и милостиво, и сверхъ того воздвигнуть монументъ надъ могилою Офеліи, для успокоенія души своей.—Хуже всего поступили въ этомъ отношеніи наши дѣды и отцы при представленіи драмы *Агнесы Бернской*, слѣдовательно уже за 60 лѣтъ предъ симъ. Большая часть публки была ожесточена всѣми несправедливостями, заключавшимися въ этой пьесѣ, и наперекоръ истинному происшествію, послужившему сюжетомъ драмы, рѣшила, что интересная Агнеса не должна погибать въ волнахъ, а жестокой тиранъ, весьма слабо наказанный въ пьесѣ, долженъ непременно подвергнуться уголовной казни. Публика забушевала, и актеръ, представлявшій тирана, не смѣлъ показываться ни въ одномъ трактирѣ, изъ опасенія получить, если не казнь, то, крайней мѣрѣ, побоевъ, слѣдовавшихъ, по общему приговору публики, ненавистному тирану. Нѣмецкаго актера Валлершенка,

пгравшаго эту роль въ Зальцбургѣ, едва не закололи, за ужиномъ въ трактирѣ, обыкновенными столовыми ножами, и его спасла только подоспѣвшая на крикъ стража. Неизвѣстно до чего бы дошло это ожесточеніе публики, если бы не явился избавитель для артистовъ, Нѣмецкій писатель Шиканедеръ, который измѣнилъ окончаніе пьесы, на перекоръ историческому происшествію, и вдругъ явилась на афишѣ надпись: Сегодня, при представленіи *Агнесы Бернской*, не она, а тиранъ Вицедомъ будетъ свергнутъ съ моста въ воду.» — Публика была въ восторгѣ, и при представленіи плакала отъ всей души!

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ: И. А. ДМИТРЕВСКИЙ ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ ПАНТЕОНѢ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Эта Біографія Дмитревскаго или, справедливѣе, повѣсть, написана Г-мъ Коппи. Не входя въ разбирательство ея литературнаго достоинства, я замѣчу только, что она наполнена множествомъ ошибокъ и промаховъ, доказывающихъ только смѣлость Г-на сочинителя статьи, который берется писать о томъ, чего не знаетъ. Мы, коренные жители Ярославля, знакомые съ мѣстностію города и обычаями его жителей, только посмѣялись надъ вздоромъ, который рассказываетъ Г-нъ сочинитель, но другіе могутъ ему повѣрить и — обмануться, а потому я покорнѣйше прошу Редакцію *Репертуара*, берущаго въ будущемъ году и *Пантеонъ* подъ свою опеку — къ общему удовольствію любителей Театра, напечатать мои замѣчанія.

а) Въ Біографіи сказано, что «первоначальное открытіе Русскаго Театра было въ Праздникъ Св. Апостоловъ Петра и Павла, въ кожеевномъ амбарѣ купца Полушкина, когда онъ праздновалъ свое рожденіе.» — Неужели Г. Коппи не знаетъ, что Русскіе купцы вообще, и Ярославскіе въ особенности, день сво-

его рожденія не празднуютъ даже и теперь, а въ 1750 году и подавно не праздновали, а празднуютъ они день именинъ — это другое дѣло, празднуютъ, начиная отъ бѣдняка до богача, всегда по силѣ и возможности каждаго? Такъ было и у Полушкина: онъ исправлялъ день своихъ именинъ, а не рожденія. О томъ я слышалъ отъ старожилловъ Ярославскихъ; то же самое писалъ П. Н. Сумароковъ, вѣроятно, слышавшій объ этомъ событіи отъ самихъ Волкова и Дмитревскаго, но котораго числа и мѣсяца былъ этотъ праздникъ, не извѣстно.

б) «Весь переулокъ, обхващенный забборомъ селитряныхъ, сѣрныхъ и кожевенныхъ заводовъ купца Полушкина, былъ унизаиз (?) любопытнымъ. Здѣсь Г. сочинитель всѣ заведенія Полушкина смѣшалъ въ одно мѣсто, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они находились въ разныхъ мѣстахъ, а именно: домъ и при ономъ кожевенный заводъ находились внутри такъ называемаго Землянаго Города, въ приходѣ Никола-Надейнскаго Церкви. Каменный домъ, въ которомъ жилъ Полушкинъ, существуетъ понынѣ на Пробойной Улицѣ, возлѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и принадлежитъ Г. Холмогорову; онъ теперь внутри и снаружи перестроенъ, но стѣны и подвалы тѣже. Нынѣшній лицевой фасадъ, при Полушкинѣ былъ обращенъ на дворъ, а дворовый на улицу, ибо тогда Пробойной Улицы не было, а находилась другая, Ильинская, по ту сторону дома (нынѣ застроенная присутственными мѣстами). Слѣдовательно, часть нынѣшней Пробойной Улицы и противолежащее мѣсто, нынѣ принадлежащее Г. Шишкину и мѣщанину Узденникову, вплоть до Никола-Надейнскаго Церкви, составляло собственность Полушкина. На этомъ-то мѣстѣ находился кожевенный заводъ, знаменитый по рожденію въ немъ Русскаго Театра. До 1831 года, на землѣ, принадлежащей теперь Г. Шишкину, существовало большое, продолговатое со сводами каменное

зданіе, судя по архитектурѣ, построенное около 1700 года. Это былъ тотъ самый амбаръ, гдѣ въ первый разъ устроенъ былъ храмъ Мельпоменѣ и Талин. Въ послѣдствіи времени, заводъ уничтоженъ, земля Полушкина, при новой планировкѣ города (по Высочайше утвержденному плану 1778 года), раздѣлена улицей на двѣ части, и поступила къ разнымъ владѣльцамъ, каменный же амбаръ долго служилъ складочнымъ мѣстомъ для хлѣбнаго вина, и наконецъ, для распространенія двора, предшественникомъ Г. Шишкина, Г-мъ Пономаревымъ сломанъ. Вотъ настоящее и подлинное мѣсто рожденія Русскаго Театра. Селитряный и сѣрно-купоросный заводы находились за городомъ, на берегу рѣки Волги, верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дома Полушкина; нынѣ это мѣсто принадлежитъ Г. Мойкову; прежніе селитряный и сѣрно-купоросный заводы замѣнены теперь водочнымъ и пивовареннымъ. Напротивъ завода, за оврагомъ, существуетъ чистая древяная сосновая роща, принадлежавшая прежде тоже Полушкину; она донынѣ сохраняетъ названіе *Полушкиной*, и служить, въ лѣтнее время, мѣстомъ пріятной прогулки для жителей Ярославля, куда они пріѣзжаютъ цѣлыми семействами, съ самоварами, чаемъ, закусками и проч., повеселиться и подышать чистымъ воздухомъ, на берегу величественной Волги.

в) Что касается до утвержденія Г-мъ сочинителемъ статьи, будто бы Полушкинъ угощалъ гостей своихъ «Кизляркой и домашнимъ пивомъ». Это утвержденіе до казываетъ, что Г. сочинитель не только плохо знаетъ тогдашній бытъ Русскій, но вообще весьма не далекъ въ самыхъ простыхъ историческихъ свѣдѣніяхъ: довольно сказать одно, что городъ Кизляръ, откуда привозится Кизлярская водка, только не задолго до того времени основанъ, слѣдовательно и не могъ снабжать Россію своей водкой; притомъ же, Кизлярскую водку пьютъ только съ чаемъ, а

о чаѣ въ то время и помину не было! Въмѣсто всего этого, у Русскихъ купцовъ были въ большомъ употребленіи разнородныя домашнія наливки, разнородныя варенья и мореные пива и меды, а какъ Полушкинъ былъ богатый и извѣстный, не только въ Ярославлѣ, но и въ Петербургѣ купецъ, и притомъ Русскій хлѣбосоль, слѣдовательно, у него недостатка не было не только въ отличныхъ наливкахъ, крѣпкихъ пивахъ и сладкихъ медахъ, но и въ заморскихъ винахъ.

г) «*Полушкинъ, въ смазныхъ Нѣмецкихъ сапогахъ, поглаживая рыжую бородку, стоялъ у входа и низко кланялся.*» — И вынѣ брадатые наши купцы привержены болѣе къ козловымъ, нежели къ смазнымъ сапогамъ; а въ то время смазныхъ сапоговъ и вовсе не носили, слѣдовательно, Полушкинъ былъ въ козловыхъ сапогахъ, и гладил не *бородку*, а *окладистую бороду*, ибо бородки носятъ только нинѣшніе Французско-Русскіе щеголи, а мы, Русскіе купцы, носили *бороды*.

д) «*Безпрестанно изъ маленькихъ дверей, гдѣ жилъ главный прикащикъ завода О. Г. Волковъ, съ братьями, прибѣгали въ сарай люди.*» — Не знаю, съ чего вздумалось Г. Кони наименовать Федора Григорьевича Волкова съ братьями прикащиками *Полушкина*, когда они были его *пасынки* или почти *усыновленные дѣти*, ибо старикъ Полушкинъ женатъ былъ на вдовѣ, Костромской купчихѣ Волковой, у которой отъ перваго мужа были три сына, Федоръ, Григорій и Гаврило; старшій завѣдывалъ всѣми делами своего отчима, бывалъ ежегодно въ Петербургѣ для продажи и покупки товаровъ, и тамъ - то, при видѣ Италіянскаго, Нѣмецкаго и Французскаго театровъ, родилась въ немъ мысль основать въ Ярославлѣ Русскій Театръ, что и исполнилъ онъ, не смотря на предрасудки многихъ изъ своихъ согражданъ, называвшихъ заведеніе театра дѣломъ еретическимъ, бесполезнымъ и проч. Впрочемъ

Волковъ былъ истинный Христіанинъ и примѣрный сынъ Церкви; онъ дѣлалъ отъ своего усердія многіе вклады въ свою приходскую Николо-Надейскую церковь, которые и теперь можно видѣть въ разныхъ вещахъ. Особенно заслуживаетъ вниманія по красотѣ, тщательной отдѣлкѣ и позолотѣ иконостасъ въ холодной церкви, по его рисунку и его стараніемъ устроенный, нѣсколько похожій на Петро-Павловскій, что въ С. Петербургской Крѣпости, который, должно полагать, и взятъ въ образецъ, но въ меньшемъ размѣрѣ и со многими измѣненіями. Этотъ иконостасъ волюнѣ доказываетъ изящный вкусъ Волкова.

Въ заключеніе скажу, что П. А. Дмитревскій родился въ Ярославлѣ, 28-го Февраля 1734 года, слѣдовательно онъ умеръ 87-ми лѣтъ 8-ми мѣсяцовъ, а не 93-хъ, какъ сказано въ біографической повѣсти.

С. С.

Ярославскій купецъ.

НЕКРОЛОГИЯ.

Недавно скончался въ Парижѣ извѣстный драматическій писатель, Г. Теолопъ, долгое время съ любовью и усердіемъ трудившійся для Французской сцены. Жюль-Жаненъ, театральнй критикъ *Журнала Преній* (Journal des Débats), слѣдующимъ образомъ говоритъ о кончинѣ этого писателя:

«Г. Теолопъ скончался на прошедшей недѣлѣ, вдругъ, сочинивъ и прощѣвъ послѣдній куплетъ свой. Онъ былъ человекъ ума необыкновеннаго, тонкаго, развязнаго, изящнаго, дѣятельнаго, творческаго. Никого изъ самыхъ искусныхъ театральныхъ *забавниковъ* (amuseurs) нашего времени нельзя сравнить съ Г. Теолопомъ. Онъ родился изобрѣтателемъ, и обладалъ многими свойствами писателя комическаго: наблюдательностью, насмѣшкою, веселіемъ, неприужденностію. Подобно стариннымъ драматическимъ писателямъ, онъ жилъ со дня на день, и конечно, употреблялъ болѣе усилий, чтобъ умереть въ бѣдности, нежели

бы стоило ему постараться, чтобъ скончаться въ замкѣ, который бы принадлежалъ ему.

«Часто говорятъ о Лопе-де-Веги, Кальдеронѣ и ихъ удивительной плодovitости; но что она такое въ сравненіи съ плодovitостью Теолона (*)? До чего онъ ни прикасался, все превращалось въ водевилъ или комедію. Въ одинъ мигъ назначалъ онъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, всегда послушныхъ голосу своего повелителя. Разговорный языкъ его былъ простъ, естественъ и легокъ; онъ постыдился бы заимствовать острыя слова изъ книгъ, или списывать готовые сцены изъ забытыхъ комедій. Веселіе его было не шумное, и не принуждало васъ смѣяться во что бы ни стало; онъ былъ недалководивенъ, но за то смотрѣлъ на вещи съ должной точки. — Таковъ былъ этотъ человекъ, многочисленныя успѣхи котораго увлечены временемъ гораздо скорѣе, нежели можно было предполагать. Онъ, однако же, не дорожилъ своими произведеніями, и даже часто забывалъ названія самыхъ лучшихъ піесъ своихъ. Однажды, я самъ видѣлъ Теолона, хохотавшаго отъ всей души и рукоплескавшаго при представленіи комедіи, сочиненной имъ задолго предъ тѣмъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что самъ былъ ея авторомъ.

«Вокругъ Теолона, въ продолженіе его жизни, появлялось множество громкихъ именъ и репутацій. Многіе пріобрѣтали успѣхи блистательнѣе, но не многочисленнѣе его. Изъ области, принадлежавшей ему по всѣмъ правамъ, начиная отъ Французской Комедіи до Комической Оперы, отъ Большой Оперы до водевиля, отъ Театра

des Variétés до Gymnase, онъ былъ изгнанъ мало по малу, и замѣненъ другими, но не замѣненъ ими. Онъ, однако же, никогда не замѣчалъ этой несправедливости. Нисколько не защищаясь, онъ уступалъ мѣсто свое первому, изъяслявшему на то желаніе. Рождалась ли въ немъ новая идея — драгоценная рѣдкость въ нашемъ вѣкѣ, — онъ не скрывалъ ее ни отъ кого, и ею обыкновенно пользовались другіе. Окончивъ прекрасную сцену, онъ ее рассказывалъ вѣтрѣчному — поперечному. Какъ часто отдавалъ онъ, за безцѣнокъ — за женскій эшарпъ, за золотую пряжку, за розовую шляпку — половину водевиля, за который могъ бы пріобрѣсть нѣсколько десятинъ земли! — Изъ всѣхъ людей, продающихъ умъ свой первому покупщику, изъ всѣхъ изобрѣтателей, не сохраняющихъ ничего для самихъ себя; изъ всѣхъ счастливыхъ поэтическихъ бродягъ, довольныхъ малымъ, имени которыхъ не знаетъ ни одинъ банкиръ, ни одинъ нотариусъ или маклеръ, словомъ, изъ всей беззаботной литературы, живущей и мыслящей на удачу, и изгладившей изъ своего словаря безпокойное слово: *завтра*, Теолона былъ послѣднимъ. За то, какъ онъ улыбался, когда ему показывали карету А*, его товарища, домъ Б*, другаго товарища его, помѣстье В*, также товарища его, академическія кресла Д*, товарища же его, Что! фермы, дома, мызы, Академія! восклицалъ Теолона. О Панаръ, о Пиронъ, и ты, Лесаажъ, нашъ общій наставникъ, гдѣ вы, и что скажете вы о томъ?

«И такъ, во Вторникъ, несчастнаго Теолона отвезли въ послѣднее жилище, а на слѣдующій за тѣмъ день возвѣщали на Театрѣ водевиля послѣднюю піесу Теолона. Какое малое разстояніе между прощальнымъ куплетомъ и литіей de profundis! Что дѣлать: театръ подобенъ смерти—его не остановитъ ничто. Подавайте намъ ежедневно и смѣхъ и горе. Ты умеръ, хорошо: тебя похоронятъ поутру, но вечеромъ, по обязанности, ты долженъ насъ смѣшить. Поутру мы приготовимъ для

(*) Замѣчательнѣйшія изъ его піесъ суть: La Clochette, les Rosières, le Chaperon Rouge, le Roi et le Laboureur, Jeanne d'Arc, Partie et Revanche (Усм), Partie carrée, les Maris ont tort, la Mère au bal et la fille à la maison, la Suite du Folliculaire, M. Jovial, ou l'huissier chansonnier (Страпчій полъ столомъ), le Barbier Chatelain, Jovial en prison, le Bénéficiaire, le Centenaire, Kean, le Père de la Débutante (Левъ Гурычъ Синичкинъ) и пр. и пр.

твоего гроба яму аршина въ три, и засыпемъ тебя землею, а вечеромъ, для твоего ума, нарядимся, будемъ хлопать и улыбаться. И такъ, любезнѣйшій другъ, завѣсь чело свое крепомъ чернымъ, а тѣло крепомъ розовымъ.

«Послѣдняя пѣса Теолона называется: *l'Ingrénue de Paris*, т. е. *Парижская невинная дѣвочка*. Эрнестина, при всей своей невинности, влюбляется въ Алберта, не отвергаетъ любви Г. Ришара, успокаиваетъ припадки ревности степеннаго Жермини, и утѣшаетъ молодую тетюшку свою Дельфину... Однимъ словомъ, она настоящая Парижская невинная дѣвочка! — Слѣдя за драматическимъ ходомъ пѣсы, слушая радостный хохотъ, остроумныя шуточки, сладкія любовныя рѣчи, намъ не вѣрились, что видимъ предомгильную шутку, что за этою театральною маскою скрывается мертвая голова, и что только наканунѣ того дня преданы землѣ послѣдніе останки нашего автора. Дождь лилъ ливмя, вѣтеръ дулъ пронзительно; послѣдніе листья плачущей ввы жалостно носились надъ могилами. Бѣдный трупъ нашего автора замерзалъ въ саванѣ; рука его, не мало написавшая на своемъ вѣку костенѣла навсегда; уста его, издававшія столько радостныхъ пѣсень, уже леденѣли — точащій червь проникалъ въ сердце, не разъ ощущавшее пламенную

любовь. А между тѣмъ, всѣхъ насъ еще смѣшила его радость, его умъ, его доброе и веселое расположеніе, вновь распутившееся на самомъ краю могилы. Какія противоположности бывають въ нашей жизни, и какъ былъ бы радъ самъ Теолонъ, если бѣ могъ быть свидѣтелемъ этого контраста!»

— Сверхъ того умерла въ Парижѣ недавно Г-жа Жеводанъ, извѣстная въ драматическомъ свѣтѣ подъ именемъ Г-жи Девіень. Она родилась въ Лионѣ въ 1765 г., дебютировала 7-го Апрѣля 1785 въ Парижѣ, въ роли Дорины, въ *Тартюфѣ*, и была принята на театръ въ томъ же году. Въ 1793 г. она была заключена въ темницу, наравнѣ съ прочими артистами и артистками, и потомъ, въ 1794 г., поступила въ труппу, изъ которой со временемъ образовался Французскій Театръ. Г-жа Девіень особенно отличалась въ роляхъ субретокъ, и сошла съ театра въ 1815 г.

— Германская сцена понесла недавно тяжкую потерю: 28-го Ноября скончался, послѣ продолжительной болѣзни, Дрезденскій актеръ Паули. Онъ приобрѣлъ извѣстность на всѣхъ Нѣмецкихъ театрахъ, мастерскою игрою въ характерныхъ роляхъ, и отличался и въ драмѣ и въ высокой комедіи.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Театральный Телеграфъ начать исполнѣ дѣйствовать въ *Репертуаръ* и *Пантеонъ* только съ 1-го Января 1842 года, сообщая, *дважды* въ мѣсяцъ, всѣ извѣстія, вѣсти и слухи объ Европейскихъ Театрахъ и артистахъ. Въ нынѣшней книжкѣ *Репертуара* и *Пантеона* представляется только *перечень* любопытнѣйшихъ театральныхъ извѣстій конца 1841 года, не взирая на то, было ли упомянуто о томъ въ другихъ Русскихъ журналахъ. Съ 1-го Января 1842 года, каждая почта будетъ приносить новѣйшія извѣстія изъ-за границы, а корреспонденты *Репертуара* и *Пантеона*, въ Москвѣ и другихъ Русскихъ городахъ, гдѣ находятся театры, станутъ сообщать отечественныя новости.

— Намъ чрезвычайно пріятно украсить первую книжку нашего изданія новымъ доказательствомъ в. сокаго вниманія и милости, которыхъ удостоился лучший артистъ нашъ, В. А. Каратыгинъ, по ходатайству попечительнаго Театральнаго начальства,—вниманія и милости, не менѣ лестныхъ заслужившему ихъ артисту, какъ и лицамъ, предстательствовавшимъ за него при Августѣйшемъ Покровителѣ изящныхъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Россійскій Придворный Актеръ, Г. Каратыгинъ 1-й, получилъ отъ Его Превосходительства, Г. Директора Императорскихъ С. Петербургскихъ Театровъ, А. М. Гедеонова, бумагу слѣдующаго содержанія:

«Согласно всеподданнѣйшему представленію моему о примѣрномъ усердіи и отличномъ талантѣ вашемъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по окончаніи вашей выслуги, въ благодарность за пожалованный пенсіонъ, то есть:

съ 19-го Мая будущаго 1842 года, сверхъ прежде получаемаго вами отъ Дирекціи жалованья, производить вамъ, не въ примѣръ другимъ, еще изъ Кабинета Его Величества, по тѣмъ счѣтѣ шести сотъ пятидесяти семи рубл. ежегодно, во уваженіе отличнаго таланта и усердія вашего.

«Поздравляя васъ съ симъ знакомъ Монаршаго благоволенія, я прошу васъ быть увѣреннымъ, что Высочайшее вниманіе, по ходатайству моему, истинно осчастливило меня, доставивъ мнѣ случай отдать дань справедливости первому отечественному таланту, и доказать вамъ мое совершенное уваженіе.»

— Можемъ порадовать любителей драматургіи надеждою на много новаго и важнаго по части драматической литературы. Два даровитые и дѣятельные драматическіе писатели написали или оканчиваютъ столько прекрасныхъ вещей, что самая взыскательная сцена могла бы довольствоваться ими въ теченіе года. Н. А. Полевой совершенно кончилъ превосходную драму свою: *Елена Глинская*, которая еще въ нынѣшнюю зиму, и даже очень скоро, будетъ играна на здѣшнемъ театрѣ; она будетъ напечатана во *второй* книжкѣ Репертуара и Пантеона. Кроме того, у Н. А. Полеваго копчены и ждутъ только окончательной отдѣлки: 1) *Мать Испанка*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. 2) *Государственная тайна*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ. 3) *Неразлучные*, водевиль въ одномъ дѣйствіи. 4) *Пажъ-Невѣста*, водевиль-шутка въ одномъ дѣйствіи. 5) *Вампировъ*, комедія изъ современныхъ нравовъ, въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Въ

работъ: 6) *Сарданпаль*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 7) *Саконтала*, Индѣйская драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. 8) *Массинисса*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 9) Переводъ Шекспирова *Тимона*. 10) *Ломоносовъ*, трилогія въ прозѣ: *Рыбакъ, студентъ и профессоръ*.—П. Г. Ободовскій, который оказалъ незабвенныя услуги Русской Драматургіи въ частности и Русской Словесности вообще, перенося изъ малоизвѣстной Нѣмецкой и почти вовсе неизвѣстныхъ Итальянской и Испанской Словесностей лучшія сокровища на Русскую почву удачными переводами и передѣлками, въ которыхъ блистаетъ самородный талантъ искуснаго передѣльвателя, П. Г. Ободовскій столько же восхищаетъ насъ своимъ дарованіемъ, сколько удивляетъ дѣятельностію. Онъ окончилъ новый переводъ: 1) *Донъ Карлоса*, трагедіи Шиллера, исправивъ и передѣлавъ многое противъ прежняго перевода. 2) Перевелъ трагедію Шиллера, въ стихахъ: *Димитрій Самозванецъ*, конченную послѣ смерти Шиллера Барономъ Мальтицемъ. 3) Передѣлалъ, въ стихахъ, драму соч. Гальма (автора Гринзельды) *Адептъ*, давъ ей болѣе понятное заглавіе: *Талисманъ искусителя*. Оканчиваются и отдѣляются у П. Г. Ободовскаго: 4) *Игра счастья*, драма переведенная съ Англійскаго на Нѣмецкій языкъ Тепферомъ; 5) Оригинальная драма, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ: *Килзъ Шуйскіе, съпрологомъ: Сдача Кексгольма*; 6) *Жена Воеводы Морозова*, или *Русская хлѣбъ-соль*, оригинальная драма, въ прозѣ, въ двухъ дѣйствіяхъ. 7) *Федотъ, да не тотъ, или Не хочу быть купчихой*, комедія въ прозѣ, подражаніе Испанской комедіи: *No mas mastrador* (т. е. не хочу вывѣски), соч. Доña Маріано Хозе де Лара. Комедія эта имѣла колоссальный успѣхъ на Мадридскомъ Театрѣ де ла Круссе. Почтенные авторы всѣхъ поименованныхъ здѣсь сочиненій, изъ особенной благосклонности своей къ новой редакціи *Репертуара и Пантеона*, предоставили всѣ свои творе-

нія въ полное распоряженіе редакціи, и эти превосходныя піесы будутъ напечатаны въ этомъ изданіи, для славы Русской Драматургіи и для наслажденія ея любителей.

— Кромѣ того, лучшіе наши водевиллисты: Д. Т. Ленскій, Н. А. Коровкинъ, П. А. Каратыгинъ, П. С. Федоровъ и П. И. Григорьевъ, предоставили на выборъ редакціи труды свои, желая, изъ любви къ искусству, содѣйствовать успѣху *Репертуара и Пантеона*, послѣ ихъ перерожденія съ текущаго 1842 года, подъ благоустроенною редакціею, состоящею изъ литераторовъ, уже извѣстныхъ публикѣ и заслужившихъ ея благосклонное вниманіе.

— На этомъ же основаніи многіе недраматическіе писатели изъявили готовность свою содѣйствовать также успѣху *перерожденнаго* изданія. Н. П. Гречъ, между прочимъ, пишетъ для *Репертуара и Пантеона: Взглядъ на современное состояніе театровъ въ Италиі*. П. А. Корсаковъ, возвратившійся нынѣшнею осенью изъ чужихъ краевъ, обѣщалъ сообщить: *Русскій взглядъ на театры въ Парижѣ и Лондонѣ*. П. А. Корсаковъ долгое время служилъ при Дирекціи Театровъ, много переводилъ для сцены, и знаетъ хорошо это дѣло. Ѳ. В. Булгаринъ сообщилъ въ редакцію нѣсколько юмористическихъ статей, въ своемъ родѣ. Одна изъ этихъ статей помѣщена въ этой книжкѣ, другія будутъ напечатаны въ послѣдствіи. Н. А. Полевой также обѣщалъ театральную повѣсть для Репертуара. Многіе другіе литераторы также обѣщали украсить это изданіе своими трудами, но мы не можемъ назвать ихъ, потому что еще не знаемъ заглавія статей.

Вообще всѣ благомыслящіе литераторы, истинные любители Русскаго Слова и Драматургіи, приняли искреннее участіе въ *Репертуарѣ и Пантеонѣ*, и редакція имѣетъ полное право надѣяться, что это изданіе будетъ соответствовать своей цѣли и нынѣшнему состоянію Европейской Литературы. Литературная фирма редакціи: *новость, точность, выборъ и разнообразіе*.

— Намъ сообщаютъ изъ Ярославля извѣстія о вновь открытомъ тамъ, 27-го Ноября, Театрѣ, построенномъ С. Петерскимъ купцемъ Михайломъ Яковлевичемъ Алексѣевымъ, — безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, изъ чистой любви къ искусству. Постройка театра начата въ 1841 году, и весь онъ поспѣлъ въ шесть мѣсяцевъ. Зала вмѣщаетъ въ себѣ 74 кресла, до 80-ти мѣстъ за креслами, два яруса ложъ, устроенныхъ безъ колоннъ, и надъ ними галерею и парадисъ. Полный сборъ простирается до 1000 р. асс. Для открытія театра, Г. Алексѣевъ со всею труппою своею, состоящею человекъ изъ двадцати, на сценѣ пропѣлъ народный гимнъ, и за тѣмъ началъ спектакль. Давали водевилъ: *Левъ Гурьичъ Синишкинъ*. На слѣдующій день представлена драма: *Поголкинъ и водевилъ Домъ на Петербургской Сторонѣ и Представленіе Французскаго водевиля изъ Русской провинціи*. 30-го числа давали драму: *Стенька Разинъ*. Въ труппѣ Г. Алексѣева хвалятъ комика Громова, артиста Орлова, трагика Полякова и актрису Соловьеву. На Ярославскомъ Театрѣ есть и танцовщица, съ Московскаго Театра, Г-жа Кузнецова, танцовавшая въ одномъ изъ спектаклей *качучу*. Но, всего достойнѣе удивленія, что труппа Г-на Алексѣева ставитъ оперы: къ Декабрю она приготавливала *Цампу*, и, мало того, намѣрена приступить къ постановкѣ *Роберта*.

— Французскій Театръ въ Парижѣ, на которомъ все еще не рѣшена борьба между актрисами Рашель и Максимъ, давалъ въ послѣднее время *Митридата*, *Марію Стюартъ* и *Ифигенію*, въ которыхъ обѣ эти артистки играютъ вмѣстѣ. Въ *Маріи Стюартъ* Рашель выше своей соперницы, но въ *Расиновыхъ* пѣсахъ онѣ почти равны. На этомъ же театрѣ дебютировала недавно молодой трагическій артистъ, Г. Дарисъ, рѣдкость въ наше время, когда всѣ молодые артисты предпочитаютъ эффектную неистовую драму об-

думанной и трудной трагедіи. Г. Дарисъ еще не совсѣмъ увѣренъ на сценѣ, но все таки составляетъ пріятное появленіе для театра, гдѣ съ юными трагическими артистками, каковы Рашель и Максимъ, играютъ одни старички старинной школы. — Сверхъ того дебютировала на томъ же театрѣ Г-жа Бурбье, бывшая долгое время на нашемъ Петербургскомъ Французскомъ Театрѣ. Она явилась въ роли Тисбы, въ *Венеціанской Актрисы*, и вообще понравилась Парижской публикѣ.

— Весьма замѣчательна новая комедія Скриба, *Une Chaîne*, имѣвшая огромный успѣхъ на Французскомъ Театрѣ, въ Парижѣ.

— На томъ же театрѣ рѣшился недавно старинный споръ, продолжавшійся лѣтъ двадцать — о достоинствѣ трагедіи *Арбогастъ*, соч. Академика и Члена Палаты Перовъ, Г. Виене. Трагедія эта упала при первомъ представленіи, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ автора ея, имѣвшаго какую-то непреодолимую слабость къ послѣднему изъ драматическихъ произведеній своихъ. Болѣе двадцати лѣтъ носились въ публикѣ слухи объ этой трагедіи, сочиненной еще въ то время, когда были въ модѣ трагедіи Люсь де Лансевала, Легуве, Бауръ-Лорміана, Ренуара, Жуп и Лебрена, и паденіе *Арбогаста* произвело столь сильное впечатлѣніе на автора ея, что онъ занемогъ, и немедленно взялъ свою піесу обратно, хотя, по законамъ театра, имѣлъ право требовать трехъ представленій ея. По этому, въ Парижскихъ журналахъ напечатали, что трагедія Г-на Виене была представлена *лишній разъ*. Г. Виене не ограничился этимъ. Оправившись отъ сильнаго и неожиданнаго потрясенія, онъ явился въ собраніе Коммисіи драматическихъ писателей, собирающихся подъ его предсѣдательствомъ, и объявилъ тамъ, что онъ не можетъ болѣе считаться драматическимъ писателемъ, а просить объ увольненіи. Ничто не могло отклонить его отъ этого отчаяннаго рѣшенія, и во-

ротаясь домой, онъ послалъ просьбу объ увольнении его изъ Палаты Перовъ и изъ Французской Академіи. Результатъ еще не извѣстенъ, но, во всякомъ случаѣ, это первый примѣръ добровольнаго отреченія отъ академическихъ кресель. — Для утѣшенія заслуженнаго литератора, къ нему явилась депутація актеровъ Французскаго Театра, для объявленія, что они, безъ тяжбъ и процессовъ, совершенно добровольно, поставятъ на сцену, тщательно и съ роскошью, одну изъ трехъ трагедій его, находящихся въ рукописи, и лежавшихъ въ Комитетѣ, вмѣстѣ съ Арбогастомъ, болѣе двадцати лѣтъ. При этомъ случаѣ, невольно вспоминаемъ анекдотъ. Когда Г. Виене отдалъ на разсмотрѣніе театральнаго Комитета четыре трагедіи вдругъ, еще при Лудовикѣ XVIII, извѣстный поэтъ Беранже только что былъ выпущенъ изъ тюрьмы за одну изъ пѣсень своихъ противъ дурныхъ и пристрастныхъ судей. Виене, встрѣтивъ его, спросилъ: «Что, любезнѣйшій? Въ шесть мѣсяцевъ заточенія, вы, я думаю, написали множество пѣсенокъ!» — Какъ множество? возразилъ поэтъ. Неужели вы думаете, что пѣсенки писать такъ же легко, какъ трагедіи?

— Весьма замѣчательнымъ явленіемъ на Театрѣ Большой Оперы, въ Парижѣ, были въ послѣднее время, дебюты новаго тенора, Руанскаго бочара Путье (Poultier). Занимаясь своимъ мастерствомъ, онъ давно восхищалъ товарищей своихъ рѣдкимъ, высокимъ голосомъ. Слухи о томъ дошли до Парижскихъ любителей музыки, которые немедленно рѣшили образовать изъ него пѣвца, достойнаго самой взыскательной публики въ мірѣ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ не щадили издержекъ для перевоспитанія простаго ремесленника въ артиста; не забыли ничего, начиная отъ грамматики и сольфеджей, до верховой ѣзды и фехтованья. Онъ наконецъ дебютировалъ—съ успѣхомъ посредственнымъ. Однако же, послѣдующіе дебюты его, въ *Нильмой* (Фенелль), увѣнча-

ли старанія его, и роль Мазаниелло была проѣта и сыграна имъ удачѣе всѣхъ другихъ. Кромѣ того дебютировалъ на томъ театрѣ другой теноръ, Г. Делаже (Delabaye), въ трудной и опасной роли Роберта. Голосъ его вѣрепъ, чистъ, метода весьма хорошая. Къ сожалѣнію, послѣ перваго дебюта онъ захворалъ, и долженъ былъ отложить на нѣкоторое время дальнѣйшіе дебюты. Въ оперѣ *la Favorite* дебютировала Г-жа Речіо (Resio), обладающая чистымъ и пространнымъ сопрано. Впрочемъ, Большая Опера ограничивалась Вильгельмомъ Теллемъ, Донъ Жуаномъ, Робертомъ, Жидовкою, Гугенотами и Фавориткою, въ ожиданіи двухъ новыхъ оперъ, *Кипрской Царицы* (*la Reine de Chypre*), музыка Галеви, и *Пертская Красавица*, музыка Адана. Первая изъ этихъ оперъ играна 22-го Декабря, съ блистательнымъ успѣхомъ.—Мейербера ожидаютъ со дня на день; по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ онъ займется партиціею новой оперы *Пророкъ*.

— Парижская Комическая Опера, вѣрная принятой ею однажды системѣ, т. е. зная, что въ Парижѣ должно ежеминутно подавать алчущей публикѣ все новости да новости, придумала, за неимѣніемъ новостей, прибѣгнуть къ старому, забытому, и вновь поставила на сцену оперы, которыми восхищались наши родители. Появился: *Камилла*, *Ричардъ Львиное Сердце*, наконецъ даже *Жокондъ* и *Жанъ Парижскій*, и всѣ онѣ были приняты публикою съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ бы она приняла оперы новыя. Въ нихъ отличалась молодая пѣвица Россикачія, которой предвѣщаютъ Европейскую извѣстность, наравнѣ съ бывшею примадонною того же театра, Г-жею Даморо-Чинти.—Въ Декабрѣ, играны, однако же, на этомъ театрѣ двѣ новыя оперы. Первая изъ нихъ: *Юность Карла V* (*la Jeunesse de Charles-Quint*), соч. Мелесвиля и Дюверье, музыка Монфора. Сюжетомъ этой пьесы служитъ любовное приключеніе изъ неистощимаго источника

похожденій, приписываемыхъ великому Императору. Музыка легкая, пріятная и правильная, и заключаетъ въ себѣ множество очень счастливыхъ мелодій. Вторая опера, Mlle de Mérange, соч. Левена и Брунсвика, музыка Генриха Потье. Эта Mlle de Mérange съ родни дѣвицъ де Бель-Шль, съ тою разницею, что опера въ одномъ дѣйствіи, а извѣстная комедія Дюма въ пяти. Музыку написалъ новичекъ въ дѣлѣ, подающій самыя утѣшительныя надежды, хотя слѣдуетъ влеченію времени, и не щадитъ тромбоновъ, даже въ акомпаниментѣ простой пѣсенки.

— На Итальянскомъ Театрѣ въ Парижѣ, поставили вновь оперу *Луція Ламермурская*, Дондзетти, и *Turco in Italia*, вѣчноюнаго Россіи. Въ его же неподражаемомъ *Barbieri di Siviglia* дебютировалъ недавно съ успѣхомъ сынъ извѣстнаго пѣвца Лаблаша, въ роли Фигаро, которую донинѣ съ рѣдкимъ совершенствомъ игралъ его отецъ. Самъ Лаблашъ занималъ роль Бартоло, и придалъ ей, игрою и пѣніемъ, совершенно новый характеръ.

— На Театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Ворота, гдѣ играютъ главнѣйшіе трагики нынѣшней Французской сцены, Фридерикъ Леметръ и Бокажъ, ставятъ на сцену множество замѣчательныхъ пьесъ: *Антони*, оставленнаго съ нѣкотораго времени, большую драму Леона Гослана, и трагедію молодого поэта Адольфа Дюма, подъ заглавіемъ: *Молиеръ, Лудовикъ XII и Г-жа де ла Валиеръ*. Сверхъ того, надѣются получить отъ Виктора Гюго драму *Анна Австрійская*.

— Изъ послѣднихъ новостей на Парижскихъ Театрахъ назовемъ *Lucienne*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, основанный на безконечныхъ любовныхъ похожденіяхъ маркизовъ прошедшаго столѣтія; далѣе, *Pour mon fils* (*Для сына*), водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра, очень понравился игрою Г-жи Дежазе; *Les Enfants Blancs*, драма въ пяти актахъ, соч. Малезиля; *Claire Champrosé*, драма въ

одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, основанная на Вареоломеевой Ночи; *Les Fées de Paris* (*Парижскіи Феи*), водевилъ Баяра; *Le Vicomte de Letorière*, водевилъ того же автора, и множество другихъ водевилей, появляющихся на одно мгновение на меньшихъ Парижскихъ Театрахъ.

— Знаменитый комикъ *Брюне*, любимецъ Парижской публики въ теченіе сорока лѣтъ, наконецъ рѣшительно оставляетъ сцену. Въ Декабрѣ прошлаго года, назначенъ былъ ему *последній* бенефисъ, въ которомъ взяли участвовать всѣ комики и фарсеры Парижскихъ театровъ. Достойный соперникъ Брюне, *Потье*, также старый и заслуженный актеръ, взялся играть роль *капитана плесуна* (*sa timbanque*), которою онъ привлекалъ нѣкогда весь Парижъ. За мѣста въ театрѣ платили вдесятеро, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ на двухъ первыхъ фарсеровъ нашего вѣка. Ужъ вѣрно, что такихъ комиковъ какъ Брюне, Потье и покойный Варшавскій актеръ Жулковскій, производятъ вѣки, какъ Гарика, Тальму, Каратыгина... Отъ благороднаго, умнаго фарса до каламбуровъ, вставляемыхъ въ водевилъ: *Ложка 1-го яруса*, каламбуровъ, не принадлежащихъ автору Каратыгину, такъ далеко, какъ отъ солнца до города Зашиверска!

— Директоръ оркестра Большой Парижской Оперы изобрѣлъ способъ для сохраненія хоровъ на сценѣ въ одинаковомъ темпѣ съ оркестромъ; онъ придѣлалъ къ своему пульвету ножку, посредствомъ которой, при весьма простомъ механизмѣ, начало каждаго такта обозначается ударомъ о каждую кулису, такъ, что хористамъ отнынѣ будетъ легко находиться въ постоянной связи съ оркестромъ, даже не смотря на капельмейстера.

— На Лондонскихъ Театрахъ новостей въ послѣднее время было не много. Послѣ смерти Директора Итальянскаго Театра Лапорта, дирекцію принялъ на себя Лумлей, и немедленно отправился на твер-

дую землю — вербовать новыхъ пѣвцовъ. Извѣстный трагикъ Макреди, получившій привилегію на Дрюри ленскій Театръ, намѣревался въ концѣ Декабря начать свои попытки къ возстановленію старой драматической Литературы Англіи. На Ковентъ-Гарденскомъ Театрѣ появились двѣ новыя комедіи въ пяти актахъ: *What will the world say?* (*Что скажутъ въ свѣтѣ*), соч. Англійскаго водевиллиста Меркль-Лемона, и *Старыя Дѣвы*, соч. Шерида-на Нольса. Онѣ не имѣли большого успѣха. На томъ же театрѣ поставленъ въ большой роскоши новый балетъ, содержаніе котораго заимствовано изъ романа *Ганъ-Исландецъ*, Виктора Гюго.

— Очень замѣчательнъ на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ былъ дебютъ пѣвицы Миссъ Аделады Кембль, прославившей уже въ Италіи. «Эта молодая пѣвица,» говоритъ одинъ журналъ, «вполнѣ достойна своего знаменитаго имени. У нея превосходная трагическая головка Кембля, классическій профиль, пріятная и величественная наружность и превосходная способность съ величайшею истиною и изяществомъ отбѣивать всякое чувство, всякую страсть. Къ этимъ достоинствамъ присоединяется совершенно Италианская метода пѣнія, такъ что Г-жа Кембль чрезвычайно напоминаетъ намъ Г-жу Пасту. Г-жа Кембль лучшая Норма изъ всѣхъ, доселѣ видѣнныхъ нами. Съ силою и величіемъ Гризи у Г-жи Кембль соединяется пѣжность, недоступная для первой. На Англійскихъ пѣвицъ она не походитъ нисколько; она, какъ мы сказали, Италианская пѣвица на Англійской сценѣ; чистый, пѣжный голосокъ ея невольно уноситъ васъ въ Италію.»

— Въ Вѣнѣ играна съ большимъ успѣхомъ новая комическая опера, или лучше сказать фарсъ съ пѣніемъ: *Das Mädel aus der Vorstadt, oder: Ehrlich währt am längsten* (*Дѣвушка изъ предмѣстья*), написанный (въ подражаніе Поль-де-Коку) извѣстнымъ Вѣнскимъ комикомъ и писателемъ Нестроемъ, сочинителемъ пѣсень: *Zu*

ebener Erde, Das liederliche Kleeblatt, der Talisman и пр.

— Извѣстный Германскій артистъ Зейдельманъ, одержимый долгое время тяжкою болѣзнію, и даже о смерти котораго разнеслись было слухи прошедшею осенью, недавно явился вновь на Берлинской сценѣ, въ первый разъ послѣ выздоровленія, въ роли Герцога Альбы, въ трагедіи *Эгмонтъ*, Гете. Любимый трагикъ былъ принятъ публикою съ восторгомъ.

— Въ Мюнхенѣ давали 3-го Декабря новую трагическую оперу тамошняго капельмейстера Лахнера: *Катарина Корпаро*, съ танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ. Опера имѣла блистательный успѣхъ. Нынѣ, трауръ по вдовствующей Королевѣ прекратилъ въ Мюнхенѣ спектакли, которые подавали великія надежды на всю зиму. Такъ, напримѣръ, недавно играна тамъ же, въ первый разъ, трагедія Гуцкова: *Паткуль*, которая при тщательной обстановкѣ и раздачѣ главныхъ ролей лучшимъ артистамъ, имѣла успѣхъ. — Въ Мюнхенѣ же представлена въ первый разъ по возобновленіи, опера *Фиделіо*, Бетговена. Заглавную роль занимала Г-жа Стебль-Гейнефеттеръ, сестра Сабинны Гейнефеттеръ, бывшей у насъ прошлою зимою.

— Кстати о Гейнефеттеръ. Другая сестра Сабинны, Катинька Гейнефеттеръ, дебютировавшая въ Парижской Оперѣ съ блистательнымъ успѣхомъ, гдѣ въ чѣмъ-то прогнѣвила фельетониста газеты *Temps*. Послѣ непродолжительнаго отпуску являлась она недавно вновь въ *Гугеноталъ*, Мейербера. Въ *Temps*, по этому случаю, сказано: «Катинька Гейнефеттеръ преврасно пѣла нѣкоторые пассажи своей роли, и между прочимъ: *Ah l'aujourd'hui tout mein sank est à sous!* Или: *Seigneur Dieu, seul soutient*, и т. д. Сверхъ того: *Une femme qui l'adore, et qui mourra, mais en saufant ses chours*. Изъ этого видно, продолжаетъ критикъ, что Катинька Гейнефеттеръ посвящена во всѣ таинства

Французскаго языка, и больше не нуждается въ упражненіяхъ.»

— Въ Копенгагенѣ учреждается Италіанская Опера, для которой ангажирована примадонною Г-жа Фаркони, пользующаяся въ Италіи значительною извѣстностію.

— Въ Бреславлѣ открытъ, въ Ноябрь, новый театр, по закрытіи, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, стариннаго, существовавшего уже 60 лѣтъ. Новый театръ вообще хвалятъ въ архитектурномъ отношеніи. Зала бѣлаго цвѣта, съ золотыми украшениями и красною драпировкою. Надъ сценою видишь бюсты семи замѣчательнѣйшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ писателей и композиторовъ. Боковыя ложи (называемыя у насъ литерными) освѣщены цвѣтными лампами. По произнесеніи пролога режиссеромъ труппы, публика вызвала архитектора Ланганса, строителя театра, котораго тутъ же режиссеръ увѣнчалъ лавровымъ вѣнкомъ.

— Въ Болоннѣ недавно давали, на театрѣ Корсо, оперу, представленную пятью дѣтьми, изъ коихъ младшему еще не минуло пяти лѣтъ, а старшему не болѣе четырнадцати. Они играли цѣлыя оперы, подъ руководствомъ ихъ отца, и въ операхъ Betty, Elisir d'Amore, въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ Севильскаго Цирюльника и въ комическомъ дуэтѣ изъ Chiara di Rosenberg, возбуждали неподдѣльные рукоплесканія слушателей.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ представлений Вильгельма Теля, въ Брюсселѣ, произошелъ случай, совершенно разстроившій главную трогательную сцену, когда Тель стрѣляетъ въ яблоко. Именно, съ Теля свалился парикъ: отъ этого расхоталась не только публика, но и самъ грозный Геслеръ. Когда же кто-то изъ свиты Лацфогта поднялъ парикъ и унесъ его за кулисы, взглянувъ притомъ двусмысленно на лысину Теля, въ залѣ поднялся такой хохотъ, что едва не были принуждены опустить завѣсу.

— Знаменитый Римскій банкиръ, Князь Торлонія выписалъ на свой собственный счетъ, на нынѣшнюю зиму, труппу Французскихъ актеровъ и пѣвцовъ, которые будутъ представлять комедіи, водевили и комическія оперы на домашнемъ театрѣ Князя, въ его дворцѣ, въ Римѣ. На этихъ представленіяхъ будутъ присутствовать только особы, приглашенныя хозяиномъ.

— Свободныя искусства и художества скорѣе смягчатъ нравы Азіятцевъ, нежели регламенты, которыхъ некому ни понимать, ни приводить въ исполненіе. Вспомнимъ древній мнѣзь Ореевъ, который звуками своей лиры усмирять не только дикарей, но чудовища, и заставлялъ плясать камни! Грубые и кровожадные соотчичи Магомета, Арабы, принявъ Греческое просвѣщеніе, были въ свое время образованнѣйшимъ народомъ въ Европѣ. Надѣмся хорошихъ послѣдствій отъ заведенія въ Константинополь *Италіанскаго Театра*. Открытіе происходило 1/10-го Ноября, 1841 года, представленіемъ *Нормы*, соч. Беллини. Примадонна труппы называется Г-жа Серафина Рубини, а контраalto Г-жа Джульета Маччи. Бассъ, Северино Джорджио, имѣетъ слабый голосъ. Оркестръ и декорации изрядныя, судя по мѣстности. Европейская публика довольна этою оперою, Турецкіе чиновники въ восторгѣ. Не знаемъ, позволено ли прекраснымъ обитательницамъ гаремовъ посѣщать представленія оперы. Можно бы для этого сдѣлать ложи съ рѣшетками!

— Независимо отъ монумента, воздвигаемаго Моцарту въ Зальцбургѣ, его мѣстѣ рожденія, Австрійское Правительство рѣшило соорудить памятникъ этому знаменитому композитору на кладбищѣ Св. Максимилиана въ Вѣнѣ, гдѣ Моцартъ погребенъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ письменно обратился къ вдовѣ Моцарта, (вышедшей въ послѣдствіи за мужа за Г. Нисена), и просилъ ее указать могилу ея перваго супруга. Она отвѣчала ему, что не знаетъ точнаго мѣста, гдѣ погребенъ Моцартъ, такъ какъ въ то вре-

мя, когда онъ скончался (5-го Декабря 1791), въ Вѣнѣ хоронили простыхъ гражданъ безъ всякой церемоніи и безъ проводовъ. Немедленно послѣ смерти мужа, она выѣхала изъ Вѣны, и возвратилась туда только черезъ двадцать два года, когда уже не было возможности дознаться, гдѣ именно погребенъ ея супругъ. Въ слѣдствіе того, постановили воздвигнуть памятникъ этотъ какъ можно ближе къ дому, въ которомъ Моцартъ умеръ.

— Въ улицѣ Ришелье, въ Парижѣ, на углу улицы Траверсиеръ, гдѣ донинѣ стоялъ полуразрушенный фонтанъ, обклеиваемый афишками и объявленіями, теперь воздвигаютъ фонтанъ въ честь Молиера. Эта постройка уже готова въ чернѣ; остается устроить бассейнъ, и затѣмъ приступать къ скульптурнымъ украшеніямъ. Весь этотъ фонтанъ сооруженъ изъ тесаного камня, и достигаетъ до четвертаго этажа сосѣднихъ домовъ. Онъ

состоитъ изъ обширной ниши, или углубленія, съ отдѣльными колоннами по сторонамъ. Фронтонъ, простирающійся надъ ними, будетъ украшенъ статуею генія, держащаго вѣнецъ, и разными изваяніями, съ атрибутами драматическаго искусства. Въ углубленіи будетъ находиться статуя Молиера, представленнаго сидящимъ, въ положеніи мечтающаго; по сторонамъ его будутъ поставлены статуи комедіи, серіозной и веселой. Изъ основанія будутъ выливаться каскады въ полукруглый бассейнъ. на фронтонѣ будетъ написано только: А. Molière (Молиеру); На сторонахъ пьедестала будетъ начертано: «Родился въ Парижѣ, 15-го Января 1622,» и «Скончался въ Парижѣ, 17-го Февраля 1673.» Домъ, въ которомъ онъ скончался, находится въ этой улицѣ, насупротивъ воздвигаемаго нынѣ памятника.—На пьедесталѣ будутъ красоваться названія всѣхъ его пьесъ.